

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Алексей
Карпов

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

Annotation

Князь Александр Невский принадлежит к числу наиболее выдающихся людей нашего Отечества. Полководец, не потерпевший ни одного поражения на поле брани, он вошёл в историю и как мудрый и осторожный политик, сумевший уберечь Русь в тяжелейший, переломный момент её истории, совпавший с годами его новгородского, а затем и владимирского княжения.

Книга, предлагаемая вниманию читателей, построена не вполне обычно. Это не просто очередная биография князя. Автор постарался собрать здесь все свидетельства источников, касающиеся личности князя Александра Ярославича и проводимой им политики, выстроив таким образом подробную хронику сорока четырёх лет земной жизни великого князя. Именно подлинные документы эпохи и составили основу повествования.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал *mefysto*

-
- -
 - [АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ](#)
 - [РОДОСЛОВИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО](#)
 - [ХРОНИКА СОРОКА ЧЕТЫРЁХ ЛЕТ](#)
 - [ЗЕМНОЕ И НЕБЕСНОЕ](#)
 - [ЦЕРКОВНОЕ ПРОСЛАВЛЕНИЕ](#)
 - [ЧУДЕСА](#)
 - [ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ ИЗ ВЛАДИМИРА](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ](#)
 - [СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ](#)
 - [СОДЕРЖАНИЕ](#)
 -

-
-
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

-
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)

- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)

- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)

- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)

- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)

- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)

- [249](#)
 - [250](#)
 - [251](#)
 - [252](#)
 - [253](#)
 - [254](#)
 - [255](#)
 - [256](#)
 - [257](#)
 - [258](#)
 - [259](#)
 - [260](#)
 - [261](#)
 - [262](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

МАЛАЯ СЕРИЯ
ВЫПУСК
5

Алексей Карпов

**ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ**

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Карпов А. Ю., 2010

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2010

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ В ИСТОРИИ РОССИИ

Князь Александр Невский принадлежит к числу наиболее выдающихся людей нашего Отечества. Ему выпало управлять Русью в тяжелейший, переломный момент истории, совпавший с годами его новгородского, а затем и владимирского княжения.

Сын переяславского князя Ярослава Всеволодовича и внук великого князя Владимиро-Суздальского Всеволода Большое Гнездо, Александр, кажется, последним из правителей СевероВосточной Руси получил титул великого князя Киевского (это произошло в 1249 году, после его поездки в столицу Монгольской империи Каракорум). Но он даже не побывал в доставшемся ему Киеве — этом пределе мечтаний почти всех предшествующих русских князей, в том числе и его прадеда великого князя Юрия Долгорукого. И неудивительно: сожжённый и разорённый татарами Киев лежал в руинах, и обладание им не представляло никакой ценности не только в глазах Александра Невского, но и в глазах других его современников, ибо жить на пепелище было нельзя, а править — по существу некем. Проезжавший через Киев в 1246 году монах-францисканец Джованни дель Плано Карпини, посол римского папы к монголам, насчитал в этом прежде великолепном и многолюдном городе не более двухсот домов; полвека спустя киевский митрополит-грек Максим, «не терпя насилия татарского», вынужден был навсегда покинуть город и перебраться в более спокойный и благополучный Владимир на Клязьме.

Таков был печальный конец недавней столицы Руси, «матери городам русским», как называли Киев с конца IX века. Гибель этого города в декабре 1240 года, как и гибель бесчисленных русских городов несколькими годами или месяцами раньше, знаменовала завершение блестящей истории Киевской Руси — некогда могущественного государства, державы Рюриковичей, прямым наследником которых был великий князь Александр Ярославич.

Но это не был конец Руси. Не все русские города были захвачены татарами (так, уцелели Новгород, в котором княжил Александр Невский, Псков, другие города Новгородской земли), многие из разорённых городов сумели отстроиться заново, жизнь постепенно возвращалась в них. Северо-Восточная, «Залесская», Русь, первой принявшая удар татар и

пострадавшая более других, первой и оправилась от страшного разорения; именно сюда потянулись переселенцы из разорённых позже областей Южной и Западной Руси. Признание власти ордынских ханов, принятие навязанных ими условий в какой-то степени защищали население «залесских» городов и весей, создавали хоть какую-то видимость стабильности. И именно отец Александра Невского, князь Ярослав Всеволодович, стал первым из русских князей, кто принял из рук ордынского «царя» Батые ярлык на великое княжение Владимирское, то есть сумел сохранить прежние структуры княжеской власти, пускай и ценой включения их в государственные структуры великой Монгольской империи.

Но Ярослав умер осенью 1246 года в далёких монгольских степях, отравленный тогдашней правительницей империи, матерью великого хана Гуюка Туракиной-хатун. Лишь к весне следующего года его тело привезли в стольный Владимир, где и похоронили в белокаменном Успенском соборе. Продолжать политику отца, а по существу вырабатывать основы политики Руси в новых условиях ордынского ига пришлось его сыну, великому князю Александру Невскому. А ведь речь шла тогда ни больше ни меньше как о самом существовании Руси: сумеет ли она уцелеть, сохранить свою государственность, свою этническую самостоятельность? История других народов, подвергшихся нашествию одновременно с Русью, свидетельствует о том, что вопрос этот отнюдь не был риторическим. Так, прекратила своё существование Волжская Болгария, давний сосед и противник Владимиро-Суздальской Руси; исчезли с карты Восточной Европы половцы, повторившие судьбу других обитателей южнорусских степей — торков, печенегов, берендеев...

Князь Александр Ярославич, получивший прозвище Храбрый, или Невский, бесспорно признавался в то время сильнейшим из русских князей (во всяком случае, из князей СевероВосточной Руси). Несмотря на то, что он был ещё молод (ко времени смерти отца ему исполнилось лишь 26 или 25 лет), за его плечами были выдающиеся победы на поле брани, на века прославившие его имя, — разгром шведов на реке Неве летом 1240 года и победа на льду Чудского озера над рыцарями немецкого Ливонского ордена в 1242 году. Позже, чем другие князья, отправился он на поклон к правителю Орды Батые, но в конце концов был признан им в качестве великого князя и в дальнейшем пользовался поддержкой и благорасположением как самого Батые, так и его преемников на ордынском престоле — Сартака, Улагчи, Берке.

Княжение Александра Невского во всех отношениях явилось

переломным в русской истории. Именно при нём, в 50-е — начале 60-х годов XIII века, окончательное оформление получает власть Орды над русскими землями, прежде всего СевероВосточной Русью. Это выразилось в практике выдачи ярлыков на великое княжение в ставке ордынских ханов, в регулярных поездках в Орду русских князей, в проведении ордынскими чиновниками всеобщей переписи населения Руси для более точного обложения его данью (первая перепись была проведена в 1257–1259 годах при непосредственном участии князя Александра), наконец, в регулярном взимании дани в Орду. Татарские чиновники, «баскаки», обосновываются в крупнейших русских городах («великий баскак», как и великий князь Владимирский, избрал местом своего постоянного пребывания стольный Владимир); они сотрудничают с русскими князьями, вмешиваются — иногда по просьбе самих русских князей — во внутренние дела русских земель, располагают собственными вооружёнными силами, проводят собственную политику, разумеется, в интересах Орды, а ещё больше — в своих личных, корыстных интересах. Именно при Александре Невском впервые на Русь была направлена татарская рать, имевшая чисто карательные функции (так называемая «Неврюева рать» 1252 года), и как раз после неё Александр и занял великокняжеский престол во Владимире. Более того, можно думать, что вмешательство татар в русские дела ставило одной из своих целей утверждение лояльного ордынцам Александра на великом княжении вместо его младшего брата Андрея, решившегося на вооружённую борьбу с татарами. Впоследствии участие татарских ратей в решении тех или иных споров между враждующими русскими князьями делается обычным делом и наводить эти рати на Русь станут сами русские князья. Во многом с помощью таких татарских ратей получают власть над Русью московские князья, потомки младшего сына Александра Невского Даниила. Но исторический парадокс — а вернее, историческая закономерность — заключается в том, что именно им предстоит возродить могущество Руси и сбросить в конце концов ненавистное ордынское иго.

Так эпоха Александра Невского зримо отделит историю древней, *домонгольской*. Руси от Руси новой — уже *Московской*. И очень многие черты политической жизни Московского государства, многие особенности политики московских великих князей, а затем и царей будут заложены в княжение их великого предка.

Именно при Александре Невском во многом определится и выбор Руси между Западом и Востоком. Приняв власть татар, Северо-Восточная Русь решительно откажется от союза с латинским Западом, который — разумеется, на известных условиях — предложит русскому князю римский

папа Иннокентий IV на рубеже 40—50-х годов XIII столетия. В своей западной политике Александр проявит себя решительным и бескомпромиссным властителем: он будет успешно противодействовать любым попыткам своих западных соседей (прежде всего, Ливонского ордена, Швеции и Литвы) воспользоваться слабостью Руси и подчинить своему влиянию её западные и северо-западные области. И эту политику Александра Невского также продолжат его преемники на великом княжении Владимирском и на новгородском княжеском столе: натиск немцев, шведов и датчан на земли Великого Новгорода будет остановлен и северо-западная граница Русского государства останется более или менее стабильной на протяжении нескольких последующих столетий. Сам Александр и после разрыва с Римом продолжит политические контакты со странами Западной Европы: Норвегией, Ливонским орденом, городами Ганзейского союза, Литвой. Но в целом ордынское владычество надолго отгородит Русь от западного мира почти непреодолимой стеной, так что к концу XV века Европа вынуждена будет заново «открывать» для себя Русь, о самом существовании которой здесь как будто бы позабудут.

Заметные изменения в княжение Александра Невского произойдут и в положении Церкви в русском обществе. Правители Орды предоставят ей значительные льготы, освободят епископские кафедры, церкви и монастыри от выплаты каких-либо даней и налогов в свою пользу. (Так поступали монгольские ханы и в других завоёванных странах.) В своей политике смирения перед Ордой князь Александр найдёт безусловную поддержку со стороны православных иерархов; союз Церкви и Государства упрочится, а в конечном счёте Церковь станет главнейшим союзником московских князей, наследников власти Александра Невского, в их борьбе за объединение страны и свержение ордынского ига.

Неудивительно, что личность Александра Невского и проводимая им политика приковывали и приковывают к себе неослабевающее внимание не только историков, но и писателей, публицистов и вообще людей, размышляющих о судьбах России и о её месте в мире: слишком велик масштаб этой фигуры и слишком очевидно влияние князя на всё, что происходило в русской истории после него. При этом оценки историков в отношении Александра Невского различаются, порой кардинально. Одни видят в курсе, избранном князем, лишь проявление присущей ему осторожности, дипломатической гибкости, может быть, даже простое угодничество перед жестоким и непобедимым врагом, стремление любыми средствами удержать в своих руках власть над Русью. Оценка князя в таком случае оказывается — как это ни парадоксально — скорее негативной.

«После его смерти Северная Русь оказалась в состоянии большей зависимости от Золотой Орды по сравнению с тем, что было, когда Александр наследовал престол», — писал, например, известный английский историк Дж. Феннел; «усиливавшееся присутствие татар в Суздальской земле» было, по его мнению, «наиболее пагубным последствием политики Александра Невского»^[1]. Другие, напротив, ставят в великую заслугу Александру его смирение перед Ордой, спасшее Русь не только от физического уничтожения татарами, но и от духовного порабощения католическим Западом. Ордынское иго рассматривается при этом как меньшее из зол, поскольку оно не затрагивало «душу» народа, не покушалось на внутренние устои общества, что имело жизненное значение для последующих судеб России. Подобный взгляд характерен прежде всего для представителей так называемой евразийской школы, сформировавшейся в среде русских историков-эмигрантов в 20-е годы XX века и находящей всё большее число сторонников в наши дни. «Два подвига Александра Невского — подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке, — писал крупнейший историк русского зарубежья Г. В. Вернадский, — имели одну цель: сохранение православия как нравственно-политической силы русского народа. Цель эта была достигнута: возрастание русского православного царства совершилось на почве, уготованной Александром»^[2].

Близкую оценку политики Александра Невского дал и крупнейший советский исследователь средневековой России В. Т. Пашуто, отнюдь не склонный разделять исторические построения евразийцев. «Своей осторожной осмотрительной политикой, — писал он об Александре, — он уберёг Русь от окончательного разорения ратями кочевников. Вооружённой борьбой, торговой политикой, избирательной дипломатией он избежал новых войн на Севере и Западе, возможного, но губительного для Руси союза с папством и сближения курии и крестоносцев с Ордой. Он выиграл время, дав Руси окрепнуть и оправиться от страшного разорения. Он — родоначальник политики московских князей, политики возрождения России»^[3].

За спорами о роли и значении Александра Невского в русской истории, о судьбах его политического наследия угадываются противоположные взгляды на исторические пути развития России. В самом деле, вынуждены ли мы повторять «зады» европейской истории, плестись где-то в хвосте длинной вереницы народов, преодолевающих обязательный для всех путь от дикости и варварства к вершинам цивилизации, воплощённым в

европейской культуре? Или же имеем право на свой, особый путь развития — как имеют его и другие народы, другие цивилизации, основанные на иных принципах и идеалах, нежели принципы и идеалы европейских демократий? Ответы на эти вопросы кажутся очевидными — хотя бы потому, что в случае положительного ответа на первый из них вся русская история, начиная с великого выбора Владимира Святого, то есть с Крещения Руси, оказывается по большей части лишь чередой разного рода просчётов и упущенных возможностей. И тем не менее вопросы эти возникают из века в век и ныне, во времена всеобщей «глобализации» не только экономики, но и политики, идеологии, средств массовой информации и коммуникаций, приобретают особую, исключительную актуальность. А значит, появляется необходимость вновь и вновь обращаться к эпохе Александра Невского, то есть к тому времени, когда закладывались самые основы будущей Великороссии.

Но Александр Невский — не просто выдающийся политик, не просто крупнейший государственный деятель переломной эпохи в истории России. Это ещё и один из самых почитаемых русских святых, «небесный заступник» земли Русской, как называли его на Руси. Его почитание как святого началось, по-видимому, сразу же после его смерти; спустя несколько десятилетий было составлено Житие, которое впоследствии неоднократно подвергалось различным переделкам, переработкам и дополнениям. Официальная же канонизация князя Русской церковью состоялась в 1547 году, на церковном соборе, созванном митрополитом Макарием и царём Иваном Грозным, когда были причтены к лику святых многие новые русские чудотворцы, ранее почитавшиеся лишь местно. Причём Церковь в равной мере прославляет и воинские доблести князя, «николиже во бранех побеждаема, всегда же побеждающая и его подвиг кротости, терпения «паче мужества» и «непобедимого смирения» (по внешне парадоксальному выражению Акафиста).

Если мы обратимся к последующим векам русской истории, то перед нами предстанет как бы вторая, посмертная биография князя, которая оказывается для историка не менее интересной, чем его реальная, политическая биография. Незримое присутствие князя отчётливо ощущается во многих событиях — и прежде всего в переломные, наиболее драматические моменты жизни страны. Первое обретение его мощей совершилось в год великой Куликовской победы, одержанной праправнуком Александра Невского, великим московским князем Дмитрием Донским в 1380 году. В чудесных видениях князь Александр Ярославич предстаёт непосредственным участником и самой Куликовской

битвы, и битвы на Молодях в 1572 году, когда войска князя Михаила Ивановича Воротынского разбили крымского хана Девлет-Гирея всего в 45 километрах от Москвы. В 1552 году, во время похода на Казань, приведшего к покорению Казанского ханства, царь Иван Грозный совершает молебен у гроба Александра Невского, и во время этого молебна происходит чудо, расценённое всеми как знамение грядущей победы.

Конечно, в собственно политической, событийной истории Руси XIV–XVI веков этим чудесам и видениям у гроба святого князя не находится места. Но в духовной, а значит, более глубокой, подспудной истории России князь Александр Невский остаётся и после смерти деятельным защитником своей страны, *ратоборцем* и *ходатаем* за Русь.

Но, как это всегда бывает в истории, вокруг великого человека, к тому же почитаемого святого и родоначальника правящей династии, возникает немало мифов и образ его в представлении последующих поколений разительно меняется. В первую очередь это касается его взаимоотношений с ненавистной Ордой. То, что представлялось неизбежным в середине — второй половине XIII века, совсем по-другому воспринималось во времена независимой Московской Руси, свергнувшей ордынское иго. Правители Орды, «цари», как их называли на Руси (сам титул свидетельствует о том, что легитимность их власти не ставилась под сомнение), превращаются в «злочестивых» и «злоименитых мучителей», окаянных «сыроядцев», и подчинение им православного русского князя начинает казаться невыносимым и недопустимым. Так, в поздних редакциях Жития святого Александра Невского появляется совершенно новый эпизод — подробный рассказ об отказе князя во время его поездки в Орду подчиниться требованиям Батые, исполнить унижительный обряд прохождения сквозь огонь и поклонения «твари» (в летописи и ранних редакциях Жития ничего подобного нет) — причём историки давно уже определили, что рассказ этот целиком восходит к Житию другого русского святого — князя Михаила Черниговского, бывшего в действительности политическим противником Александра Невского и его отца Ярослава Всеволодовича и избравшего, в отличие от них, совсем другую, гибельную для себя линию поведения в отношениях с Ордой. Политика компромисса, безоговорочного подчинения Орде, на деле проводимая Александром, едва ли могла оставить по себе память в народе. Но осталось другое и, пожалуй, более важное: результаты этой политики, которые народ сумел понять и оценить вполне однозначно — прежде всего как защиту Руси, обережение князем своих людей от злого насилия татарского.

Он разбил и прогнал
Нечестивых татар, —

поётся в духовном стихе, посвящённом святому Александру Невскому^[4], и можно думать, что в этих строках нашли отражение не столько реальные победы князя (который при жизни ни разу не воевал с Ордой), сколько победы, одержанные его преемниками при его незримом небесном споспешествовании.

Так небесный Александр заменил в памяти поколений Александра земного.

Ещё более существенные изменения в почитании святого произошли в XVIII веке, при императоре Петре Великом. Победитель шведов и основатель Санкт-Петербурга, ставшего для России «окном в Европу», Пётр увидел в князе Александре своего непосредственного предшественника в борьбе со шведским господством на Балтийском море и поспешил передать под его небесное покровительство основанный им на берегах Невы город. Ещё в 1710 году Пётр лично выбрал место для построения монастыря во имя Святой Троицы и Святого Александра Невского — будущей Александро-Невской лавры, а 30 августа 1724 года — в годовщину заключения победоносного Ништадтского мира со Швецией — положил сюда перенесённые из Владимира святыне мощи великого князя. По преданию, на последнем отрезке пути (от устья Ижоры до Александро-Невского монастыря) Пётр лично правил галерой с драгоценным грузом, а за вёслами находились его ближайшие сподвижники, первые сановники государства. Останки святого князя сделались главной, парадной святыней новой столицы России. Вскоре после смерти Петра, исполняя его волю, императрица Екатерина I учредила орден Святого Александра Невского — одну из высших наград Российской империи. Так Александр Невский стал едва ли не первым среди небесных покровителей Империи, а его почитание приобрело не просто религиозный, но *государственный* характер.

Вполне естественно, что это накладывало на подданных особые обязанности в отношении почитания святого князя. Один за другим следовали указы Святейшего Синода, разъясняющие, как именно надлежит отныне правильно праздновать его память. С 1724 года официально было воспрещено изображать Александра Невского в монашеских одеждах (как это делалось раньше, во «владимирский» период, когда святого Александра почитали прежде всего как князя-инока и чудотворца) — но только в великокняжеских. Даже день его памяти был изменён: теперь память

святого князя следовало праздновать не 23 ноября, как раньше, а 30 августа — в день перенесения его мощей (и, соответственно, в день заключения Ништадтского мира)^[5]. Всё это должно было лишний раз подчеркнуть преемственность политики Александра Невского и Петра Великого. «Веселися, Ижорская земля и вся Российская страна! Варяжское море, восплеши руками! Нево реко, распростири своя струи, — говорилось в церковной службе, написанной специально к празднованию 30 августа известным церковным деятелем Петровской эпохи архимандритом Гавриилом Бужинским. — Се бо Князь твой и Владыка, от Свейсаго (шведского. — А. К.) игатя свободивый, торжествует во граде Божии, его же веселят речная устремления (*ср. Пс. 45: 5*)... Возведи окрест очи твои, Россие, и виждь, се бо распростиришася пределы твоя и приусугубишася от востока и севера и юга чада твоя, и Промыслу Вышняго, по бранях, в мире воспой песни твоя!»^[6]

Дщерь Петра Елизавета повелела соорудить для мощей святого князя великолепную серебряную гробницу — подлинное чудо ювелирного искусства. Екатерина Великая выстроила в Александро-Невской лавре новый храм во имя Святой Троицы, куда в 1790 году были торжественно перенесены святые мощи. Трое из пяти императоров, правивших Россией с 1801 по 1917 год, носили имя Александр — в честь святого и благоверного великого князя Александра Невского.

Но вот ещё один исторический парадокс, а может быть, ещё одна историческая закономерность: став официальной государственной святыней, мощи великого князя как будто утратили часть своей прежней чудодейственной силы. В самом деле, жития Александра «владимирской» поры, то есть того времени, когда мощи князя почивали во Владимирском Рождественском монастыре, повествуют о многочисленных чудесах, совершаемых у гробницы святого: сюда с молитвой и верой притекали люди самых различных чинов и званий — от царей и бояр до крестьян из дальних и ближних деревень и монастырских слуг. И многие из них получали исцеление от своих недугов. За «петербургский» же период таких сведений нет. И это не удивляет: рационалистический и просвещённый XVIII век косо смотрел на суеверия предков, да и трудно было ожидать наплыва паломников в лаптях и сермягах в главную лавру Российской империи, где у гроба святого возносили молитвы члены императорской семьи и люди из высшего общества. Может быть, поэтому в простом народе долго ещё ходили легенды, согласно которым святой князь не пожелал лежать в Петербурге, но чудесным образом вернулся во

Владимир...

В последующие века прославление самого знаменитого из князей древней Руси также приобретало заметный политический оттенок. Так было, например, после начала Первой мировой войны, когда наибольшее внимание уделялось другой великой победе Александра Невского — над немцами на льду Чудского озера: ведь «тевтонская» угроза снова стала главной для России и лозунг «Drang nach Osten», актуальный во времена борьбы Новгорода с Ливонским орденом, вновь определял враждебную России политику Германской империи. Так было и в конце 30-х и в 40-е годы XX века — накануне и особенно во время Великой Отечественной войны, когда имя князя Александра Невского было возвращено из забвения. К тому времени давно была закрыта и разграблена Александро-Невская лавра, осквернена и едва не отдана в переплавку серебряная гробница князя, а его выброшенные из гробницы мощи затерялись где-то в подсобных помещениях упразднённого Казанского собора, превращённого в Музей истории религии и атеизма. Но акценты поменялись, и героическое прошлое России, ещё недавно подвергавшееся осмеянию, вновь оказалось востребовано. Тогда и появились патриотический кинофильм «Александр Невский» С. Эйзенштейна с блистательной актёрской работой Н. Черкасова (1938), поэма К. Симонова «Ледовое побоище» (1937), кантата С. Прокофьева «Александр Невский» (1939), написанный в годы войны триптих художника П. Корина с тем же названием. Летом 1942 года был учреждён советский орден Александра Невского, которым награждались командиры Красной армии, проявившие личную отвагу и мужество в бою.

Однако возвращение Александра Невского оказалось далеко не полным. Его позволено было называть великим полководцем, горячим патриотом, защитником Родины в её извечной борьбе с внешним врагом; более того, его имя вошло в некий обязательный набор имён выдающихся полководцев и государственных деятелей прошлого — наряду с именами Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова, Ушакова и Нахимова, причём оказалось в нём единственным именем канонизированного русского святого^[7]. Но как раз об этом в то время не могло быть и речи. В годы всеобщего безверия и воинствующего атеизма Александр Невский стал изображаться полководцем вне религии, вне Православия. Внешняя сторона его деятельности — его громкие победы на поле брани — совершенно затмила его *нравственно-государственную* деятельность, его подвиги в защиту веры — то есть как раз то, благодаря чему и во имя чего эти победы и были одержаны. Так возник ещё один Александр Невский — пожалуй, более всего знакомый нам по книгам и

кинофильмам — непримиримый враг немецкого милитаризма и экспансионизма, беспощадный борец с боярской изменой и боярским сепаратизмом (тема особо актуальная в 30—40-е годы XX века), горячий защитник народных масс и едва ли не «крестьянский» князь, не чурающийся самой чёрной крестьянской работы. Очевидно, однако, что этот экранный, лакированный образ ещё более далёк от истинного, чем иконописный житийный, созданный авторами поздних редакций княжеского Жития.

Времена меняются — меняются и наши представления о прошлом. Торжественное празднование великого (без преувеличения) события — 1000-летия Крещения Руси — совпало по времени с началом нового крутого поворота в жизни страны, ломкой старых форм жизни, распадом прежнего единого государства. Но вместе с тем это было и время возвращения к Православию, возрождения Церкви. Летом 1989 года — одной из первых — Русской Православной церкви была возвращена великая святыня — мощи святого и благоверного великого князя Александра Невского, торжественно перенесённые из Казанского собора обратно в Александро-Невскую лавру. На следующий год рядом с ними в Свято-Троицком соборе лавры был положен ларец с освящённой землёй, взятой с места знаменитой Невской битвы 1240 года. Оказалось, что в эпоху новых потрясений, нового национального унижения и в то же время новых надежд на обновление и грядущее процветание России личность и политическое наследие великого князя по-прежнему актуальны. Но уже по-новому: историки пытаются разглядеть в политике Александра Невского те её составляющие, которые помогли стране выжить в годину величайшего национального бедствия. Эта актуальность сохраняется и сегодня. И не случайно, наверное, что в грандиозном телевизионном проекте 2008 года — «Имя России», — привлечем к себе внимание миллионов телезрителей, князь Александр Невский вышел «победителем» (если это слово здесь уместно), набрав наибольшее число голосов. Как выясняется, в представлении большинства людей именно он в наибольшей степени олицетворяет нашу страну и её героическую историю, причём не одно только прошлое, но и настоящее. Но тем внимательнее следует присмотреться к его фигуре и его эпохе, а вместе — и к тем мифам, которые продолжают возникать вокруг его имени.

Книга, предлагаемая вниманию читателей, построена не вполне обычно^[8]. Это не просто очередная биография князя. Мы постарались собрать здесь по возможности все свидетельства источников, касающиеся личности князя Александра Ярославича и проводимой им политики, выстроив таким образом подробную хронику сорока четырёх лет земной жизни великого князя. Именно подлинные документы эпохи и составили основу повествования.

К сожалению, свидетельств источников об эпохе Александра Невского до обидного мало. Русская история — в отличие от истории западноевропейской — вообще небогата на сохранившиеся письменные источники. Отчасти это объясняется самим ходом событий, бесчисленными войнами, междоусобиями, мятежами, пожарами, в которых гибли бесценные документы прошлого; отчасти — климатическими условиями, плохо подходящими для хранения древних манускриптов. По оценкам специалистов, от домонгольской Руси до нас дошло ничтожно малое число существовавших рукописей, может быть даже доли процента. Ещё меньше документов датируется второй третью XIII века — временем страшного татарского нашествия. Возможно, именно поэтому голос самого великого князя Александра Ярославича едва ли различим сегодня, тем более что князь не оставил после себя литературных сочинений или письменного завещания, подобно, например, своему предку, киевскому князю Владимиру Мономаху, автору знаменитого «Поучения детям». Зато мы можем различить голоса его современников и ближайших потомков. Их глазами мы и попытаемся взглянуть на князя.

Основным источником наших сведений по истории средневековой Руси являются летописи. Это уникальное явление не только русской, но и мировой культуры. Летописи велись из года в год в монастырях, при епископских кафедрах и в княжеских канцеляриях в различных областях Русской земли на протяжении многих столетий (с X или XI века и до XVII века включительно, а на окраинах Русского государства ещё дольше), и каждый новый летописец, начиная свой труд, опирался на уже имеющиеся летописные своды, продолжал работу своих предшественников. Говоря об эпохе Александра Невского, в первую очередь необходимо назвать две главнейшие и наиболее ранние летописи — так называемую Лаврентьевскую (она была составлена монахом Лаврентием в 1377 году для суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича по благословению суздальского епископа Дионисия; в её основе — Суздальская летопись начала XIV века) и Новгородскую Первую старшего извода (её первая, древнейшая часть, доходящая до 1234 года, написана в

конце XIII века; вторая — во второй четверти XIV века). Именно их текст использован в книге чаще всего. Но общее число сохранившихся летописей очень велико. (Только в хранилищах Москвы насчитывают более тысячи рукописей, которые содержат целые летописи или отдельные летописные отрывки.) В более поздних летописных сводах — XV, XVI и последующих веков — сохранилось немало уникальных известий о великом князе Александре Ярославиче. Очень часто они отражают какие-то ранние, не дошедшие до нас летописные своды; иногда представляют собой плод исторических разысканий позднейшего книжника, иногда — домысел или легенду. Помимо летописей привлекались и другие сохранившиеся письменные источники — немногочисленные уцелевшие акты, договорные грамоты русских князей, жития святых, слова и поучения церковных иерархов — современников Александра. (Тексты памятников в основном приводятся в переводе на современный русский язык. В тех случаях, когда имя переводчика не указано, перевод выполнен автором.)

В большинстве своём памятники литературы средневековой Руси анонимны. Мы можем назвать по именам очень немногих русских книжников, современников Александра Невского. Таковы новгородский пономарь Тимофей, автор летописных записей за 20-е — первую половину 30-х годов XIII века в Новгородской Первой летописи; митрополит Кирилл, ближайший сподвижник князя Александра; епископ Владимирский Серапион, знаменитый русский проповедник, который в годы княжения Александра был архимандритом Киевского Печерского монастыря. Имена других неизвестны. Но анализируя тот или иной летописный или житийный текст, можно попытаться установить, кем и, главное, где он был составлен. И выясняется, что, помимо новгородских (в Новгородской Первой, Новгородской Четвёртой, Софийской Первой летописях), мы имеем известия, восходящие к ростовскому летописанию (в Лаврентьевской летописи), а также владимирскому, суздальскому, переяславскому, тверскому, псковскому, смоленскому, московскому, галицко-волынскому. Иными словами, перед нами вся бескрайняя Русь, с надеждой и ожиданием глядящая на своего князя.

Помимо русских источников в нашем распоряжении имеются свидетельства иноземных авторов, многие из которых в своих сочинениях упоминают имя знаменитого русского князя. Их взгляд — со стороны — представляет исключительный интерес, поскольку даёт возможность увидеть князя Александра Ярославича глазами его противников или, наоборот, потенциальных союзников — правителей, дипломатов,

путешественников, хронистов сопредельных стран.

Эпоха Александра Невского — время грандиозного столкновения Запада и Востока, когда мир в очередной раз пришёл в движение и между Лионом во Франции и Сараем на Нижней Волге, Киевом и Каракорумом в Монголии, Генуей и Ханбалыком (Пекином) в Китае, Никеей в Малой Азии и Владимиром на Клязьме, Новгородом и Трондхеймом в Норвегии поддерживались самые оживлённые, не-прекращающиеся связи. А потому география свидетельств об Александре Невском и о России его времени оказывается исключительно широкой. Здесь и известия западноевропейских хронистов, и китайские исторические сочинения, и труды историков и географов из Персии и стран Арабского Востока, и скандинавские саги, и официальные документы римской курии, отчёты папских дипломатов и послов французского короля Людовика Святого. Среди авторов тех сочинений, фрагменты которых приведены в книге, — современники Александра Невского, такие как монахи-францисканцы Джованни дель Пано Карпини и Гильом Рубрук, посланные с дипломатическими миссиями в Монголию, архидиакон Фома Сплитский и Матвей Парижский, армянский историк Киракос Гандзакеци и норвежец Стурла Тордарсон, безымянный автор «Старшей Ливонской рифмованной хроники» и персидский историк и чиновник при дворе Хулагу-хана Ала ад-Дин Атамелик Джувейни, венгерский монах-миссионер Юлиан и папа Иннокентий IV...

Хроника жизни Александра (и хроника жизни Руси его времени) составляет основное, но не единственное содержание книги. Хронике предшествует Родословие Александра Невского, в котором рассказывается о его предках и предшественниках на владимирском и новгородском княжествах. Ещё один, заключительный раздел книги посвящён посмертной — так сказать, «небесной» — биографии князя. Разумеется, разделение биографии Александра Невского на «земную» и «небесную» весьма условно и схематично. Однако мы всё же сочли необходимым собрать вместе главнейшие источники, повествующие о почитании святого князя в XIII–XVIII веках, с тем чтобы читатель мог видеть, как менялись представления об Александре Невском в обществе и как происходило превращение великого политика и государственного деятеля в небесного покровителя Русской земли.

Все приведённые в книге тексты снабжены указаниями на источник, откуда они извлечены (список источников и литературы помещён в конце книги). Автор надеется, что это даст возможность тем из читателей, кому хватит терпения и заинтересованности, обратиться к полным изданиям

процитированных источников и, может быть, составить своё мнение о великом русском князе и об эпохе, в которую ему довелось жить.

РОДОСЛОВИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Из «Родословия великих князей русских»

Первый князь на Русской земле Рюрик, пришедший из
Немец.

Рюрик родил Игоря.

Игорь родил Святослава, который ходил к Царю-граду
ратью.

Святослав родил Владимира Великого, который крестил всю
Русскую землю.

Владимир родил Ярослава, его же грамота в Великом
Новгороде.

Ярослав родил Всеволода.

Всеволод родил Владимира... Мономаха^[9].

Мономах родил Юрия.

Юрий родил Всеволода Большое Гнездо. Всеволод родил
Ярослава.

Ярослав родил великого Александра Храброго.

Александр родил Данила Московского.

Данил родил Ивана, который исправил Русскую землю от
татей и от разбойников.

Иван родил... Ивана^[10].

Иван родил Дмитрия.

Дмитрий родил Василия. Василий родил Василия.

(24. С. 465)

Это родословие князей Рюриковичей — очевидно, в подражание
евангельскому родословию Иисуса Христа (Мф. 1: 1—16) — было

составлено в Новгороде во второй четверти XV века (последним в списке упомянут великий князь Василий Васильевич Тёмный, правивший в 1425–1462 годах, с перерывами)^[11]. Князь Александр «Храбрый», или Александр «Невский», как будут называть его позже, занимает в этом списке центральное, ключевое место. И это справедливо: он, прямой наследник великих киевских князей — Крестителя Руси Владимира Святого, Ярослава Мудрого и других, — стал родоначальником великих князей Московских, правителей уже новой, Московской Руси. Но сначала — о его великих предках.

Прадед Александра, князь Юрий Владимирович, получивший прозвище Долгорукий, один из младших сыновей знаменитого Владимира Мономаха, вошёл в историю как подлинный основатель Суздальского княжества, ставшего при нём одним из сильнейших в Русской земле. Строитель Москвы, а также многих других городов — Переяславля-Залесского (родины Александра Невского), Юрьева-Польского, Дмитрова, князь Юрий Владимирович до конца своей жизни не довольствовался доставшимся ему от отца уделом и стремился завладеть стольным Киевом, воссесть на «златом» киевском престоле. (Именно этому стремлению к далёкому от него Киеву Юрий, как считают, и обязан своим прозвищем.) Он вступал то в одну, то в другую коалицию князей, постоянно воевал со своими недавними союзниками, охотно приводил на Русь половцев — словом, вёл себя так же, как многие другие русские князья того времени, только, может быть, действовал более энергично. В 1135 году Юрий даже отказался от Суздальского княжества ради Переяславля Южного (близ Киева), однако вскоре вернулся в Суздаль. Неустойчивыми были и его отношения с Новгородом, куда Юрию иногда удавалось посадить на княжение своих сыновей — сначала старшего, Ростислава (в 1138/39 и 1141/42 годах), а затем Мстислава (в 1155–1157 годах).

С 1146 года началась многолетняя война Юрия со своим племянником Изяславом Мстиславичем, представителем старшей линии князей Мономашичей, ставшим в этом году великим князем Киевским. Дважды по ходу войны Юрию удавалось овладеть Киевом, но оба раза ненадолго (конец августа 1149-го — весна 1150 года и конец августа 1150-го — март 1151 года). Лишь после смерти Изяслава (13 ноября 1154 года), а также старшего брата Юрия Вячеслава Владимировича (декабрь 1154-го или начало января 1155-го) Юрий овладел Киевом, изгнав из него черниговского князя Изяслава Давыдовича

(20 марта 1155 года). Он раздал своим сыновьям ближние к Киеву города — Вышгород, Переяславль Южный и другие. Однако его положение

в Киеве оставалось неустойчивым. В 1156 году Юрий совершил безрезультатный поход на Волынь против сына Изяслава Мстиславича Мстислава. Южные окраины Киевской земли подвергались нападению половцев, с которыми Юрию никак не удавалось договориться о мире. В 1157 году новгородцы изгнали сына Юрия. Весной того же года сложилась сильная коалиция князей, направленная против него; в эту коалицию вошли Изяслав Давыдович Черниговский, а также племянник Юрия Ростислав Мстиславич Смоленский и Мстислав Изяславич. Во время подготовки к новой большой войне Юрий внезапно заболел и 15 мая скорострительно умер. Полагают, что он был отравлен киевлянами, ибо накануне своей болезни пировал у некоего Петрилы и, по словам летописца, «в тот же день, на ночь, разболелся» (39. Стб. 489). В день его похорон (16 мая) в Киеве начались беспорядки: были разгромлены княжеские дворцы, ограблены и убиты многие суздальцы, пришедшие в Киев вместе с князем.

Юрий оставил после себя девять сыновей: Андрея, Бориса, Глеба, Мстислава, Василька, Ярослава, Михаила, Святослава и Всеволода. (Двое старших, Ростислав и Иван, умерли при его жизни.) Он умер великим князем Киевским, исполнив мечту жизни, однако его сыновья — и прежде всего наиболее выдающийся из них, князь Андрей Боголюбский, — отказались от притязаний на Киев, более заботясь о собственном княжестве, укрепляя и приукрашивая его. Именно в годы княжения Андрея Юрьевича Боголюбского (1157–1174) Суздальское княжество превратилось в сильнейшее в Русской земле.

Столицей княжества Андрей сделал незначительный до этого Владимир (на реке Клязьме), а не более древние Суздаль или Ростов.

Дед Александра Невского, князь Всеволод Юрьевич (в крещении Дмитрий), получивший по многочисленности своего потомства прозвище Большое Гнездо, был младшим сыном Юрия Долгорукого (он родился в 1154 году). Около 1161 года Всеволод вместе с другими братьями и матерью, второй женой Юрия Долгорукого (предположительно, гречанкой), был изгнан Андреем из Владимиро-Суздальской земли и некоторое время прожил в Византии. Затем он вернулся на Русь и с 1169 года принимал участие в войнах, которые вели Андрей и другие братья. В течение недолгого времени (начало весны 1172 или 1173 года) Всеволод княжил в Киеве, посаженный туда всеильным Андреем. После смерти Андрея Боголюбского (29 июня 1174 года) Всеволод принял участие в междоусобной войне, начавшейся во Владимиро-Суздальском княжестве; он воевал на стороне своего брата Михаила (Михалка) против племянников

— старших внуков Юрия Долгорукого Мстислава и Ярополка Ростиславичей. Война завершилась в июне 1175 года победой Михаила. Спустя год, 20 июня 1176 года, Михаил умер, и жители Владимира провозгласили Всеволода своим князем. Тогда войну против Всеволода начали ростовцы, пригласившие на княжение Мстислава Ростиславича. 27 июня у Юрьева-Польского произошла битва, в которой Всеволод одержал решительную победу.

За время своего 37-летнего княжения Всеволод сделался сильнейшим князем во всей Руси. Он безраздельно властвовал во Владимиро-Суздальском княжестве, подчинил своему влиянию Новгород; рязанские и муромские князья находились в зависимости от него. Всеволод прочно удерживал в своих руках Переяславль Южный и тем самым влиял на события, происходившие в Киеве. Авторитет Всеволода был признан во всём русском обществе. «Великий княже Всеволоде! — мысленно обращался к нему его современник, автор гениального «Слова о полку Игореве». — ...Ты бо можеша Волгу веслы раскропити (расплескать. — А. К.), а Дон шелома выльяти (вычерпать. — А. К.)» (68. С. 60). Автор же Лаврентьевской летописи посвятил ему такую восторженную похвалу:

...Много мужества и дерзости явил в боях, украшен всеми добродетелями, злых казня, а благоразумных милуя: ибо князь не втуне меч носит, но в отмщение злодеям и в похвалу делающим добро. От одного имени его трепетали все страны, и по всей земле прошёл слух о нём, и все злоумышления на него отдал Бог в руки его, поскольку не возносился, не возвеличивал себя, но все свои надежды возлагал на Бога, и Бог покорял ему под ноги врагов его... Потому и даровал ему Бог детей благоразумных, которых и воспитал в строгости, истинном образе мыслей, вплоть до возмужания...

(38. Стб. 436–437)

Великий князь Всеволод Юрьевич воздвиг немало церквей и монастырей: и в стольном Владимире, и в других городах своего княжества. Среди них — знаменитый Дмитровский собор, украшенный великолепной резьбой, а также монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, занявший вскоре первое место среди всех монастырей СевероВосточной Руси. Пройдёт время, и в этом монастыре будет похоронен внук Всеволода Большое Гнездо, великий князь Владимирский

Александр Ярославич Невский.

Всеволод скончался 13 апреля 1212 года и был похоронен в главном храме Владимира — белокаменном Успенском соборе.

И плакали по нему сыновья его плачем великим, и все бояре и мужи, и вся земля волости его...

(38. Стб. 437)

Все дети князя Всеволода Юрьевича появились на свет в одном браке — с княгиней Марией, по происхождению «ясыней», то есть осетинкой^[12]. Мария умерла 19 марта 1205 года, пролежав перед этим семь лет в болезни и приняв пострижение за несколько дней до смерти. Она тоже оставила заметный след в истории города Владимира, основав женский монастырь во имя Успения Пресвятой Богородицы (так называемый Княгинин); в этом монастыре будут похоронены многие представительницы женской половины великокняжеской семьи, в том числе супруга и дочь князя Александра Невского. После смерти первой жены Всеволод женился ещё раз — на дочери витебского князя Василька, но этот недолгий брак оказался бездетным.

Всего же у Всеволода было восемь сыновей: Константин, Борис (умерший при жизни отца), Юрий, Ярослав, Глеб, Владимир, Иван и Святослав, а также четыре дочери. Несмотря на то, что все сыновья родились от одной матери, особой сплочённости между ними источники не обнаруживают.

Так, почти сразу же после смерти Всеволода между братьями началась междоусобная война, затянувшаяся на несколько лет. Истоки вражды братьев — прежде всего старшего, Константина, с одной стороны, и Юрия и Ярослава, с другой — восходят к последним годам жизни Всеволода: незадолго до смерти он составил завещание, согласно которому великое княжение и город Владимир должны были перейти к его старшему сыну Константину, княжившему тогда в Ростове, Ростов же отходил к Юрию. Константин не согласился с этим и потребовал себе оба города. Рассерженный Всеволод изменил завещание: теперь Юрий должен был получить Владимир и великое княжение, а Константину оставался Ростов. Это решение отца ещё меньше устроило Константина. Он не присутствовал на отцовских похоронах во Владимире и отверг предложение Юрия поменаться с ним княжениями. Сам Константин хотел сидеть во Владимире, Юрию предлагал Суздаль, а в Ростове должны были княжить

его сыновья.

До 1216 года в войне между братьями сохранялось неустойчивое равновесие, которое было нарушено вмешательством сильного новгородского князя Мстислава Мстиславича Торопецкого, прозванного Удатным (то есть удачливым). Последний вместе со своими родичами, потомками князя Ростислава Мстиславича Смоленского, выступил в поддержку Константина. 21 апреля 1216 года войска Константина, Мстислава и их союзников наголову разгромили Юрия и Ярослава на реке Липице, близ Юрьева-Польского. Юрий был вынужден уступить Константину Владимир и Суздаль, получив взамен незначительный Радилев Городец на Волге. На следующий год братья заключили новый договор: Константин вернул Юрию Суздаль и завещал после своей смерти Владимир и великое княжение; Ростов становился наследственным владением Константина и его потомков. После смерти Константина (2 февраля 1218 года) Юрий вторично стал великим князем Владимирским и оставался им до своей трагической гибели на реке Сити 4 марта 1238 года.

Князь Ярослав (в крещении Фёдор) Всеволодович, отец Александра Невского, получил от отца во владение город Переяславль-Залесский, ставший с этого времени одним из главных городов СевероВосточной Руси. Он проявил себя весьма энергичным и деятельным князем, хотя далеко не все его поступки, особенно в начале его самостоятельной политической карьеры, вызывают одобрение летописцев и позднейших историков.

Ярослав родился 8 февраля 1190 года. В 1200 году отец отправил его на княжение в Южный Переяславль, где Ярослав оставался до 1206 года, когда был изгнан из города князем Всеволодом Святославичем Чермным (из рода Черниговских князей). Впоследствии — до смерти отца — он не раз пытался занять княжеские столы в разных городах, например, в Галиче и Рязани, но всякий раз неудачно. В междоусобной войне 1212–1216 годов Ярослав играл заметную роль, активно поддерживая своего брата Юрия, с которым был очень дружен. В 1212 и 1213 годах братья дважды выступали к Ростову против Константина, но оба раза дело не доходило до прямого военного столкновения и заканчивалось перемирием. В начале 1215 года, после того как из Новгорода в Южную Русь ушёл князь Мстислав Мстиславич Торопецкий, новгородцы, «много гадавшие», предложили княжение Ярославу Всеволодовичу. Может быть, этому способствовали родственные отношения, установившиеся между Мстиславом и Ярославом: в 1213 году переяславский князь женился на княжне Ростиславе, дочери Мстислава Удатного^[13]. (Ростислава Мстиславна была не первой женой

Ярослава. Ещё в 1206 году он женился на половецкой княжне, дочери половецкого хана Юрия Кончаковича, но этот бездетный брак оказался недолгим.)

Так отец Александра Невского в первый раз стал новгородским князем. Однако почти сразу он рассорился и с новгородскими боярами, и, главное, со своим тестем, князем Мстиславом Мстиславичем. Ярослав схватил в Новгороде многих сторонников Мстислава и отправил их в заточение в Тверь, а сам, чувствуя недоброжелательное отношение к себе, выехал из Новгорода в Торжок и установил торговую и продовольственную блокаду города, в котором и без того начинался жестокий голод из-за случившегося неурожая.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

Той же осенью много зла сотворилось: побил мороз урожай по волости, а на Торжке всё уцелело. И забрал князь весь хлеб в Торжке, не пустил в город ни воза; и послали к князю Семёна Борисовича, Вячеслава Климятича, Зубца Якуна — и тех схватил; и кого посылали, всех князь хватал. А в Новгороде зло было большое: кадь ржи покупали за 10 гривен, а овса по 3 гривны, а репы воз по 2 гривны; ели люди сосновую кору, и лист липовый, и мох. О, горе было тогда, братья: детей своих продавали, и поставили скудельницу^[14], и всю её наполнили... На торгу трупы, по улицам трупы, по полю трупы, так что и псы не могли всех съесть... и так, по грехам нашим, обезлюдели волость наша и город наш. Новгородцы же, оставшиеся в живых, отправили посадника Юрия Ивановича и Степана Твердиславича и иных мужей к князю; а тот их схватил и прислал в Новгород Ивора и Чапоноса, привёл княгиню свою к себе, дочь Мстиславову; а потом послали [новгородцы] Мануила Ягольевича с последнею речью: «Пойди в отчину свою, к Святой Софии, а не идёшь, так скажи нам». Ярослав же и тех не отпустил, а купцов новгородских всех схватил. И были в Новгороде печаль и вопль...

(24. С. 54)

В феврале 1216 года Мстислав Удатной вернулся в Новгород, арестовал наместника Ярослава и всех его слуг. Попытка уладить ссору

миром не увенчалась успехом, Ярослав отказывался от переговоров. Началась война между тестем и зятем, в которую очень скоро оказались вовлечены многие другие русские князья, в том числе братья Ярослава Юрий и Константин, по-прежнему враждовавшие между собой. Несмотря на то, что Ярослав, Юрий и присоединившийся к ним Святослав Всеволодовичи имели явное превосходство в силах, война, как уже говорилось выше, закончилась их катастрофическим поражением. По показаниям источников, в Липицкой битве у Юрия и Ярослава погибли 9233 человека, в то время как их противники потеряли всего 6 человек^[15].

Поведение самого Ярослава Всеволодовича во время Липицкого побоища и особенно после него — по крайней мере, в изложении враждебных ему смоленского и новгородского летописцев — не вызывает и тени сочувствия. Вместе со своим полком он первым бежал с поля боя и при этом так спешил, что на пути к Переяславлю загнал четырёх коней.

...И не довольно ему было первого зла, не насытился крови человеческой, избив многих людей в Новгороде, и в Торжке, и на Волоке, но и тут, вбежав [в город], схватил новгородцев и смолян, какие пришли в землю его по торговым делам, и повелел всех что ни есть новгородцев в погреби бросать, а иных в гридницу, и тут задохнулись во множестве; а иных повелел запереть в тесной избе, где задохлось их полтораста человек. А смолян 15 человек запер отдельно, те все остались живы.

Когда союзные князья приблизились к Переяславлю (к тому времени Юрий уже капитулировал и Константин занял Владимир), Ярослав, «придя в смятение, начал присылать к ним людей, моля о мире». Затем сам выехал из города и ударил челом своему старшему брату Константину, умоляя того не выдавать его тестю.

Константин же примирил Мстислава с Ярославом, зятем его, и примирились, не доходя до Переяславля... Ярослав одарил и князей, и новгородцев дарами великими. А Мстислав, не входя в город, забрал дары и, послав в город, взял дочь свою, жену Ярослава, и тех новгородцев, что остались живы и что были с Ярославом в полку, и выехал в станы за город. Ярослав же многожды посылал с мольбой к Мстиславу, прося вернуть ему княгиню его... Мстислав же не пустил дочь свою к нему. И, простояв ночь, князья разошлись: Константин пошёл к

Владимиру, а Мстислав к Новгороду...

(40. С. 194–197)

Ярослав сохранил за собой Переяславское княжество. Что же касается его переговоров с тестем относительно супруги, княгини Ростиславы Мстиславны, то летописи более не возвращаются к этому сюжету, а потому мы не знаем, как скоро Ростислава вернулась к мужу, да и, строго говоря, вернулась ли она к нему вообще. А между тем этот вопрос представляется для нас исключительно важным, поскольку речь идёт о происхождении матери Александра Невского.

Житие святого и благоверного великого князя Александра называет лишь крестильное имя его матери — Феодосия. Большинство историков, однако, полагают, что речь идёт именно о второй супруге Ярослава Всеволодовича, княгине Ростиславе Мстиславне. Вероятно, её отец, тесть Ярослава Мстислав, всё же не смог насильно разлучить супругов, соединённых церковным браком, и по прошествии времени Ростислава вернулась к мужу. Впрочем, в литературе была высказана и другая точка зрения на этот счёт, основанная на показаниях поздних родословных книг. Согласно им, матью Александра Невского и всех других сыновей Ярослава Всеволодовича могла быть некая третья супруга князя, возможно, дочь рязанского князя Игоря Глебовича († прежде 1195) и сестра князя Юрия Игоревича (занявшего рязанский стол ранее 1237 года): предположительно, князь вступил с ней в брак в 1218 году, после того как расстался с Ростиславой Мстиславной. Эта гипотеза имеет под собой определённые основания^[16] и также находит своих сторонников. А потому приходится констатировать, что вопрос о происхождении матери Александра Невского по-прежнему остаётся открытым и кем она была, мы, строго говоря, в точности не знаем.

Первенец Ярослава Фёдор родился в 1219-м или в начале 1220 года, и с того времени супруга регулярно приносила мужу здоровое и полноценное потомство. Всего у князя Ярослава Всеволодовича было восемь или девять сыновей: Фёдор, Александр, Андрей, Константин, Ярослав (в крещении Афанасий), Даниил, Михаил, Василий и, вероятно, ещё один, неизвестный нам по имени, погибший во время Батыева нашествия в 1238 году в Твери; а также две дочери — Мария и ещё одна, неизвестная по имени.

Поздние редакции Жития Александра характеризуют княгиню Феодосию как женщину «блаженную и чудную», всецело посвятившую себя супругу и детям. Она скончалась в 1244 году в Новгороде, приняв

перед смертью пострижение с именем Евфросинии в новгородском Юрьеве монастыре, где и была похоронена.

О деде Александра Невского по матери, князе Мстиславе Мстиславиче Торопецком (если, конечно, верно то, что именно его дочь была матерью всех сыновей Ярослава Всеволодовича), мы уже немного говорили. Подобно своему отцу, смоленскому и новгородскому князю Мстиславу Ростиславичу Храброму (f 1180), Мстислав Удатной прославился прежде всего как замечательный полководец и бесстрашный воин. За время своего княжения в Новгороде (1208 — зима 1214/15 и 11 февраля 1216 — июль 1217) он совершил несколько успешных походов в Прибалтику, в какой-то степени предвосхитивших будущие походы его зятя Ярослава и внука Александра: на эстонскую крепость Медвежья Голова (Отеля) в 1210 году, «сквозе землю Чудскую к морю» в 1212-м, на Ригу в 1216-м и др. Летом 1212 года по призыву своих родичей, «Ростиславлих внуков», Мстислав вместе с новгородцами выступил к Киеву, против князя Всеволода Святославича Чермного, и одержал полную победу, в результате которой Киев занял его двоюродный брат Мстислав Романович. Дважды Мстислав Удатной завоёвывал Галич, изгоняя из него венгерские войска: в 1218 и 1221 годах; после второй победы он оставался на галицком престоле в течение шести лет.

Князь Мстислав Мстиславич был женат на половецкой княжне, дочери половецкого хана Котяна. Именно по просьбе тестя он призывал князей Южной Руси выступить против монголов, впервые вторгшихся в южнорусские степи в 1223 году. В несчастной для русских битве на реке Калке Мстислав Галицкий уцелел (в отличие от своего двоюродного брата Мстислава Романовича Киевского и Мстислава Святославича Черниговского), однако летописи именно его называют главным виновником неудачи: Мстислав вместе со своим зятем, князем Даниилом Романовичем, вступил в сражение, ничего не сказав о том двум другим Мстиславам, «зависти ради, бе бо котора (распря. — А. К.) велика межю има» (39. Стб. 743); несогласованность действий князей, а также нестойкость союзных половцев и привели к катастрофе.

Впоследствии Мстислав уступил Галич другому своему зятю — венгерскому королевичу Андрею (о чём позднее сожалел), а сам ушёл княжить в Тор-ческ, город на реке Роси, в Поднепровье. Умер он в 1228 году, в пути, направляясь к Киеву, и, по свидетельству летописей, принял перед смертью пострижение в иноческий чин и схиму (43. С. 94).

Таковы были предки князя Александра Ярославича. Как и всякому князю, ему предстояло продолжить их политику. Но судьба уготовила ему

править Русью в совершенно иных условиях, в эпоху страшного, ни с чем не сравнимого разорения всей Русской земли.

ХРОНИКА СОРОКА ЧЕТЫРЁХ ЛЕТ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ЯРОСЛАВИЧА

ГОД 1220

Переяславль-Залесский

Мая 30 родился князю Ярославу сын и наречён во святом крещении Александр.

(70. С. 210)

Дата рождения князя Александра Ярославича, второго сына переяславского князя Ярослава Всеволодовича, принимается историками лишь в качестве условной. Известные нам летописи её не содержат; она приведена в «Истории Российской» русского историка XVIII века Василия Никитича Татищева, возможно, пользовавшегося летописями, не дошедшими до нашего времени. В «Истории» В. Н. Татищева о рождении Александра сообщается под 1219 годом, однако в этой летописной статье объединены события двух лет: и 1219-го, и 1220-го; рождение Ярославова сына помещено среди событий 1220 года. В 1219 году (или в начале следующего, 1220-го) у князя Ярослава родился первенец Фёдор, старший брат Александра; следовательно, будущий Невский герой мог появиться на свет лишь в 1220-м или, как полагают некоторые историки, даже в 1221 году^[17]. Что же касается даты 30 мая, то едва ли она извлечена В. Н. Татищевым из какой-то несохранившейся летописи. 30 мая — день рождения императора Петра I, чьим любимым историческим деятелем был Александр Ярославич. Очень похоже, что историк XVIII столетия опирался на традицию своего времени, согласно которой два этих великих мужа появились на свет в один день.

Имя Александр — довольно редкое в княжеской среде того времени — сын Ярослава получил, по всей вероятности, в честь святого воина Александра Римского, принявшего мученическую смерть при императоре Максимиане в начале IV века (его память празднуется Церковью 13 мая).

Но более всего это имя было известно на Руси благодаря величайшему воителю древности Александру Македонскому, о подвигах которого рассказывал средневековый роман «Александрия», существовавший в славянском переводе и весьма популярный на Руси. Именно воителем — подобно древнему Александру — и суждено было войти в русскую историю князю Александру Ярославичу.

Год 1220-й был ознаменован большим походом русских князей на Волжскую Болгарию (это мусульманское государство занимало земли по средней Волге и Каме). В походе приняли участие и дружины отца Александра, переяславского князя Ярослава Всеволодовича:

Георгий (Юрий), великий князь, сын Всеволожь, послал брата своего Святослава с полками и воеводами на безбожных болгар (в поздней Никоновской летописи добавлено: а брат его князь Ярослав Всеволодович своего воеводу послал со своими войсками в помощь, а племянник его князь Василько Константинович послал воеводу своего со своими ростовцами и с устюжанами в помощь, а князь Давыд Муромский послал своего воеводу со своими войсками в помощь. — А, К.). И когда пришёл Святослав под град их Ошел, вышли из ладей все полки их пеши; увидели это безбожные болгары, скоро изготовились: одни на конях, а другие пеши, выступили из града и устремились на бой. Наши же, укрепляемые силой честного креста, пошли против них, стреляя по ним; они же, отбежав за тын («плот»), бились крепко. Наши же рассекли тын и вбили их в град, и отняли у них врата, и зажгли город их, и взяли их на щит. И помог Бог Святославу месяца июня в 15-й день, на память святого Амоса.

(38. Стб. 444–445; 43. С. 83–84)

Болгары вынуждены были просить мир, на который великий князь Юрий Всеволодович согласился далеко не сразу. В ознаменование великой победы и «вечного» мира в следующем, 1221 году был заложен город Нижний Новгород — можно сказать, сверстник Александра Невского.

ГОД 1223

Новгород. Переяславль

Зимой 1222/23 года круговерть событий, связанных с новгородским

княжением, вновь захлестнула переяславского князя Ярослава Всеволодовича, а вместе с ним и его малолетних сыновей — Фёдора и Александра. В будущем большая часть жизни князя Александра Ярославича окажется связана с Великим Новгородом; будучи новгородским князем, он одержит свои знаменитые победы, навсегда прославившие его имя. А впервые он попал в этот город ещё трёхлетним ребёнком — вместе со своим отцом, во второй раз ставшим новгородским князем.

В первой трети XIII века, а особенно после добровольного ухода с новгородского княжеского стола князя Мстислава Мстиславича Удатного в 1217 году, Новгород разрывался между двумя противоборствующими силами. Часть бояр стояла за князьями из Южной Руси; не имевшие возможности опереться на собственные силы и интересовавшиеся по большей части южнорусскими делами, они не слишком вмешивались во внутренние дела Новгорода, и жить при них новгородцам было намного легче. Однако постоянно растущая угроза со стороны Запада и особенно воинственной языческой Литвы заставляла новгородцев искать союз с сильными князьями СевероВосточной Руси. Те умели оборонить Новгород, но взамен проводили жёсткую политику, ущемлявшую политические и торговые интересы города. Борьба двух партий в самом Новгороде нередко приобретала очень острые формы и оборачивалась кровопролитными мятежами. Обычно после приглашения на княжение в Новгород того или иного князя из Суздальского дома и отражения очередной внешней угрозы в Новгороде брала верх враждебно настроенная к суздальцам партия и дело заканчивалось изгнанием неугодного правителя. Но суздальские князья отнюдь не готовы были мириться с утратой этого богатейшего города Руси. Да и нужда в них в самом Новгороде сохранялась.

В начале 1222 года новгородцы попросили у великого князя Юрия Всеволодовича на княжение его семилетнего сына Всеволода. Отрок, однако, сумел продержаться на новгородском столе менее года. По неизвестной причине зимой 1222/23 года «князь Всеволод побежал в ночь, утаившись, из Новгорода со всем двором своим; новгородцы же опечалены были тем» и вновь отправили своих «старейших мужей» к Юрию. Летописи передают слова, с которыми они обратились к великому князю Владимиро-Суздальскому: «Если не угодно тебе держать Новгород [за] сыном, то дай нам брата» (24. С. 61).

Так на княжение в Новгород — на этот раз вместе с семейством — отправился князь Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского.

Ярослав оставил по себе недобрую память в Новгороде. Там, разумеется, не забыли о его насилиях по отношению к новгородцам во

время его первого новгородского княжения в 1215–1216 годах: об аресте более двух тысяч новгородских купцов в Торжке, о хлебной блокаде города во время голода, о полутора сотнях новгородцев, погибших по воле князя от удушья в темницах Переяславля-Залесского, наконец, о трусости, проявленной Ярославом во время Липицкой битвы. И тем не менее новгородцы приняли его. Правда, и второе новгородское княжение Ярослава продлилось очень недолго.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

В лето 6731 (1223)^[18]. Пришёл князь Ярослав в Новгород, и рады были новгородцы. Воевала литва около Торопца, и гнался за ними Ярослав с новгородцами до Усвята, [но] не догнал их... Пришёл князь Ярослав от брата и пошёл со всею областью к Колываню, и повоевал всю землю Чудскую^[19], а полона привёл без числа, но города не взял; злата много взял, и вернулись все здравы.

Пошёл князь Ярослав с княгинею и с детьми к Переяславлю; новгородцы же кланялись ему: «Не ходи, княже!»; он же пошёл по своей воле...

(24. С. 61)

Так в первый раз князь Александр Ярославич — правда, пока ещё безымянно, вместе с братом, — был упомянут новгородским летописцем.

Напомним, что 1223 год — год первого появления монголо-татар в русских пределах, год несчастной для русских битвы на Калке, в которой погибли девять русских князей, в том числе великий князь Киевский Мстислав Романович и черниговский князь Мстислав Святославич, и несколько тысяч простых воинов. Князья СевероВосточной Руси, как известно, не приняли участия в сражении... Татары ушли, и русским казалось, что этот неведомый и страшный народ больше никогда не явится в их пределы.

...О сих же злых татарах... не ведаем, — записывал русский книжник, — откуда пришли на нас и куда опять делись; только Бог весть.

(38. Стб. 509)

Того же лета была засуха сильная, и многие леса и болота загорались, и дым сильный шёл, так что недалеко можно было глядеть людям; словно мгла к земле прилегала, так что и птицы не могли по небу летать, но падали на землю и умирали. Того же лета явилась звезда на западе, и шли от неё лучи, не видимые людям, но словно с юга по две восходя с вечера после захода солнца, и была величиной более иных звёзд. И пребывала так 7 дней, а после 7 дней явились от неё лучи к востоку; простояла так 4 дня и сделалась невидима^[20].

(38. Стб. 447)

ГОД 1224

Юрьев (Дерпт)

Того же лета убили князя Вячка в Юрьеве немцы, а город взяли.

(24. С. 61)

Это событие самым непосредственным образом повлияло на политическую ситуацию вокруг Новгорода и всей Северо-Западной Руси. Город Юрьев был основан ещё князем Ярославом Мудрым в 1030 году как центр русского влияния в Восточной Прибалтике (Эстонии). После того как в начале XIII века рыцари немецкого Ордена меченосцев (основанного в целях католической пропаганды на землях Прибалтики в 1202 году рижским епископом Альбертом) развернули наступление в Прибалтике и подчинили себе большую часть Эстонии, город перешёл под власть немцев, которые переименовали его в Дорпат, или Дерпт (ныне Тарту). В 1222 году эсты подняли восстание против захватчиков и изгнали их из своей земли. В Юрьев был приглашён на княжение князь Вячеслав (Вячко) — вероятно, из рода полоцких князей. В течение двух лет ему удавалось сдерживать натиск рыцарей, но к 1224 году сил у защитников города уже не осталось.

Вот как описывает взятие города современник событий Генрих Латвийский, автор «Хроники Ливонии»:

...Число убитых доходило уже до тысячи. Русские, оборонявшиеся дольше всего, наконец были побеждены и побежали сверху внутрь укрепления; их вытащили оттуда и перебили, всего вместе с королём^[21] около двухсот человек... Из всех бывших в замке мужчин остался в живых только один — вассал великого короля суздальского^[22], посланный своим господином вместе с другими русскими в этот замок. Братья-рыцари снабдили его потом одеждой и отправили на хорошем коне домой в Новгород и Суздаль сообщить о происшедшем его господам...

Новгородцы же пришли было во Псков с многочисленным войском, собираясь освободить замок от тевтонской осады, но, услышав, что замок уже взят, а их люди перебиты, с большим горем и негодованием возвратились в свой город.

(12. С. 239–240. Перевод С. А. Аннинского)

Следствием произошедшего стал мирный договор, по которому русские вынуждены были признать власть Ордена над Восточной Прибалтикой. По замечанию современных исследователей, этот договор определил границу, которая «в конечном итоге закрепила сохраняющийся до настоящего времени западный рубеж России в данном регионе» (22. С. 76).

ГОД 1226

Переяславль. Новгород

Третье по счёту новгородское княжение отца Александра Невского оказалось более продолжительным и ознаменовалось несколькими важными деяниями. Ярослав сменил на новгородском столе черниговского князя Михаила Всеволодовича, в будущем почитаемого русского святого и мученика за веру, а в то время своего политического противника.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

Новгородцы же послали к Ярославу, в Переяславль... Той же зимой пришла литва, без числа; повоевали около Торжка и не дошли до Торжка 3 версты. Было же их 7 тысяч; и гостей^[23] побили многих, и Торопецкую волость всю захватили. («И захватили многое множество христиан, и много зла сотворили,

воюя около Новгорода, и около Торопца, и у Смоленска, и до Полоцка, потому что была рать велика зело, какой не было от начала мира», — читаем в *Лаврентьевской летописи*. — А. К.) Князь же Ярослав и Владимир^[24] с сыном и с новоторжцами — княжий двор, новгородцев же мало — и торопчане с князем своим Давыдом пошли за ними; а новгородцы послали [своих]: те же, дойдя до Русы, возвратились. Князь же Ярослав нагнал литву на Усвяте; и напали на них, и так, Божией помощью и Святой Софии, отняли весь полон, а самих перебили 2000, а остаток их разбежался; тут убили князя Торопецкого Давыда и Василя, меченошу Ярославова.

(24. С. 64)

Эта победа случилась в воскресенье сыропустной недели, то есть 1 марта.

И была радость великая по всем землям тем, освобождённым им от поганых, был мир потом на многие лета.

(38. Стб. 447–448)

После победы на Усвяте князь Ярослав вступил в Новгород. «И положил того во гнев [новгородцам], что не пошли за ним», — пишет новгородский летописец.

ГОД 1227 **Новгород**

...Ярослав, сын Всеволожь, ходил из Новгорода за море, на емь^[25], где ни один из князей русских не бывал, и всю землю их пленил; и возвратился к Новгороду, славя и хваля Бога, ведя множество полона, так что находившиеся с ним не могли весь полон довести, но одних изрубили, а иных множество отпустили восвояси.

...В том же году князь Ярослав Всеволодович, послав, крестил множество карел, едва ли не всех людей...

(38. Стб. 449)

В том же году [в Новгороде] сожгли волхвов четырёх, обвинив их в том, что потворами (колдовством. — А. К.) занимаются, — а Бог весть; и сожгли их на Ярославле двореце.

(24. С. 65)

ГОД 1228/29

Новгород

Под этим годом имя княжича Александра Ярославина впервые появляется на страницах летописи. Причём появляется в связи с очередным конфликтом между его отцом, князем Ярославом Всеволодовичем, и новгородцами. Впрочем, обо всём по порядку.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

В лето 6736 (1228)... Того же лета приплыла емь воевать в Ладожское озеро в лодках, и пришла в Спасов день^[26] весть о том в Новгород. Новгородцы же, рассевшись в насады^[27], выгребли в Ладогу с князем Ярославом. Володислав, посадник Ладожский, с ладожанами, не ожидая новгородцев, погнался в ладьях вслед за ними (емью. — А. К.)... и настиг их, и бился с ними. И была ночь, и отступили (ладожане. — А. К.) на островок, а емь на берегу с полною... Той же ночью запросили мира, и не дал им посадник с ладожанами, а они иссекли весь полон, а сами побежали в лес, бросив лодки; много их тут пеших пало, а лодки их сожгли. Новгородцы же, простояв в Неве несколько дней, собрали вече и хотели убить Судимира^[28], и укрыл его князь в насаде у себя. Оттуда возвратились в Новгород, не дождавшись ладожан...

Подспудная неприязнь между князем и новгородцами, давшая о себе знать во время недолгого «стояния на Неве», выплеснулась наружу чуть позже, в связи с событиями вокруг Пскова, «младшего брата» и исторического соперника Новгорода. Союз с Псковом был необходим князю Ярославу в условиях надвигавшейся войны с Западом, однако псковичи были заинтересованы в сохранении мирных отношений с Ливонским орденом — своим ближайшим западным соседом.

В том же году, ещё прежде сей рати, князь Ярослав пошёл во Псков с посадником Иванком и тысяцким Вячеславом. И услышали псковичи, что идёт к ним князь, и затворились в городе, не пустили к себе; князь же, простояв на Дубровне, возвратился в Новгород; во Пскове же толковали, будто везёт к ним оковы, хочет заковать лучших мужей. И, придя [в Новгород, Ярослав] собрал вече на владычном дворе^[29] и так сказал: «Не замышлял ничего худого против псковичей, но вёз им в коробьях дары: паволоки и овощи, а они меня обесчестили», и возложил на них жалобу великую. Тогда же привёл полки из Переяславля, так сказав: «Хочу идти на Ригу»^[30]; и стали те около Городища в шатрах, а иные в Славне по дворам^[31]. И подорожало всё на торгу: и хлеб, и мясо, и рыба, и с того времени настала дороговизна: покупали хлеб по 2 куны, а кадь ржи по 3 гривны, а пшеницу по 5 гривен, а пшена по 7 гривен — и продолжалось так в течение трёх лет.

Услышав о том, что привёл Ярослав полки, и убоявшись того, псковичи заключили мир с рижанами, от Новгорода же отложившись, и так решили [с рижанами]: «То вы, а то новгородцы, а нам дела нет^[32], но если пойдут на нас войной, то вы нам помогайте», и те согласились; и взяли у них [у псковичей] 40 человек в заложники. Новгородцы же, узнав об этом, сказали: «Князь нас зовёт на Ригу, а сам хочет идти на Псков».

Тогда же князь послал Мишу^[33] во Псков, сказав: «Пойдите со мной в поход; а зла против вас никакого не замышлял; а тех, кто оболгал меня перед вами, мне выдайте». Псковичи же прислали гречина с ответом: «Тебе, княже, кланяемся и братии новгородцам; в поход же не идём и братии своей не выдаём, а с рижанами у нас мир. Вы, к Колываню ходивши, серебро взяли, а сами пошли в Новгород, а правды (договора. — А. К.) не заключили, города не взяли, и у Кеси также, и у Медвежьей Головы также^[34]. А нашу братью за то перебили на озере, а иные уведены [в полон], а вы учинили раздор — да и прочь. А если на нас замыслили, то мы против вас со Святою Богородицей и с поклоном; а лучше вы нас иссечёте, а жён и детей себе заберёте, нежели поганые. На том вам кланяемся». Новгородцы же так

сказали князю: «Мы без своей братии, без псковичей, на Ригу не пойдём, а тебе, княже, кланяемся». Много князь уговаривал их, но не выступили в поход. Тогда князь Ярослав отослал полки свои домой...

Тогда же пошёл Ярослав с княгиней из Новгорода к Переяславлю, а в Новгороде оставил двух своих сыновей, Фёдора и Александра, с Фёдором Даниловичем [и] с тиуном Якимом.

Напомним, что юные княжичи, как прежде их отец и как вообще все новгородские князья, пребывали не в самом городе, а на Городище — в княжеской резиденции в двух километрах от Новгорода. Но всё, что происходило в самом городе, касалось их самым непосредственным образом. А в Новгороде разворачивались события весьма бурные и крайне неблагоприятные для власти суздальских князей.

Той же осенью начался дождь велик на Госпожин день^[35] — шёл и день, и ночь, так что и до Николина дня^[36] не видели светлого дня: ни сена людям нельзя было добыть, ни нивы возделать.

Противники Ярослава обвинили во всём новгородского епископа Арсения: он-де был поставлен не по закону, но дав мзду князю и свергнув законного новгородского владыку Антония (в миру боярина Добрыню Ядрейковича). Арсения, «аки злодея», выпихали вон с владычного двора и едва не убили. Далее начался настоящий мятеж:

...Пришёл в смятение весь город, и пошли с веча с оружием на тысяцкого Вячеслава, и разграбили двор его, и брата его Богуслава, и Андреичев, владычного стольника, и Давыдка Софийского, и Судимиров; а на Душильца, на Липинского старосту, послали грабить, а самого его хотели повесить, но ускакал [тот] к Ярославу, а жену его схватили, говоря, что «те на зло князю водят»; и был мятеж в городе велик... Тогда отняли тысяцкое у Вячеслава и дали Борису Негочевичу, а к князю Ярославу послали на том: «Поезжай к нам, заботное (один из видов поборов. — А. К.) отмени, судей по волостям не слать; на всей воле нашей и на всех грамотах Ярославлих^[37] ты наш князь; или — ты по себе, а мы по себе».

Той же зимой, в сыропустную неделю, во вторник^[38], в ночь, побежал Фёдор Данилович с тиуном Якимом, взяв с собою двух княжичей, Фёдора и Александра.

Так княжичи вновь оказались в Переяславле, возле отца. Новгородцы же так решили на вече:

«Да если какое зло задумали на Святую Софию (*то есть на Новгород. — А. К.*) то и побежали, а мы их не гнали, но братию свою казнили (*то есть своих, новгородцев. — А. К.*); а князю никакого зла не причинили. Да будет им Бог и крест честной, а мы себе князя промыслим». И целовали Святую Богородицу, что быть им всем заодно, и послали за [князем] Михаилом [Всеволодовичем] в Чернигов...

(24. С. 65–67)

ГОД 1230

Владимир. Новгород

Из Лаврентьевской летописи

...В то же лето, 3 мая, на память святого Феодосия, игумена Печерского, в пятницу, во время святой литургии, когда читали святое Евангелие, в соборной церкви Святой Богородицы во Владимире затряслась земля, и церковь, и трапезная, и иконы задвигались по стенам, и паникадила со свечами и светильниками заколебались, и люди многие изумились... И то всё было по всей земле в один день, один час, в час святой литургии...

Того же месяца в 10-й день, в пятницу 5-й недели по Пасхе, некоторые видели, что восходящее солнце имело три угла, как коврига, потом казалось, как звезда, и так исчезло, потом через некоторое время вновь взошло своим чередом. Того же месяца в 14-й день, во вторник 6-й недели по Пасхе, во втором часу^[39], солнце начало исчезать на глазах у всех людей, и осталось его мало, как месяц трёх дней, и начало снова наполняться...

В то же лето приходил преосвященный митрополит всея Руси Кирилл^[40] к великому князю Юрию, и к брату его Ярославу, и к Святославу, и к Константиновичам Васильку, Всеволоду и Владимиру^[41] от киевского князя Владимира Рюриковича, а от черниговского князя Михаила пришёл епископ Порфирий; пришли с ними и игумен пречестного монастыря Святого Спаса в

Киеве на Берестовом Пётр Акерович, и другой муж Владимира [Рюриковича] — стольник его Юрий. Эти трое приходили с митрополитом, прося примирить Михаила с Ярославом. Ибо Михаил был не прав, нарушая крестное целование Ярославу, и Ярослав хотел идти на Михаила. Бог же не допустил этого... Ибо послушал Ярослав брата своего старейшего Юрия, и отца своего митрополита, и епископа Порфирия и заключил мир с Михаилом, и была радость великая...

Много же даров дали оба князя, Юрий и Ярослав, отцу своему митрополиту и епископу Порфирию и игумену Спасскому, и взяли благословение от них, и отпустили их каждого к своему князю.

(38. Стб. 454–456. Перевод А. Г. Кузьмина по: 65. С. 274–276)

В Новгороде же дела к тому времени обстояли плачевно. Начался голод, который усугублялся тем, что рассорившийся с новгородцами Ярослав занял Волок Ламский и вновь перерезал торговые пути, по которым в город поступали товары из «Низовских земель» (как называли в Новгороде Северо-Восточную Русь), в том числе хлеб.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

...Так воздал Господь Бог по делам нашим. На Воздвижение честного креста^[42] побил мороз урожай по волости нашей, и оттого пришло горе великое: начали покупать хлеб по 8 кун, а ржи кадь по 20 гривен, а во дворах по 25, а пшеницы по 40 гривен, а пшена по 50, а овса по 13 гривен. И разбрелись град наш и волость наша, и полны были чужие города и страны братьями нашими и сёстрами, а те, кто остались, начали помирать. И кто не прослезится о том, видя мертвецов, по улицам лежащих, и младенцев, псами поедаемых. И вложил Бог в сердце архиепископу Спиридону^[43] благое сотворить: устроил скудельницу (братскую могилу. — А. К.) у церкви Святых Апостолов на Прусской улице, в яме, и приставил мужа благого, смиренного, по имени Станил, возить мертвецов на конях, где отыщутся по городу, — и так беспрестанно по все дни волочили и наполнили яму доверху, числом же 3 тысячи и 30...

Князь Михаил вновь вернулся в Чернигов, оставив в Новгороде своего малолетнего сына Ростислава, только-только прошедшего обряд постригов (ритуального посвящения мальчика в мужчину). Но ни Ростислав, ни бывшие с ним черниговские мужи не могли справиться с голодом и разбродом в городе. Новгородцам надо было мириться с «низовскими» (суздальскими) князьями. Вновь подняли голову сторонники Ярослава.

И дали посадничество Степану Тъердиславичу, а тысяцкое Миките Петриловичу... А княжичу Ростиславу путь показали с Торжка к отцу в Чернигов: «Отец твой обещал на коня сесть на войну с Воздвижения и крест целовал, а вот уже Николин день^[44]. С нас крестное целование [снято]; а ты пойдя прочь, а мы себе князя промыслим». И послали к Ярославу на всей воле новгородской. Ярослав же спешно пришёл к Новгороду месяца декабря в 30-й день, и созвали вече, и целовал [князь] Святуу Богородицу на грамотах на всех Ярославлих. И, пробыв две недели, пошёл опять в Переяславль, взяв с собою младших мужей новгородских; а сыновей своих двух, Фёдора и Александра, посадил в Новгороде...

(24. С. 69–70)

Фёдору шёл двенадцатый год, Александру — одиннадцатый. Так в январе 1231 года они стали новгородскими князьями — пока, правда, лишь номинально, ибо всеми делами Новгорода управлял их отец, князь Ярослав Всеволодович.

ГОД 1231

Новгород

Первый год княжения Фёдора и Александра Ярославичей в Новгороде был ознаменован страшными бедствиями: небывалым голодом, едва не выкосившим весь город, пожарами и мятежами. Свой рассказ о новгородских событиях продолжает их очевидец, один из авторов Новгородской Первой летописи пономарь Тимофей, трудившийся во второй половине XIII века:

...Что сказать или что возглаголать о бывшей на нас от Бога напасти?! Так что иные из простой чади людей живых резали и ели, а иные мёртвых мясо, с трупов срезая, ели, а другие конину,

псину, кошек... иные же мох ели, ужей (?), сосну, кору липовую и лист ильмов^[45], кто что промыслит; а иные ещё злые люди начали добрых людей дома поджигать, где рожь чуяли, и так расхищали имение их, вместо покаяния. И горше того зло было; видели пред очами своими гнев Божий: мертвецы по улицам, и по торгу, и по Великому мосту псами изъедены, не погребённые. И вторую скудельницу поставили на поле, в конце Чудинцевой улицы, и была та полна, в ней же и числа нет; и третью поставили на Колени, за Святого Рождества церковью, и та наполнилась, в ней же и числа нет. Нам бы, всё это видящим пред очами своими, лучше становиться, мы же только пуце: брат брата не пожалеет, ни отец сына, ни мать дочери, сосед соседу хлеба не преломит; не было милости между нами, но были туга и печаль, на улице скорбь друг между другом, дбма тоска при виде детей плачущих о хлебе, а других умирающих. И покупали хлеб по гривне и больше, а ржи четвёртую часть кади покупали по гривне серебра; и отдавали отцы и матери детей своих за хлеб купцам. Горе же это было не только в нашей земле одной, но по всей области Русской, кроме одного Киева. И так Бог воздал нам по делам нашим.

...Загорелся [Новгород] от двора Матвея Вышковича, и погорел весь конец Словенский, даже и до конца Холма... Такой лютый пожар был, что и по воде огонь шёл, через Волхов... Того же лета открыл Бог милосердие Своё на нас грешных, сотворил милость Свою вскоре: подспели немцы из-заморья с житом и мукою и сотворили много добра — а уже при конце был город сей...

(24. С. 70–71)

ГОД 1232

Новгород

Сторонники черниговских князей предприняли в этом году последнюю попытку вернуть себе власть над Псковом и Новгородом. Беглый новгородский тысяцкий Борис Негочевич и другие бояре явились из Чернигова во Псков, схватили наместника князя Ярослава Всеволодовича Вячеслава, избили и оковали его.

В Новгороде же был мятеж велик, ибо не было князя Ярослава, но был тогда в Переяславле. И приехал князь из Переяславля, схватил псковичей и посадил их на Городище, в гриднице. И послал во Псков с такими словами: «Мужа моего пустите, а тем путь покажите прочь, откуда пришли». Они же... так сказали: «Пришлите к ним жён их и товары, тогда мы Вячеслава отпустим; или — вы себе, а мы себе». И так не было мира всё лето. И не пустил князь купцов к ним, и покупали [во Пскове] соль по 7 гривен за берковец^[46], и отпустили Вячеслава. Князь же пустил к ним жён Борисову [и других], а мира не взял. На зиму пришли псковичи, поклонились князю: «Ты наш князь» и попросили у Ярослава [на княжение] сына Фёдора. И не дал им сына, и сказал: «Се даю вам шурина своего Юрия^[47]», и повели его ко Пскову. А Борисову чадь прогнали с жёнами их. Они же пошли в Медвежью Голову^[48].

(24. С. 71–72)

На следующий год «Борисова чадь» изгоном захватила Изборск. Псковичи выступили против них, многих взяли в плен и передали князю Ярославу; «князь же, исковав, заточил их в Переяславль».

Так завершилась борьба за Новгород между черниговскими и суздальскими князьями. Отныне до конца XIII века в Новгороде будут княжить только потомки князя Ярослава Всеволодовича.

ГОД 1233

Новгород

Ещё одно, на этот раз трагическое, событие в семье князя Ярослава Всеволодовича, в значительной степени определившее последующую судьбу княжича Александра. С этого времени он стал старшим среди сыновей и наследников своего отца.

...В том же году, 10 июня, преставился князь Фёдор, старший сын Ярославов, и положен был в монастыре Святого Георгия^[49], и молод ещё был. И кто не пожалеет о нём: свадьба приготовлена, мёды наварены, невеста приведена, князья позваны; и были вместо веселия плач и сетования за грехи наши. Но, Господи, слава Тебе, Царю небесному, так изволившему, но упокой его со всеми праведными.

В то же лето заложена была церковь на воротах от Неревского конца во имя святого Фёдора.

(24. С. 72)

По предположению некоторых историков, невестой юного Фёдора Ярославича была дочь князя Михаила Всеволодовича Черниговского — будущая знаменитая русская святая, игуменья суздальского Ризположенского монастыря Евфросиния; брак этот должен был скрепить мир между Михаилом и Ярославом (см., напр.: 117. С. 43). Отметим, однако, что Житие преподобной Евфросинии Суздальской по-другому называет имя её жениха, скончавшегося накануне свадьбы, — им был некий суздальский князь Мина (18. С. 185–186). Что ж, подобные случаи, вероятно, не были исключением в то суровое время...

ГОД 1234

Новгород

На весну князь Ярослав Всеволодович выступил в большой поход на орденские владения. По всей вероятности, в этом походе принял участие и его четырнадцатилетний сын Александр. Знаменательно, что некоторые эпизоды сражения на реке Амовже (по-эстонски, Эмайыги), в частности эпизод с проломившимся под тяжёлыми немецкими рыцарями льдом, впоследствии стали связывать с победой над немцами князя Александра Невского на льду Чудского озера. (В наиболее ранних источниках, рассказывающих о Ледовом побоище, этой подробности нет.)

В лето 6742 (1234). Пошёл князь Ярослав с новгородцами и со всей областью и со своими полками на немцев под Юрьев. И остановился князь, не дойдя до города, с полками, и пустил людей своих в зажитье^[50] воевать; немцы же выступили из града, а иные из Медвежьей Головы на сторожи^[51], и бились с ними те до подхода полка. И помог Бог князю Ярославу с новгородцами, и били их до реки, и пало тут несколько лучших немцев; а когда были немцы на реке Амовже, обломился лёд, и утопло их тут много, а иные, раненые, вбежали в Юрьев, а другие — в Медвежью Голову; и много опустошили земли их и урожай потратили. И поклонились немцы князю; Ярослав же заключил с ними мир на всей правде своей. И возвратились новгородцы все здоровы, а низовцев^[52] несколько погибло.

В том же году литовцы напали на Старую Руссу и разорили город, а затем отступили к Клину.

...Тогда же весть пришла в Новгород, к князю Ярославу; князь же с новгородцами, рассевшись в насады, а иные на конях, пошли за ними по Ловати. И когда были у Моравьина, возвратились ладейщики обратно в город, и князь отпустил их, потому что не хватило у них хлеба, а сам с конниками пошёл за литовцами. И настиг их на Дубровне, на селище, в Торопецкой волости, и тут бились с безбожной окаянной литвою; и пособил Бог и крест честной и Святая София, Премудрость Божия, князю Ярославу с новгородцами над погаными, и отняли у них коней 300 и товар их; а те побежали в лес, побросав оружие, и щиты, и сови^[53], и всё с себя; а иные тут костями пали. А новгородцев тут убили 10 человек... Покой, Господи, души их в Царствии небесном, проливших кровь свою за Святую Софию и за кровь христианскую.

(24. С. 72–73)

ГОД 1235

Монголия

В этом году в далёких монгольских степях произошло событие, которому на столетия суждено было определить судьбы всей Русской земли. На курултае (съезде монгольской знати) было принято окончательное решение о походе монголо-татарских орд на запад. Возглавить поход должен был старший из внуков Чингисхана Бату (в русских источниках — Батый), сын Джучи — того самого, которому повелел завоевать западные страны его отец Чингисхан.

Из «Истории завоевателя мира» Джувейни

Когда каан (великий хан Угедей, сын Чингисхана. — А. К.) во второй раз устроил большой курилтай и назначил совещание относительно уничтожения и истребления остальных непокорных, то состоялось решение завладеть странами Булгара, асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были ещё окончательно покорены и гордились своей

многочисленностью. Поэтому в помощь и подкрепление Бату он [Угедей] назначил царевичей: [сыновей Тулуя] Менгу-хана и брата его Бучека, из своих сыновей Грюк-хана и Кадагана и других царевичей: Куль-кана, Бури, Байдара, братьев Бату — Хорду и Тангута, и нескольких других царевичей, а из знатных эмиров был Субатай-бахадур... Весной^[54] [они] выступили из своих местопребываний и поспешили опередить друг друга... От множества войска земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные...

(64. С. 25–26. Перевод В. Г. Тизенгаузена)

ГОД 1236

Новгород

С этого года ведет отсчёт самостоятельное княжение шестнадцатилетнего князя Александра Ярославича в Новгороде.

В лето 6744 (1236). Пошёл князь Ярослав из Новгорода к Киеву на стол, взяв с собою новгородцев лучших: Судимира в Славне, Якима Влунковича, Косту Вячеславича и новоторжцев 100 человек, а в Новгороде посадил сына своего Александра. И, придя, сел в Киеве на столе; и продержал новгородцев и новоторжцев одну неделю, и, одарив, отпустил прочь; и вернулись все здоровы...

(24. С. 74)

Впрочем, по сведениям авторов Ипатьевской (Киевской) летописи, княжение Ярослава в Киеве продлилось недолго:

...Пришёл Ярослав Суздальский и взял Киев под Владимиром^[55], [но], не сумев его удержать, пошёл обратно к Суздалю, и взял под ним [Киев] Михаил [Черниговский]...

(39. Стб. 777)

Борьба Ярослава за Клев стала частью большой междоусобной войны между русскими князьями, которая серьёзно ослабляла силы Руси накануне

и во время монголо-татарского нашествия. В эту войну оказались втянуты и отец Александра Невского Ярослав Всеволодович, и Михаил Черниговский, и сильнейший князь Юго-Западной Руси Даниил Галицкий, и многие другие русские князья. Киев переходил из рук в руки до самого своего падения в 1240 году. Однако на судьбе Александра перипетии борьбы его отца за Киев не отразились — он оставался новгородским князем.

Этот год ознаменован также важным событием, произошедшим к западу от русских земель: летом 1236 года главные силы Ордена меченосцев потерпели сокрушительное поражение от язычников-литовцев в битве при Сауле (Шяуляе); в битве пал и сам магистр Ордена Фолквин. Русские в этой войне держали сторону Ордена: отряд псковичей принял участие в битве; по некоторым данным, поддержали Орден и новгородцы.

...Того же лета^[56] пришли немцы в силе великой из заморья в Ригу, и тут соединились все: и рижане, и вся Чудская земля, а псковичи от себя послали помощь, 200 мужей, [и] пошли на безбожную литву. И так, грехов ради наших, побеждены были безбожными язычниками, пришёл домой лишь каждый десятый.

(24. С. 74)

Битва при Шяуляе имела два важнейших последствия. Во-первых, она возвестила об образовании независимого Литовского государства, во главе которого встал энергичный и талантливый князь Миндовг. Языческая Литва надолго превратилась в главного соперника русских князей на западе и важнейший субъект международных отношений Восточной Европы. Во-вторых, Орден немецких рыцарей-меченосцев в Ливонии был разгромлен и фактически прекратил своё существование. Как следствие, произошло его слияние с другим Орденом, наиболее боеспособным среди всех немецких рыцарских орденов того времени, — Тевтонским, обосновавшимся в Пруссии в 1229–1230 годах. 12 мая 1237 года в папской резиденции Витербо, близ Рима, папой Григорием IX было утверждено образование нового Ливонского ордена, формально считавшегося филиалом Тевтонского ордена в Ливонии. Осенью того же года в Ливонию прибыл первый отряд рыцарей-тевтонцев, присланный великим магистром Ордена Германом фон Зальцем. Сила немецких рыцарей в Прибалтике и их агрессивные устремления в отношении прибалтийских и русских земель во много раз возросли.

Но главная, смертельная опасность — которую удивительным образом как будто не замечали русские князья — надвигалась на Русь с востока. Год 1236-й приблизил её практически вплотную к русским рубежам.

...Той же осенью пришли от восточной страны в Болгарскую землю безбожные татары, и взяли славный Великий город Болгарский, и перебили оружием от старца и до юного и до сущего младенца, и взяли товара множество, а город их пожгли огнём и всю землю их полонили...

(38. Стб. 460)

По сведениям (или догадке?) В. Н. Татищева, многие болгары бежали «от пленения татарского» на Русь, к великому князю Юрию Всеволодовичу.

Князь же великий Юрий вельми рад сему был и повелел их развести по городам около Волги и в другие. Тогда многие советовали ему, чтоб города крепить и со всеми князи согласиться к сопротивлению, ежели оные нечестивые татары придут на земли его, но он, наделся на силу свою, яко и прежде, оное презрил.

(70. С. 230)

О тревожном ожидании близящегося нашествия в 1236-м и следующем, 1237 годах свидетельствует венгерский монах-доминиканец Юлиан, который поздней осенью 1237 года, то есть буквально накануне нападения татар на Русь, посетил Владимиро-Суздальское княжество по дороге к уральским венграм (уграм), среди которых он намеревался проповедовать христианство. Неожиданно для себя Юлиан оказался в эпицентре грозных событий. Вот что пишет он в своём послании папскому легату епископу Перуджи о намерениях татар и об ответных действиях великого князя Суздальского Юрия Всеволодовича:

...Ныне же, находясь на границах Руси, мы близко узнали действительную правду о том, что всё войско, идущее в страны запада, разделено на четыре части. Одна часть у реки Этиль (Волги. — А. К.) на границах Руси с восточного края подступила к Суздалию. Другая же часть в южном направлении уже

нападала^[57] на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть остановилась против реки Дона, близ замка Воронеж (?)^[58], также княжества русских. Они, как передавали нам словесно сами русские, венгры и болгары, бежавшие перед ними, ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замёрзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь...

Многие передают за верное и князь суздальский передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днём и ночью совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего. Поэтому он [хан] отправил послов к королю венгерскому. Проезжая через землю суздальскую, они были захвачены князем суздальским, а письмо, посланное королю венгерскому, он у них взял; самих послов... я видел со спутниками, мне данными...

(З. С. 83–90. Перевод С. А. Аннинского)

ГОД 1237/38

Северо-Восточная Русь

Трагические события зимы 1237/38 года навсегда раскололи русскую историю надвое: отныне о любом её событии можно будет сказать: до или после страшного татарского разгрома оно произошло.

На исходе декабря 1237 года орды Батыя обрушились на Рязанское княжество. Рязань пала. О том, что происходило в городе, рассказывает «Повесть о разорении Рязани Батыем» — одно из самых трагических произведений древнерусской литературы. Горы замёрзших трупов, остовы обуглившихся церквей — такой предстала Рязань перед возвратившимися на пепелище... В январе — феврале {238 года судьбу Рязани повторили многие города Владимиро-Суздальской Руси...

7 февраля был взят стольный Владимир, из которого незадолго до того выехал великий князь Юрий Всеволодович, собиравший войска для отпора завоевателям. Оборону города князь Юрий возложил на своих сыновей Всеволода и Мстислава и на старого воеводу Петра Ослядюковича.

...В субботу мясопустную начали татары готовить леса, и пороки^[59] устанавливали до вечера, а на ночь поставили ограду

вокруг всего города Владимира. В воскресенье мясопустное после заутрени пошли они на приступ к городу, месяца февраля в седьмой день, на память святого мученика Феодора Стратилата... И так вскоре взяли Новый город...

А епископ Митрофан, и княгиня Юрия с дочерью, и со снохами, и с внучатами, и другие, княгиня Владимира^[60] с детьми, и многое множество бояр и простых людей заперлись в церкви Святой Богородицы. И были они здесь без милости сожжены... Татары же силой выбили двери церковные и увидели, что одни в огне скончались, а других они оружием добились...

Так погибли и сыновья великого князя Юрия Всеволодовича, все члены его семейства и многое множество горожан — и знатных, и простых людей, мужчин, женщин, детей.

...Убит был Пахомий, архимандрит монастыря Рождества Святой Богородицы, и игумен Успенский, Феодосий Спасский, и другие игумены, и монахи, и монахини, и попы, и диаконы, начиная с юных и кончая старцами и грудными младенцами. Расправились татары со всеми, убивая одних, а других уводя босых и раздетых, умирающих от холода, в станы свои. И было видеть страшно и трепетно, как в христианском роде страх, и сомнение, и несчастье распространялись...

После взятия стольного Владимира татары обрушились на другие города СевероВосточной Руси.

Часть татар пошла к Ростову, а другая часть к Ярославлю, а иные пошли на Волгу на Городец, и пленили они все земли по Волге до самого Галича Мерьского; а другие татары пошли на Переяславль, и взяли его, а оттуда пленили все окрестные земли и многие города вплоть до Торжка. И нет ни одного места, и мало таких деревень и сёл, где бы ни воевали они на Суздальской земле. Взяли они, в один месяц февраль, четырнадцать городов, не считая слобод и погостов...

(38. Стб. 462–464. Перевод Д. М. Буланина по: 28. С. 139–141)

4 марта в решающей битве на реке Сити татары наголову разгромили войско великого князя Юрия Всеволодовича. Так погиб и великий князь, как прежде погибли все его сыновья.

Свидетельствует персидский историк конца XIII — начала XIV века Рашид ад-Дин, автор «Сборника летописей», повествующего об истории монголов:

...Они (монголы. — А. К.) ожесточённо дрались... Город Переяславль, коренную область Везислава (Всеволода? — А. К.), они взяли сообща в 5 дней. Эмир этой области банке Юрку (великий князь Юрий Всеволодович. — А. К.) бежал и ушёл в лес; его также поймали и убили. После того они (монголы. — А. К.) ушли оттуда, порешив на совете идти туманами облавой и всякий город, область и крепость, которые им встретятся, брать и разрушать...

(59. С. 39. Перевод Ю. П. Верховского)

Русские летописи наполнены описаниями чудовищных зверств, которые чинили свирепые завоеватели. Они не щадили никого: ни стариков, ни женщин, ни детей, одинаково расправлялись и с князьями, и со священниками, и с иноками и инокинями, и с простолюдинами. О том, что это отнюдь не преувеличение летописца, свидетельствуют показания других источников, рассказывающих о жестокостях монголов в завоёванных странах. Вот что пишет, например, архидиакон Фома Сплитский, очевидец завоевания монголами Венгрии и Хорватии в 1242–1243 годах (на эти страны монголы обрушились после завоевания Южной Руси):

...Татары в своей неслыханной жестокости, нисколько не заботясь о военной добыче, ни во что не ставя награбленное ценное добро, стремились только к уничтожению людей. И когда они увидели, что те (венгры. — А. К.) уже измучены трудной дорогой, их руки не могут держать оружия, а их ослабевшие ноги не в состоянии бежать дальше, тогда они начали со всех сторон поражать их копьями, рубить мечами, не щадя никого, но зверски уничтожая всех... Если кто и смог выбраться из этого оута, не имел никакой надежды избежать смерти от меча, потому что вся земля, как от саранчи, кишела вражескими полчищами, которым

было чуждо всякое чувство милосердия, чтобы пощадить поверженных, пожалеть пленных, отпустить изнемогших, но которые, как дикие звери, жаждали человеческой крови. Тогда все дороги, все тропинки были завалены трупами...

Более того, татарские женщины, вооружённые на мужской манер, как мужчины, отважно бросались в бой, причём с особой жестокостью они издевались над пленными женщинами. Если они замечали женщин с более привлекательными лицами, которые хоть в какой-то мере могли вызвать у них чувство ревности, они немедленно умерщвляли их ударом меча, если же они видели пригодных к рабскому труду, то отрезали им носы и с обезображенными лицами отдавали исполнять обязанности рабынь. Даже пленных детей они подзывали к себе и устраивали такую забаву: сначала они заставляли их усесться в ряд, а затем, позвав своих детей, давали каждому по увесистой дубинке и приказывали бить ими по головам несчастных малышей, а сами сидели и безжалостно наблюдали, громко смеясь и хваля того, кто был более меток и кто одним ударом мог разбить череп и убить ребёнка.

(72. С. 109–110. Перевод О. А. Акимовой)

Нет сомнений, что то же самое несколькими годами раньше происходило и в Волжской Болгарии, и на Кавказе, и на Руси...

В те зимние месяцы 1237 года страшных завоевателей с тревогой и ужасом ожидали во всех городах Русской земли, в том числе и в Новгороде, где княжил юный Александр Ярославич. Увы, он не имел возможности помочь своим родичам — князьям СевероВосточной Руси, как не мог помочь даже жителям городов своей собственной волости, ибо готовился к обороне самого Новгорода... Однако Новгород уцелел и не был завоёван татарами. Историки спорят о причинах неожиданного отступления жестоких завоевателей, возвратившихся с полпути из Новгородской земли. А ведь они находились всего в ста верстах от Новгорода. Современники же увидели во всём произошедшем чудо, явственное проявление Божией милости.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

Окаянные же взяли Москву, Переяславль, Юрьев^[61], Дмитров, Волок, Тверь; здесь же и сына Ярославова убили. А затем пришли беззаконные и обступили Торжок на Собор Чистой недели^[62], и окружили весь тыном, так же, как и другие города брали. И били окаянные из пороков в течение двух недель, и изнемогли люди в городе, а из Новгорода им уже не было помощи, но были все там в недоумении и страхе. И так взяли поганые город, и перебили всех, от мужского пола и до женского, священнический чин весь и монашеский; а всё изобнажено и поругано, горькою и бедною смертью предали души свои Господу месяца марта в 5-й день, на память святого мученика Конона^[63], в среду средокрестной недели... Тогда же гнались окаянные безбожники от Торжка Селигерским путём, даже до Игначкреста, и секли людей всех, словно траву, [не дойдя] 100 вёрст до Новгорода. Новгород же сохранил Бог и святая великая и соборная апостольская церковь Святой Софии, и снятый Кирилл, и молитва святых благоверных архиепископов, и благоверных князей, и преподобных черноризцев иерейского собора...

(24. С. 76)

Названный в летописи Кирилл — это, по-видимому, святой Кирилл Иерусалимский, один из Отцов Церкви, чья память празднуется 18 марта. Можно предположить, что именно в этот день татары повернули назад или что в этот день об их отступлении стало известно в Новгороде, почему их отступление и приписали заступничеству святого. Что ж, начиналась весна, а известно, что с наступлением весны монголы всегда прекращали боевые действия, чтобы дать своим коням возможность отдохнуть и восстановить силы^[64].

...За годом 1238-м последуют 1239-й и 1240-й, когда татары вновь обрушатся на русские земли. На этот раз их удар придёт южнее, по ещё не разорённым Киевскому, Черниговскому, Галицко-Волынскому княжествам... Русь будет завоёвана, сожжена, осквернена, сломлена. Люди частью истреблены, частью уведены в рабство. «Когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мёртвых людей, лежавшие на поле, — напишет в 1246 году итальянский монах-францисканец Джованни дель Плано Карпини, проезжавший через южнорусские земли. — ...Людей тех держат они в самом тяжёлом рабстве»

(32. С. 51). «Эта страна вся опустошена татарами и поныне ежедневно опустошается ими... — вторил ему десятилетие спустя другой путешественник-францисканец, Гильом Руб-рук. — Когда русские не могут дать больше золота или серебра, татары уводят их и их малюток, как стада, в пустыню, чтобы караулить их животных...» (32. С. 106. Перевод А. И. Малеина).

Большинство городов Руси не переживёт нашествия. Надолго обезлюдеет стольный Киев, некогда поражавший своим величием иноземцев (Плано Карпини насчитал там едва двести домов, а до нашествия их было не меньше 10 тысяч); уже никогда не возродится к былой жизни Старая Рязань. А сколько малых и средних городков татары буквально сотрут с лица земли, так что даже имена их останутся неизвестны?! Археологи исчисляют их сотнями.

Русь будет сломлена и духовно. Страх перед «злыми татарами» на долгие десятилетия и даже столетия поселится в сердцах людей, парализуя всякую волю к сопротивлению.

За умножение грехов наших смирил нас Господь Бог перед врагами нашими: да если явится где один татарин, то многие наши не смеют противиться ему; если же двое или трое, то многие русские, бросая жён и детей, обращаются в бегство...

(47. С. 156–157)

Так напишет русский летописец в начале XV столетия, спустя сто семьдесят (!) лет после Батыева нашествия и спустя четверть века после Куликовской победы.

Русские люди видели в постигшем их несчастье прежде всего наказание Божие, проявление Божьего гнева, обрушившегося на них за грехи всей Русской земли. А отсюда следовало: для того, чтобы избавиться от гнёта иноплеменников, нужно уповать не только и даже не столько на военную силу (значительно подорванную татарским нашествием, но все ещё сохраняющуюся), сколько на нравственное очищение общества, на всеобщее покаяние и молитву.

...Не пленена ли земля наша? Не покорены ли города наши? — с болью в сердце будет восклицать в 70-е годы XIII века знаменитый русский проповедник и пастырь Серапион, епископ Владимирский. — Давно ли пали отцы и братья наши трупьем на

землю? Не уведены ли женщины наши и дети в полон? Не порабощены ли были оставшиеся горестным рабством неверных? Вот уже к сорока годам приближаются страдания и мучения, и дани тяжкие на нас непрестанны, голод, мор на скот наш, и всласть хлеба своего наесться не можем, и стенания наши и горе сушат нам кости. Кто же нас до этого довёл? Наше безверье и наши грехи, наше непослушанье, нераскаянность наша! Молю вас, братья, каждого из вас: вникните в помыслы ваши, узрите очами сердца дела ваши, — возненавидьте их и отриньте, к покаянью придите...

Но, увы... Десятилетия страха, постоянного унижения, бесконечного кровопролития вселят лишь озлобление в души людей, породят всеобщую ненависть, недоверие, вероломство как среди «простой чади», простолюдинов, так и среди правителей Русской земли.

...Даже язычники, Божьего слова не зная, не убивают единоверцев своих, не грабят, не обвиняют, не клеветуют, не крадут, не зарятся на чужое, — *продолжает в другой своей проповеди Серапион*, — никакой неверный не продаст своего брата, но если кого-то постигнет беда — выкупят его и на жизнь дадут ему... Мы же считаем себя православными, во имя Божье крещёнными и, заповедь Божию зная, неправды всегда преисполнены, и зависти, и немилосердья: братьев своих мы грабим и убиваем, язычникам их продаём; доносами, завистью, если бы можно, так съели б друг друга, — но Бог охраняет. Вельможа или простой человек — каждый добычи желает, ищет, как бы обидеть кого. Окаянный, кого поедает?! Не такого ли человека, как ты сам?.. Потому вам с мольбой говорю: раскаемся все мы сердечно — и Бог оставит свой гнев, отворотимся от всех злодеяний — и Господь Бог да вернётся к нам...

(28. С. 445, 455. Перевод В. В. Колесова)

Летописцы рисуют ужасающие картины нравственной деградации русского общества того времени. Это выразится во многом, но, может быть, страшнее всего в том, что сами русские князья будут приводить татарские рати на Русь для того, чтобы решить тот или иной спор, получить то или иное княжение. И эти новые рати будут не менее опустошительными, чем

первое Батыево разорение...

Так более чем на два столетия Русь окажется под властью монгольских ханов (или «царей», как их будут называть на Руси), превратится в один из «улусов» великой Монгольской империи. Русские князья один за другим потянутся на восток, в Орду, на поклон к «царю» Батю, чтобы после изъявления покорности получить от него особый ярлык на владение отчими землями. И расплачиваться за этот ярлык придётся не только унижением, но и огромной данью — серебром, мехами и — что страшнее всего — людьми: тысячи русских людей будут уведены татарами в рабство или же в качестве живой силы примут участие в многочисленных войнах, которые те вели в других странах.

...Между тем гибель Юрия и его сыновей привела к изменениям на великокняжеском престоле и на прочих столах СевероВосточной Руси.

В лето 6746 (1238). Ярослав, сын великого Всеволода, занял стол во Владимире. И была радость великая среди христиан, которых Бог избавил рукой Своей крепкой от безбожных татар... В тот же год великий князь Ярослав отдал Суздаль брату своему Святославу. В тот же год отдал Ярослав Ивану Стародуб. В тот же год было мирно.

...Этих князей Бог спас от руки иноплеменников: благочестивого и правоверного великого князя Ярослава и его благородных сыновей; а было их шесть: Александр, Андрей, Константин, Афанасий^[65], Даниил, Михаил; а Святослав с сыном Дмитрием, Иван Всеволодович, Владимир Константинович, два сына Василька — Борис и Глеб, Василий Всеволодович — и все они были сохранены Божьей благодатью...

(38. Стб. 467, 469. Перевод Д. М. Буланина по: 28. С. 145, 147)

ГОД 1239

Новгород. Торонец

В том же году Ярослав пошёл из Смоленска на литву, и литву победил, и князя их захватил; и, урядив смолян, посадил на княжение князя Всеволода^[66], а сам со множеством полона и с

великой честью вернулся восвояси.

В том же году, на зиму, взяли татары Мордовскую землю, и Муром сожгли, и по Клязьме воевали, и град Святой Богородицы Гороховец сожгли, а сами пошли в станы свои. Тогда же был пополох зол по всей земле, и сами не ведали люди, кто куда бежит.

(38. Стб. 469–470)

В жизни же новгородского князя Александра Ярославича этот год принёс не только тревоги и скорбь, но и большую радость — он женился на княжне Александре, дочери полоцкого князя Брячислава Васильковича^[67]. Помимо прочего, брак этот должен был упрочить союз Новгорода с Полоцком.

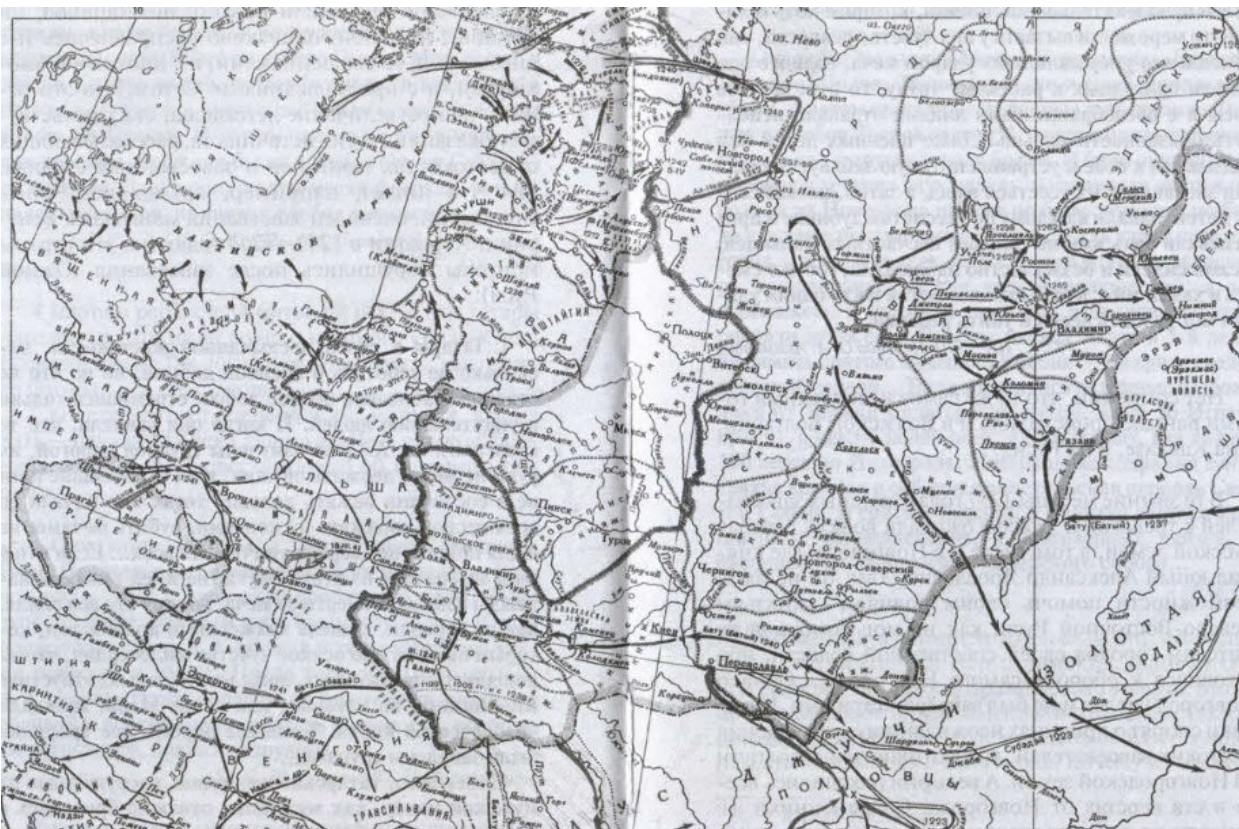
Женился князь Александр, сын Ярославов, в Новгороде, взял за себя в Полоцке у Брячислава дочь, и венчался в Торопце: тут кашу чинил^[68], а в Новгороде — другую.

В том же году князь Александр с новгородцами срубил городки по Шелони.

(24. С. 77)

Как и союз с Полоцком, строительство крепостей на Шелони, пограничной реке Новгородской земли, имело целью прежде всего оборону новгородских рубежей от литовской угрозы. Главной из крепостей стал построенный Александром Городец на Шелони (Старый Порхов), у впадения в Шелонь реки Дубенки. Источники упоминают и другие шелонские города: Опоку, Высокое, Вышегород, Кошкин городок.

Но опасность в те годы нависла над Новгородом с разных сторон — не только с запада, но и с севера, со стороны Швеции, которая в первой половине XIII века усилила своё наступление на земли финского племени емь (тавастов), традиционно входившие в сферу влияния новгородских князей.

Русь в первой половине XIII века.

Татаро-монгольское нашествие

ГОД 1240

Невская битва

Как полагает большинство отечественных исследователей, наступление шведов на Русь летом 1240 года было составной частью общего наступления католического Запада на восток, координируемого папским престолом^[69]. Ещё в декабре 1237 года папа Григорий IX, отвечая на просьбу властей Швеции, направил архиепископу Упсалы буллу с призывом к крестовому походу против язычников-тавастов (летописной «еми»); в этом документе речь шла и о неких живущих рядом с тавастами «врагах креста», под которыми, по всей вероятности, подразумевались союзники русских карелы. Руководство крестовым войском шведский

король Эрик Эрикссон, прозванный Шепелявым, поручил своему зятю (мужу сестры) Биргеру Магнуссону, в будущем ярлу (главе государственной администрации) и многолетнему правителю Швеции. Автор шведской рифмованной «Хроники Эрика» (20-е годы XIV века) справедливо рассудил, что поход в «Тавастланд» в первую очередь задевал интересы русских (и именно новгородцев):

Язычники много горя узнали!..
Ту страну, что Эрик крестил,
думаю, русский князь упустил^[70].

(74. С. 12–13. Перевод А. Ю. Желтухина)

Можно думать, что известие о страшном Батыевом разгроме Руси побудило правителей Швеции к перенесению военных действий на территорию собственно Новгородской земли. Тем самым должна была решиться и стратегическая задача закрепления шведов в устье Невы и на Ладоге — ключевых пунктах восточно-балтийской торговли. Во всяком случае, только так можно понимать известия русских летописей. (Шведские источники о походе на Новгород 1240 года не упоминают ни словом.)

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

В лето 6748 (1240). Пришли свей в силе великой, и мурмане, и сумь, и емь^[71] на кораблях — великое множество; свей с князем и с епископами своими. И стали в Неве у устья Ижоры, стремясь захватить Ладогу, попросту же сказать, и Новгород, и всю область Новгородскую. Но ещё преблагой, премилостивый человеколюбец Бог сберёг нас и защитил от иноплеменников, всеу дерзнувших, без Божьего повеления. Ибо пришла весть в Новгород о том, что свей идут к Ладоге. Князь же Александр, нимало не промедлив, пошёл против них с новгородцами и с ладожанами и победил их силою Святой Софии и молитвами владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, месяца июля в 15-й день, на память святых Кирика и Улиты, в неделю на Собор 630-ти святых отец, бывший в Халки-доне; и была тут великая сеча свеем. И тут убит был воевода их по имени Спиридон^[72], а иные толковали, будто и епископ их убит был тут

же. И пало их многое множество: наполнили два корабля телами лучших мужей и пустили впереди себя по морю, а для прочих выкопали яму и побросали туда без числа; а другие многие ранены были. И в ту же ночь, не дождавшись рассвета понедельника, ушли посрамлённые. Из новгородцев же тут пали: Константин Луготинич, Порята Пинещинич, Намест, Дрочило Нездылов сын кожевника, а всего 20 человек с ладожанами или меньше — Бог весть. Князь же Александр с новгородцами и с ладожанами возвратились все в здравии восвояси, сохранены Богом и Святою Софиєю и молитвами всех святых.

(24. С. 77)

В синодике XVI века из новгородской церкви Святых Бориса и Глеба в Плотниках (составленном в середине XV века) сохранилось упоминание о новгородцах и «княжих воеводах», павших в Невской битве:

Покой, Господи, избиенных на Неве от немец при великом князе Александре Ярославиче: и княжих воевод, и новгородских воевод, и всех избиенных братии нашей...

А следом — о павших в других войнах и походах, в том числе и в войнах Александра Невского; их память чтили в Новгороде и в XV, и в XVI веке, и позже...

...и на Ледом избиенных от немец братии нашей, и на Ракоборе избиенных от немец братии нашей, и у Венца избиенных от немец при князе Андрее, и у Выбора избиенных от немец братии нашей при князе Юрье, и в Орехове скончавшихся братии нашей, и под Корельским городом избиенных от немец братии нашей, и на Нарове избиенных при князе Александре Ярославиче, и на Мурманех, и на Печере, и в Перми, и на Югре избиенных братии нашей, и в полону скончавшихся братии нашей, и в поганском языке...

(Цит. по: 136. С. 131)

Более пространный — хотя во многом легендарный — рассказ о Невской битве сохранился в Житии святого и благоверного великого князя Александра Ярославича.

**Из «Повести о житии и о храбрости
благочестивого и великого князя Александра»**

Услышав же о... мужестве князя Александра, король части Римской от полуночной страны^[73] помыслил в себе: «Пойду и пленю землю Александрову». И собрал силу великую, и наполнил многие корабли полками своими, двинулся в силе тяжкой, пыхая духом ратным. И пришёл в Неву, шатаясь безумием, и, возгордившись, послал послов своих в Новгород, к князю Александру, говоря: «Если можешь противиться мне, то вот я уже здесь, беру в плен землю твою».

Александр же, слыша слова эти, разгорелся сердцем, и вошёл в церковь Святой Софии, и, упав на колени пред алтарём, начал молиться со слезами... И, окончив молитву, встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же Спиридон благословил его и отпустил. Он же, выйдя из церкви, утёр слезы, начал ободрять дружину свою, говоря: «Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, который сказал: «Иные с оружием, иные конями, а мы именем Господа, Бога нашего, хвалимся. Они поколебались и пали; а мы встали, и стоим прямо»^[74]. И, сказав это, пошёл на них с малой дружиной, не дожидаясь многих сил своих, но уповая на Святую Троицу.

Горестно же было слышать, что отец его, честный великий [князь] Ярослав, не ведал о таком нападении на сына своего, милого Александра, и тому некогда было послать весть отцу, ибо ратные уже приближались. Потому и многие новгородцы не успели присоединиться, так как князь поспешил выступить.

Выступил же на них в день воскресение, 15 июля, на память 630-ти святых отцов Халкидонского собора и святых мучеников Кирика и Улиты, имея веру великую к святым мученикам Борису и Глебу.

Ещё раньше о приближении шведов князю сообщила морская сторожа, которая была поручена некоему ижорскому старейшине Пелгусию (Пелгую), носившему в крещении имя Филипп. Этот Пелгусий сподобился необыкновенного видения, о котором также рассказывается в Житии Александра Невского:

Разведав вражескую силу, он пошёл навстречу князю Александру, чтобы рассказать ему о станах и укреплениях их.

Стоял же он на берегу моря, и стерёг оба пути, и провёл всю ночь в бдении. И когда начало восходить солнце, он услышал на море дивный шум и увидел один насад плывущий; посреди же насада стояли святые мученики Борис и Глеб в червлёных одеждах и держали руки на плечах друг друга. Цгебцы же сидели, словно мглою одеты. Сказал Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему Александру». Увидев такое видение и услышав такие слова мучеников, Пелгуй стоял, охваченный трепетом, до тех пор, пока насад не скрылся с глаз его.

Пелгусий поведал о чудесном видении князю Александру, но тот не велел никому рассказывать об этом.

После этого решился [князь] напасть на них в шестом часу дня^[75]. И была сеча великая с римлянами, и перебил их бесчисленное множество, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьём.

Здесь же в полку Александровом отличились шесть мужей храбрых, которые крепко сражались вместе с ним. Один — по имени Таврило Олексич. Этот напал на шнек^[76] и, увидев королевича, которого тащили под руки, въехал по доске, по которой поднимались, до самого корабля. И побежали перед ним на корабль, и, повернувшись, сбросили его с доски в Неву вместе с конём. Божьей милостью выбрался оттуда невредим, и вновь напал на них, и бился с самим воеводой посреди полка их. Второй — новгородец, по имени Сбыслав Якунович; он много раз нападал на войско их и бился одним топором, не имея страха в сердце своём. И немало пало от руки его, и подивились силе его и храбрости. Третий — Яков, полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на врагов с мечом и мужественно бился, и похвалил его князь. Четвёртый — новгородец, по имени Миша. Этот пешим с дружиной своей напал на корабли и потопил три корабля римлян. Пятый — из младших людей, по имени Савва. Этот напал на великий шатёр златоверхий и подрубил столб шатёрный. Полки же Александровы, увидев падение шатра, возрадовались. Шестой — из слуг князя, по имени Ратмир. Этот бился пеш, и окружило его много врагов. Он же, от многих ран упав, скончался. Обо всём этом слышал я от господина своего Александра и от иных, кто участвовал в то время в той сече.

Было же в то время дивное чудо, словно в древние времена при царе Езекии, когда пришёл Сенахирим, царь ассирийский, на Иерусалим, хотя пленить святой град, и внезапно вышел ангел Господень и избил из полка ассирийского сто восемьдесят пять тысяч, и когда настало утро, нашли лишь их мёртвые трупы. Так же было и при победе Александровой: когда победил он короля, то на противоположной стороне реки Ижоры, где нельзя было пройти полку Александрову, нашли многое множество убитых ангелом Божьим. Остаток же их бежал, а трупы мёртвых своих накидали в корабли и потопили в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего Творца.

(5. С. 188–190)

Наконец, в одном из поздних русских источников — так называемом «Рукописании Магнуша, короля Свейского» (апокрифическом завещании, якобы составленном шведским королём Магнусом незадолго до своей смерти в 1374 году и включённом в некоторые русские летописи) — имеется ещё один, краткий рассказ о Невской битве. Он уникален тем, что только в нём названо имя предводителя шведского войска — «Белгер», то есть Биргер^[77]:

...Первее сего поднялся князь Белгер и вошёл в Неву, и встретил его князь Александр на Ижоре-реке: самого прогнал, полки побил...

(40. С. 281)

Известно, что Биргер получил титул ярла (что и может обозначать русское «князь») только в 1248 году, спустя восемь лет после Невской битвы. А потому большинство исследователей решительно отказывают в достоверности известию «Рукописания Магнуша»^[78]. Однако если согласиться с тем, что поход на Русь стал продолжением крестового похода на емь, который возглавлял именно Биргер, и если датировать последний временем около 1237–1239 годов, то фигура Биргера (пусть ещё не ярла) во главе шведского войска, приплывшего в устье Невы, не кажется невероятной.

Так Александр одержал первую из своих великих побед, принёсших ему поистине общерусскую славу. Именно в её честь он и получил те

прозвища, с которыми навсегда вошёл в русскую историю, — Александр Храбрый и Александр Невский.

О великом князе нашем Александре Ярославиче, об умном и о крепкосмысленном, о храбром, тезоименитом царю Александру Македонскому, подобнике царю Ахиллесу, крепкому и храброму...

(41. Стб. 303; ср.: 80. С. 200)

Так озаглавил рассказ о победе над шведами новгородский книжник, автор одной из редакций Жития Александра Невского.

Между тем грозные события происходили и к западу от границ Новгородской земли. Похоже, что поход шведов в устье Невы действительно был согласован с Орденом: в самом конце того же лета 1240 года рыцари-крестоносцы развернули наступление на псковские земли. Положение псковичей осложнялось тем, что часть бояр, а также бывший псковский князь Ярослав Владимирович действовали заодно с немцами. (Сам Ярослав был тесно связан с властями Ордена, подолгу жил в Риге, а его родная сестра была замужем за видным рыцарем Ордена Теодорихом, братом рижского епископа Альберта.) Рыцарское войско возглавляли дерптский епископ Герман, также брат епископа Альберта, и вице-магистр Ордена Андреас фон Велвен — тот самый человек, который, по свидетельству Жития святого Александра, незадолго перед тем приезжал в Новгород и вёл здесь какие-то переговоры с князем.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

В том же году взяли немцы: медвежане, юрьевцы, вельяндцы^[79] с князем Ярославом Владимировичем Изборск. И пришла весть во Псков, что взяли немцы Изборск; и вышли псковичи все, и бились с ними, и победили их немцы. Тут убили Гаврила Гориславича, воеводу; а псковичей погнали, многих побили, а иных в полон взяли. И пригнали под город, и зажгли посад весь; и много зла было: и погорели церкви, и чтимые иконы, и книги, и Евангелия; и много сёл опустошили около Пскова. И стояли под городом неделю, но города не взяли; и забрали детей у добрых людей в заложники, и отошли прочь. И

так были без мира, потому что вступили псковичи в сговор с немцами, и подвёл их [во Псков] Твердило Иванович с иными, и сам начал владеть Псковом с немцами, воюя сёла новгородские. А иные псковичи бежали в Новгород с жёнами и с детьми...

(24. С. 77–78)

По свидетельству псковских летописей, поражение у Изборска имело место 16 сентября 1240 года:

Избили немцы псковичей под Изборском, 600 мужей^[80], месяца сентября в 16-й день^[81]. И затем пришли немцы и взяли град Псков, и сидели немцы во Пскове 2 года.

(57. С. 13)

Так называемая «Старшая Ливонская рифмованная хроника» так передаёт условия мира Ордена со Псковом:

...Русские изнемогли от боя под Изборском:
они сдались ордену...
Мир был заключён тогда
с русскими на таких условиях,
что Герпольшт^[82], который был их князем,
по своей доброй воле оставил
замки и хорошие земли
в руках братьев-тевтонцев,
чтобы ими управлял магистр...
Там оставили двух братьев-рыцарей,
которым поручили охранять землю,
и небольшой отряд немцев.
Это обернулось позже им во вред:
их господство длилось недолго...

(6. С. 209. Перевод И. Э. Клейненберга)

В действительности это означало союз Ордена со Псковом, крайне невыгодный для Новгорода в условиях неизбежного наступления Ордена на новгородские земли. Надо полагать, князь Александр хорошо понимал

это, как понимал и необходимость принятия самых жёстких мер для отражения грядущей опасности, ещё более серьёзной, чем только что отражённая им агрессия шведов. Однако в Новгороде, наверное, не были готовы к такому повороту событий. Вероятно, именно этим можно объяснить неожиданную размолвку новгородцев с князем и отъезд Александра из города после столь блестящей победы.

...Той же зимой вышел князь Александр из Новгорода к отцу в Переяславль с матерью и с женою и со всем двором своим, рассорившись с новгородцами.

(24. С. 78)

Действительные причины конфликта остаются неизвестными. Едва ли проясняет их и рассказ поздней Никоновской летописи (XVI век):

Того же лета размолвились новгородцы с Александром Ярославичем, и была крамола великая в Новгороде. И отъехал Александр к отцу своему, великому князю Ярославу Всеволодовичу Владимирскому, и, немного пробыв у отца, пошёл на княжение в Переяславль, что на Клещине озере.

(43. С. 123)

ГОД 1241

Переяславль. Новгород. Копорье

Той же зимой пришли немцы с чудью на водь^[83], и повоевали их, и дань на них возложили, а город устроили в погосте Копорье. И не одно это зло было от них, но и Тесов взяли, и в тридцати верстах от Новгорода воевали, купцов побивая, по Луге и до Сабли^[84]. Новгородцы же послали к Ярославу за князем, и дал им тот сына своего Андрея. Тогда, посоветавшись, послали новгородцы владыку с мужами опять — за Александром. А на волость Новгородскую напали литва, немцы, чудь и захватили по Луге всех коней и скот, и нельзя пахать было по сёлам, да и не на чем. И отдал Ярослав сына своего Александра опять.

В лето 6749 (1241). Пришёл князь Александр в Новгород, и рады были новгородцы. В том же году пошёл князь Александр с новгородцами, и с ладожанами, и с корелою, и с ижорянами на немцев, на город Копорье, и взял город; немцев же привёл в Новгород, а иных отпустил по своей воле, а изменников вожан и чудь повесил.

(24. С. 78)

Автор Никоновской летописи сообщает некоторые зловещие подробности возвращения Александра на новгородский стол:

...Пошёл князь Александр от отца своего Ярослава к Новгороду и, придя в Новгород, многих крамольников перевешал.

(43. С. 125)

По свидетельству некоторых летописей, в том же году Александр вновь покинул Новгород и вернулся «в Русь» (41. Стб. 311) — возможно, для переговоров с отцом о совместной борьбе против ливонцев. В новгородских же и некоторых псковских летописях XV–XVI веков под 1241-м или следующим, 1242 годом добавлено ещё одно сообщение — о поездке князя Александра к «царю Батыю» или о его возвращении «от Батя» на Русь (40. С. 228; 54. С. 117; 58. С. 82). В принципе, нельзя исключать, что после успеха под Копорьем Александр мог отправиться в ставку Батя и к весне 1242 года возвратиться в Новгород. И всё же исследователи, как правило, отрицают достоверность этого известия. Во-первых, осенью 1241-го и зимой 1241/42 года Батый пребывал не в своей ставке на Волге, а в Польше и Венгрии, а во-вторых, поездка Александра в Орду 1247 года (о которой речь пойдёт ниже) описывается источниками как его безусловно *первая* встреча с Батыем.

О других событиях этого года сообщается в Лаврентьевской летописи:

В лето 6749 (1241). Родился Ярославу сын и наречён был в святом крещении Василий^[85]. В том же году татары победили венгров. В том же году татары убили Мстислава Рыльского...

(38. Стб. 470)

Год 1241-й ознаменован нашествием татар на страны Восточной и Центральной Европы. Страшному разорению подверглись Польша, Венгрия, Хорватия, большая часть Далматинского побережья. В Европе началась паника, охватившая даже такие отдалённые страны, как Франция и Англия. Надежды на спасение казались призрачными, люди готовились принять смерть, не в силах противиться неведомым завоевателям, вышедшим, казалось, из глубин преисподней. Однако весной 1242 года татары неожиданно повернули назад. Объясняется это главным образом событиями, происходившими в Азии. 31 декабря 1241 года умер великий хан Угедей, правитель Монгольской империи^[86], и по получении этой вести Батый, возглавлявший поход на запад, приказал начать немедленное отступление.

В следующем, 1242 году Батый окончательно обоснуется на Нижней Волге, и с этого времени начнётся история государства Батыя — «Улуса Джучи», или «Золотой Орды», как будут называть это государство впоследствии.

ГОД 1242

Псков. Чудское озеро

Год ещё одной великой победы князя Александра Невского. На этот раз она была одержана над немцами Ливонского ордена совместными силами новгородцев и суздальцев, которых привёл младший брат Александра Невского Андрей, присланный на помощь отцом.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

В лето 6750 (1242). Пошёл князь Александр с новгородцами и с братом Андреем и с низовцами на Чудскую землю, против немцев, и захватил пути все — до Пскова. И занял князь изгоном^[87] Псков, схватил немцев и чудь и, оковав, заточил их в Новгороде, а сам пошёл на чудь...

В «Ливонской рифмованной хронике» также сохранился рассказ об освобождении Пскова от немецкой власти:

На Руси есть город,
он называется Новгород.
До [новгородского] князя дошло это известие,

Он собрался со многими отрядами
против Пскова, это истина.
Туда он прибыл с большой силой;
он привёл много русских,
чтобы освободить псковичей.
Этому они от всего сердца обрадовались.
Когда он увидел немцев,
он после этого долго не медлил,
он изгнал обоих братьев-рыцарей,
положив конец их фогтству,
и все их слуги были прогнаны.
Никого из немцев там не осталось:
русским они оставили землю...
Новгородский князь опять ушёл в свою землю.
После этого недолго было спокойно...

(6. С. 209–211)

Вопреки сообщению немецкого хрониста Александр отнюдь не вернулся «в свою землю». Освобождение Пскова стало лишь первым этапом его войны с Орденом. Военные действия были перенесены на территорию, контролируемую самим Орденом, в Эстонию, или «Чудь», «Чудскую землю», как называли её на Руси. Так случилось, что первое же столкновение передового русского отряда с немцами обернулось для князя серьёзной неудачей. Но на то Александр и признаётся великим полководцем, что он сумел превратить эту неудачу в свою победу.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

...И когда вступил [князь Александр] в [Чудскую] землю, пустил весь свой полк в зажитья. Домаш же Тьердиславич и Кербет были в розгоне^[88], и встретили их немцы и чудь у моста, и бились тут. И убили тут Домаша, брата посадникова, мужа честного, и иных с ним убили, а иных в плен взяли, а иные к князю прибежали в полк. Князь же отступил на озеро, немцы же и чудь двинулись на него. Узрев их, князь Александр и новгородцы поставили полк на Чудском озере, на Узмени, у Вороньего камня^[89]. И наехали на полк немцы и чудь, и пробились свиньёй^[90] сквозь полк, и была тут великая сеча

немцам и чуди. Бог же и Святая София и святые мученики Борис и Глеб, за которых новгородцы кровь свою проливали^[91], — тех святых великими молитвами пособил Бог князю Александру; и пали тут немцы, а чудь спину показала. И гнались за ними, избивая, 7 вёрст по льду, до Соболичского берега; и погибло чуди без числа, а немцев 400, а 50 в плен взяли и привели в Новгород. А бились месяца апреля в 5-й [день], на память святого мученика Клавдия, на Похвалу Святой Богородице^[92], в субботу...

(24. С. 78)

Описания этой битвы, вошедшей в русскую историю под именем Ледового побоища, сохранились и в других источниках — как русских (псковских, владимирских, суздальских), так и немецких.

Из Лаврентьевской летописи

Великий князь Ярослав послал сына своего Андрея в Новгород Великий в помощь Александру на немцев. И победили их за Псковом на озере, и в полон многих взяли, и возвратился Андрей к отцу своему с честью.

(38. Стб. 470)

Из Жития Александра Невского

...На третий же год после победы Александра над королём, в зимнее время, пошёл на землю немецкую в силе великой, чтобы не похвалялись, говоря: «Покорим славянский народ под себя»... Иные же города немецкие соединились и решили: «Пойдём и победим Александра и в плен его возьмём».

Когда же приблизились ратные, то проведали про них стражи Александровы. Князь же Александр исполнился и пошёл навстречу, и покрылось озеро Чудское множеством воинов с обеих сторон. Отец же его Ярослав прислал ему на помощь младшего брата Андрея с большой дружиной. Также и у князя Александра было множество храбрецов, как в древние времена у царя Давида, сильных и крепких. Так и мужи Александровы

исполнились духа ратного, ибо сердца их были, словно сердца львов, и сказали: «О княже наш честный! Ныне пришло нам время положить головы свои за тебя». Князь же Александр, воздев руки к небу, сказал: «Суди меня, Боже, и рассуди распрю мою с народом велеречивым, и помоги мне, Боже, как ты помог в древности Моисею победить Амалика и прадеду моему Ярославу — окаянного Святополка».

Была же тогда суббота. И когда взошло солнце, сошлись оба войска. И была сеча зла, и треск от ломающихся копий стоял, и звон от ударов мечами, словно замёрзшее озеро двинулось; и нельзя было льда видеть, ибо покрыт он был кровью.

Слышал же я об этом от очевидца, который поведал мне, что видел воинство Божие на небесах, пришедшее на помощь Александру. И так победил их помощью Божией, и показали враги спины свои, и секли их, гонясь, словно по воздуху, и некуда было бежать им. И прославил здесь Бог Александра пред всеми полками, как Иисуса Навина у Иерихона. А тех, кто говорил: «Захватим Александра», — предал Бог в руки его. И никогда не находилось противника, достойного его в битве.

И возвратился князь Александр со славной победой. И многое множество пленных было в полку его, и вели босыми подле коней тех, кто именует себя «Божьими рыцарями».

Когда же приблизился князь ко граду Пскову, встретили его пред городом игумены, и священники в ризах с крестами, и весь народ, воздавая хвалу Богу и славу господину князю Александру^[93]...

(5. С. 190–191)

Из Псковской Первой летописи

Пришёл князь Александр, и избил немцев во граде Пскове, и град Псков избавил от безбожных немцев помощью Святой Троицы. И бился с ними на льду, и пособил Бог князю Александру и мужам новгородцам и псковичам: одних избил, а других, связав, босыми повёл по льду. Сей бой был месяца апреля в 1-й день^[94]; и была в граде Пскове радость великая. И сказал князь Александр: «О мужи псковичи, говорю вам: если и после

кто из родичей моих прибежит к вам в печали или так приедет пожить во град Псков, а вы его не примете, не воздадите почести ему, то наречетесь вторая жидова».

(57. С. 13)

Из Софийской Первой летописи^[95]

...Когда приблизились [немцы], подивились стражи великого князя Александра Ярославича^[96] силе немецкой. Сам же великий князь Александр поклонился Святой Троице и пошёл на землю Немецкую, хотя отмстить за кровь христианскую. Была же зима в то время, когда он вступил в землю их... Услыхав о том, вышел против них мейстер^[97] со всеми епископами своими и со всем множеством языка их и власти их, какая ни есть в той стране, и с помощью королевскою^[98], и сошлись на озере, называемом Чудским. Великий же князь Александр Ярославич отступил на озеро, немцы же и чудь пошли за ними... И дали ратные плечи свои на раны, и секли их, гонясь, словно по воздуху, и не было им, куда убежать, и били их 7 вёрст по льду, до Суболичского берега. И пало немцев 500, а чудь бесчисленное множество. А в плен захватили 50 нарочитых воевод немецких и привели их в Новгород, а иных вода потопила, а иные, тяжко раненные, убежали...

(41. Стб. 312–314)

Из Новгородской Карамзинской летописи

...И помог Бог князьям, и новгородцам, и псковичам; и пало немцев, ратманов и панов^[99], 500, а в плен 50 захватили, а чудь побежала. И пошёл князь, побивая их, 7 вёрст по озеру до Соболицкого берега, и очень много чудь побил, без числа, а иных вода потопила...

(54. С. 117)

Из «Старшей Ливонской рифмованной хроники»

Есть город большой и широкий,
который также расположен на Руси:
он называется Суздаль.
Александром звали того,
кто в то время был его князем^[100]:
он приказал своему войску готовиться к походу.
Русским были обидны их неудачи;
быстро они приготoвились.
Тогда выступил князь Александр
и с ним многие другие русские из Суздаля.
Они имели бесчисленное количество луков,
очень много красивейших доспехов.
Их знамёна были богаты,
их шлемы излучали свет.
Так направились они в землю братьев-рыцарей,
сильные войском.
Тогда братья-рыцари, быстро вооружившись,
оказали им сопротивление;
но их [рыцарей] было немного.
В Дерите узнали,
что пришёл князь Александр
с войском в землю братьев-рыцарей,
чиня грабежи и пожары.
Епископ не оставил это без внимания,
быстро он велел мужам епископства
поспешить с войском братьев-рыцарей
для борьбы против русских.
Что он приказал, то и произошло.
Они после этого долго не медлили,
они присоединились к силам братьев-рыцарей.
Они привели слишком мало народа,
войско братьев-рыцарей было также
слишком маленьким.
Однако они пришли к единому мнению
атаковать русских.
Немцы начали с ними бой.

Русские имели много стрелков,
которые мужественно приняли первый натиск,
[находясь] перед дружиной князя.
Видно было, как отряд братьев-рыцарей
одолеет стрелков;
там был слышен звон мечей,
и видно было, как рассекались шлемы.
С обеих сторон убитые
падали на траву^[101].
Те, которые находились в войске братьев-рыцарей,
были окружены.
Русские имели такую рать,
что каждого немца атаковало,
пожалуй, шестьдесят человек^[102].
Братья-рыцари достаточно упорно сопротивлялись,
но их там одолели.
Часть дерптцев вышла
из боя, это было их спасением,
они вынужденно отступили.
Там было убито двадцать братьев рыцарей,
а шесть было взято в плен^[103].
Таков был ход боя.
Князь Александр был рад,
что он одержал победу.
Он возвратился в свои земли.
Однако эта победа ему стоила
многих храбрых мужей,
которым больше никогда не идти в поход.
Что касается братьев-рыцарей, которые
в этом бою были убиты...
то они позже должным образом оплакивались
со многими бесстрашными героями,
которые по призыву Бога
посвятили себя жизни среди братьев-тевтонцев...

(6. С. 211–215. Перевод И. Э. Клейненберга. См.
также: 22. С. 229–234)

Из «Хроники Тевтонского ордена»^[104]

Этот князь Александр собрался с большим войском и с большой силой пришёл к Пскову и взял его. Несмотря на то, что христиане^[105] храбро оборонялись, немцы были разбиты и взяты в плен и подвергнуты тяжкой пытке, и там было убито семьдесят орденских рыцарей. Князь Александр был рад своей победе, а братья-рыцари со своими людьми, которые там были убиты, стали мучениками во имя Бога, прославляемыми среди христиан.

(6. С. 235–236. Перевод И. Э. Клейненберга)

Из «Хроники Ливонии» Бальтазара Руссова^[106]

...Христиане... сражались мужественно, но в конце концов они потерпели поражение. Тогда было убито семьдесят орденских рыцарей с многими из немецкого войска, а шесть братьев-рыцарей попали в плен и были замучены до смерти.

(6. С. 239. Перевод И. Э. Клейненберга)

Из «Записок о Московской войне» Рейнгольда Гейденштейна^[107]

...Город (Псков. — А. К.) даже был взят немцами, как гласит предание, около 6750 (1242. — А. К.) года.

Однако немного спустя после того Александр Ярославович, из рода Мономахова, возвратил свободу городу; будучи отправлен ханом татарским Батыем и получивши в подмогу татарские вспомогательные войска, он победил в сражении ливонцев и затем по договору возвратил город; несмотря на это, и после того были продолжительные у города войны с теми же ливонцами.

(11. С. 195. Перевод И. И. Виноградова)

На известии Р. Гейденштейна об участии в Ледовом побоище татарских отрядов, якобы присланных Александру Батыем, стоит остановиться особо, поскольку подобные утверждения иногда встречаются

и в работах современных исследователей. Между тем ни один автор ранее Гейденштейна ничего подобного не сообщает. Источник же сведений польского историка выявляется без собого труда. Он сам ссылается в своём сочинении на некие псковские летописи, «которые найдены были в числе других в Полоцкой библиотеке и попали в наши руки» после взятия Полоцка польско-литовскими войсками в 1579 году. В этих летописях должно было содержаться известие (имеющееся, например, в Псковской Третьей летописи) о возвращении князя Александра «от Батыя» в 1242 году, накануне войны с Орденом. Известие это, несомненно, ошибочное (см. выше), ибо первая встреча Александра с Батыем состоялась пятью годами позже. Однако Гейденштейн не имел оснований усомниться в его достоверности, а остальное домыслил сам — тем более что хорошо знал об участии татарских отрядов в войнах, которые вели со своими западными соседями в XV–XVI веках московские великие князья и цари — и Иван III Васильевич, и его внук Иван Грозный.

Победа новгородско-суздальских дружин Александра Невского существенно изменила соотношение сил на северо-западных рубежах Русской земли. Власти Ордена вынуждены были обратиться к новгородскому князю с предложением о мире на самых выгодных для Новгорода условиях.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

В том же году прислали немцы [к князю Александру] с поклоном: «Что заняли мы силою без князя Водь, Лугу, Псков, Латыголу — от того всего отступаемся. А что мужей ваших в плен захватили — готовы тех обменять: мы ваших отпустим, а вы наших пустите». И отпустили заложников псковских, и заключили мир.

(24. С. 78–79)

ГОД 1243
Новгород

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

В лето 6751 (1243). Преставился раб Божий Варлам, а мирским именем Вячеслав Прокшинич, на Хутыне, у Святого

Спаса^[108], месяца мая в 4-й день, а похоронен был на следующий день, 5-го, на память святой Ирины, архиепископом Спиридоном и игуменом Сидором, при князе Александре.

Того же месяца в 18-й день, на память святого мученика Александра, явилось знамение во Пскове, в монастыре Святого Иоанна, от иконы Святого Спаса над гробом княгини Ярослава Владимировича, которую убил пасынок её в Медвежьей Голове: лилось миро от иконы 12 дней и налилось 4 вощаницы... и привезли две в Новгород на благословение, а две оставили себе во Пскове...

В том же году, месяца августа в 16-й день, преставился раб Божий Стефан Твердиславич, внук Михалков, посадник новгородский, в воскресенье, в 1-й час ночи, на память святых Павла и Ульяны; [и похоронен] в притворе Святой Софии, где похоронены архиепископы Аркадий и Мартирий; посадничал 13 лет без трёх месяцев.

(24. С. 79)

Из Лаврентьевской летописи

Великий князь Ярослав поехал в Татары, к Батыю, а сына своего Константина послал к Кановичам. Батый же почтил Ярослава великого честью и мужей его, и отпустил, и сказал ему: «Ярослав, будешь ты старейшим среди всех князей в русском языке». Ярослав же возвратился в Русскую землю с великой честью.

(38. Стб. 470)

В конце 1242 года Батый окончательно обосновался на нижней Волге, где вокруг его ставки возник целый город — Сарай. Это означало создание нового могучего государства на западе Монгольской империи — «Улуса Джучи»; впоследствии оно станет называться Золотой Ордой. Отец Александра первым среди русских князей получил ярлык на великое княжение из рук татарского «царя». (Батый предоставил ему великое княжение не только Владимирское, но и Киевское; Ярослав, однако, не поехал в разорённый татарами Киев, но отправил туда своего боярина

Дмитра Ейковича.) За это князь Ярослав вынужден был поклониться Батью, исполнить унижительные татарские обычаи и обряды. Впоследствии тем же путём будут следовать и все его преемники на великом княжении вплоть до первой половины XV века. Сыну же Ярослава и младшему брату Александра Невского Константину предстоял гораздо более дальний путь — «к Кановичам».

«Кановичами» на Руси называли Каракорум в Монголии — столицу великих ханов^[109], чью верховную власть признавали и сам Батый, и его ближайшие преемники. (Само название Кановичи происходит от слова «кан», или «ка'ан», то есть «хан», и образовано так же, как, например, слово «царевичи».) Спустя несколько лет в многотрудный и опасный путь «к Кановичам», через половину всей Евразии, придётся отправиться и великому князю Ярославу Всеволодовичу, а затем и его сыну Александру.

Позднейший же новгородский книжник именно с этого утверждения князя Ярослава на великом княжении и будет вести начало татарского господства над Русью:

...При архиепископе Спиридоне Великого Новгорода и Пскова великий князь Ярослав Всеволодович, благоверного великого князя Александра Невского отец, начал дань давать в Золотую Орду.

(25. С. 204)

ГОД 1244

Новгород

В этом году скончалась мать Александра, княгиня Феодосия.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

Преставилась княгиня Ярославова, приняв пострижение в монастыре Святого Георгия. Туг же и положена была с другой стороны от сына своего Феодора, месяца мая в 4-й день; и наречено было имя ей [при пострижении] — Евфросинья^[110].

(24. С. 79)

После кончины княгини Феодосии-Евфросинии 54-летний Ярослав женился снова. Кем была его новая, третья по счёту супруга, мы не знаем;

известно только о её близости ко двору «царя Батыя»^[111].

Из Лаврентьевской летописи

Князь Владимир Константинович, Борис Василькович и Василий Всеволодович^[112] со своими мужами поехали в Татары, к Батыю, просить о своих отчинах. Батый же почтил их достойною честью и отпустил их, рассудив каждому его отчину; и приехали с честью в свою землю.

(38. Стб. 470)

ГОД 1245

Новгород. Торопец. Лион

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

Воевала литва около Торжка и Бежицы. И гнались за ними новоторжцы с князем Ярославом Владимировичем^[113], и бились с ними. И отняли коней у новоторжцев, а самих их избили и пошли с полоном прочь. Погнались за ними Явид и Кербет с тверичами и дмитровцами и Ярослав с новоторжцами; и били их под Торопцом, а княжичи их [литовские] вбежали в Торопец. Наутро поспел Александр с новгородцами, и отняли полон весь, а княжичей порубили восьмерых или больше. И затем новгородцы возвратились; князь же погнался за литовцами со своим двором, и бил их под Зижичем, и не упустил из них ни одного мужа, и избили тут остаток княжичей. Сам же [Александр] взял сына своего^[114] из Витебска, поехал с малой дружиной и встретил иную рать у Усвята. И тут ему Бог помог, и этих побил, а сам пришёл здоров, и дружина его.

(24. С. 79)

Автор княжеского Жития так рассказывает о войнах князя Александра с литовцами:

...В то же время умножился народ литовский и начал причинять вред владениям Александровым. Он же выезжал и

избивал их. Однажды случилось ему выехать, и за один выезд победил семь полков, множество князей их убил, а иных взял в плен; слуги же его, насмехаясь, привязывали их к хвостам коней своих. И начали с того времени бояться имени его.

(5. С. 192)

Новгородские летописи XV века (Новгородская Четвёртая и Новгородская Карамзинская) сообщают под тем же годом о второй поездке князя Александра в Орду (первая, напомним, датируется в них 1242 годом):

Ездил Александр во второй раз к Батыю, и Батый отпустил его на Русь с честью.

(49. С. 229; 54. С. 117)

Однако достоверность и этого сообщения ставится исследователями под сомнение.

В том же 1245 году, 24 июня, в городе Лионе, тогдашней резиденции римских пап, открылся церковный собор, созванный папой Иннокентием IV. Среди прочих вопросов предстояло обсудить возможность установления дипломатических отношений, а в перспективе и союза с правителями Монгольской империи. Страшная татарская угроза, казалось, миновала Европу, и это представлялось европейским политикам не чем иным, как вмешательством Божьим. До Европы доходили странные слухи о существовании где-то в глубинах Азии христианского царства, о том, что сами правители татар проявляют склонность к принятию христианской веры. Теперь в них готовы были увидеть возможных союзников в борьбе с сарацинами, только что отвоевавшими у христиан Иерусалим (1244 год), а может быть, и с православной Никейской (Византийской) империей. На церковном соборе с речью о татарах выступил и некий русский митрополит Пётр, вынужденный, по его словам, бежать из Руси и искать убежище во Франции. О личности этого Петра историки не могут сказать ничего определённого. Предположительно, он был поставлен во главе Русской церкви князем Михаилом Всеволодовичем Черниговским, занимавшим киевский престол ко времени нашествия татар на Киев и настойчиво искавшим союзников на Западе. (Согласно широко распространённому мнению, речь идёт о бывшем игумене киевского Спасского монастыря Петре Акеровиче, упомянутом в летописях под 1230–1231 годами (38. Стб.

455, 456). Однако это не более чем гипотеза, ничем, в сущности, не подкреплённая.)

Рассказ архиепископа Петра о татарах передаёт английский хронист середины XIII века Матвей Парижский:

Некий архиепископ из России по имени Пётр, муж, как можно было судить, честный, набожный и достойный доверия, изгнанный тартарами, бежал из своего королевства и спасся, переправившись в области по эту сторону Альп, чтобы для архиепископства своего получить совет и помощь и от братьев своих утешение, если помогут ему, по велению Божьему, Римская церковь и милостивая благосклонность здешних правителей. Когда же его спросили, насколько осведомлён он о деяниях этих тартар, вопрошающим ответил так:

«...Они сильнее и подвижнее нас и способны переносить трудности; точно так же и кони их и скот. Женщины их — прекрасные воины и особенно лучницы. Доспехи у них из кожи, почти непробиваемые; наступательное оружие сделано из железа и напоено ядом. Есть у них многочисленные устройства, метко и мощно бьющие. Спят они под открытым небом, не обращая внимания на суровость климата. Они вобрали в себя уже многих от всех народов и племён. А намерены они подчинить себе весь мир, и было им божественное откровение, что должны они разорить весь мир за тридцать девять лет... Они довольно хорошо соблюдают договоры с теми, кто сразу им сдаётся и обращается в невольника; они берут себе из них отборных воинов, которых всегда в сражениях выставляют вперёд. Разных ремесленников они точно так же оставляют себе. Из восстающих против них или презирающих их ярмо они не щадят никого, как и тех, кто их ожидает. Послов они благосклонно принимают, расспрашивают и отпускают»...

(21. С. 151–153. Перевод В. И. Матузовой)

Уже вскоре после завершения Лионского собора на восток — к Батыю, а затем и к великому хану в Каракорум, — отправился специальный посланник папы, монах-францисканец Джованни дель Плано Карпини, которому было поручено проверить слухи о возможности союза с татарами. Одновременно папа Иннокентий IV сколачивал коалицию, направленную

против татар. По его замыслу, в неё могли бы войти и русские князья — но лишь на условиях признания главенства папы, то есть унии с католичеством.

Летом того же года на юго-западе Руси, в Галицкой земле, произошло третье — после Невской битвы и Ледового побоища — крупное военное столкновение русских с католическим Западом. 17 августа 1245 года у города Ярослава (в западной Галичине) дружины галицко-волынского князя Даниила Романовича и его брата Василька наголову разбили соединённое венгерско-польско-русское войско, посланное венгерским королём Белой IV во главе с князем Ростиславом Михайловичем (сыном Михаила Черниговского), старым венгерским воеводой баном Фильнием («Филей гордым» русских источников) и польским паном Флорианом Войцеховичем. Эта битва также отличалась особым ожесточением и кровопролитностью:

...Угры и ляхи многие были перебиты и захвачены в плен, и от всех многие были взяты в плен. Тогда же и Филя гордый был взят в плен дворским Андреем, и был приведён к Даниилу, и был убит Даниилом... И многие другие были убиты в гневе...

(39. Стб. 802–805. Перевод О. П. Лихачёвой по: 28. С. 311–313)

Победа под Ярославом упрочила положение князя Даниила Галицкого и остановила наступление венгров и поляков на земли Юго-Западной Руси.

...В том же 1245 году на Русь вернулся младший брат Александра Константин, посланный отцом два года назад «в Кановичи», то есть в Каракорум. Вероятно, он и передал отцу повеление Батыя вновь собираться в путь...

В том же году великий князь Ярослав со своей братией и с племянниками поехал в Татары, к Батыю.

(38. Стб. 470–471)

На этот раз отцу Ярослава предстоял более далёкий путь. Батый отправил великого князя Владимирского и Суздальского на утверждение в ставку великих ханов, Каракорум. Помимо прочего, отец Александра

должен был принять участие в церемонии провозглашения нового великого хана — преемника умершего ещё в 1241 году Угедея. По свидетельству восточных хронистов, сам Батый в течение всех прошедших лет упорно отказывался от поездки на курултай, ссылаясь на болезнь ног (видимо, подагру) и крайний упадок сил.

...Так как он был старший из всех [родичей], то из-за его отсутствия около трёх лет не выяснялось дело [о звании] каана. Правила старшая из жён Угедей-каана, ТУракина-хатун. В это время разруха проникла на окраины и в центральные части государства. Каан сделал наследником престола своего внука Ширамуна, но ТУракина-хатун и некоторые эмиры не согласились и сказали: «ГУюк-хан старше» — и для возведения его на престол опять попросили Бату. Хотя он и был обижен на них и опасался печальных событий из-за прежних отношений, но всё же тронулся в путь и двигался медленно. [Ещё] до его прибытия и появления родичей они собственной властью утвердили каанство за Гуюк-ханом...

(59. С. 80. Перевод Ю. П. Верховского)

Вот на этом-то съезде представителей всех земель бескрайней Монгольской империи и должен был присутствовать князь Ярослав Всеволодович. Его положение как ставленника Батыя не могло не осложнить ему жизнь при дворе всемогущей вдовы покойного Угедея Туракины-хатун. И действительно, поездка эта закончилась для князя Ярослава трагически.

ГОД 1246

Каракорум. Сарай

Из Лаврентьевской летописи

...Той же осенью князь Ярослав, сын Всеволожь, преставился в иноплеменниках, идя от Кановичей, месяца сентября в 30-й день, на память святого Григория.

(38. Стб. 471)

Другие летописи добавляют некоторые подробности,

свидетельствующие о насильственной смерти князя: «...Преставился Ярослав в Татарах нужною (то есть насильственной. — А. К.) смертью» (38. Стб. 523; 41. Стб. 325–326); или: «Ярослава, великого князя Суздальского, зелием уморили» (39. Стб. 808). Чуть более развёрнутый рассказ читается в так называемом Московском летописном своде конца XV века:

...Князь же великий Ярослав был тогда в Орде, у Кановичей, и много пострадал от безбожных татар за землю Русскую; Фёдором Яруновичем оклеветан был перед царём^[115], и многую тяготу принял. И, пробыв долго в Орде, пошёл из Кановичей, и преставился в иноплеменниках насильственной смертью той же осенью и того же сентября 30-го. О таковых ведь в Писании сказано: «Ничто ведь не сравнится пред Богом, как если кто положит душу свою за други своя (ср. Ин. 15:13)». Сей же князь великий положил душу свою за всех людей своих и за землю Русскую; и причёл его Господь к избранному Своему стаду, ибо милостив был ко всякому и нуждающимся безотказно подавал всё, в чём нуждались они.

(49. С. 139)

За скупыми летописными строками — драма, разыгравшаяся за тысячи вёрст от Руси, в далёких монгольских степях...

Подробности пребывания князя Ярослава Всеволодовича в ставке великих ханов известны нам благодаря рассказу посланника римского папы Иннокентия IV Плато Карпини, который в те же месяцы побывал с дипломатическим поручением в Каракоруме, общался с русским князем и стал свидетелем отъезда уже смертельно больного Ярослава на Русь. Как и Ярослав, Плато Карпини лично присутствовал на избрании нового хана — Гююка.

**Из «Истории монголов,
именуемых нами татарами»**

...Когда мы прибыли туда^[116], уже был воздвигнут большой шатёр, приготовленный из белого пурпура; по нашему мнению, он был так велик, что в нём могло поместиться более двух тысяч человек, а кругом была сделана деревянная ограда, которая была

разрисована разными изображениями.

На второй или на третий день мы поехали туда с татарами, назначенными нам для охраны, и там собрались все вожди... В первый день все одеты были в белый пурпур^[117], на второй в красный, и тогда к упомянутому шатру прибыл Куйюк (Гуюк. — А. К.); на третий день все были в голубом пурпуре, а на четвёртый — в самых лучших балдахинах... Вожди говорили внутри шатра и, как мы полагаем, рассуждали об избрании. Весь же другой народ был далеко вне вышеупомянутой ограды. И таким образом они пребывали почти до полудня, а затем начали пить кобылье молоко и до вечера выпили столько, что было удивительно смотреть...

Снаружи ограды был русский князь Ярослав из Суздаля и несколько вождей китаев и солангов, также два сына царя Грузии, также посол калифа балдахского, который был султаном, и более десяти других султанов сарацин... Там было более четырёх тысяч послов в числе тех, кто приносил дань, и тех, кто шёл с дарами, султанов, других вождей, которые являлись покориться им, тех, за которыми они послали, и тех, кто были наместниками земель. Всех их вместе поставили за оградой и им подавали пить вместе; нам же и князю Ярославу они всегда давали высшее место, когда мы были с ними вне ограды... А ставка эта, или двор, именуется ими Сыра-Орда...

Папский посланник пишет о некоем подобии уважения, которым будто бы пользовался в ханской ставке русский князь Ярослав. Но вот его же слова, читающиеся чуть выше в той же «Истории монгалов»:

Они [татары] весьма горды по сравнению с другими людьми и всех презирают, мало того, считают их, так сказать, ни за что, будь ли то знатные или незнатные. Именно, мы видели при дворе императора, как знатный муж Ярослав, великий князь Русски, а также сын царя и царицы грузинской и много великих султанов... не получали среди них никакого должного почёта, но приставленные к ним татары, какого бы то низкого звания они ни были, шли впереди их и занимали всегда первое и главное место, а... тем надлежало сидеть сзади зада их.

Нетрудно догадаться, сколь унижительно было это для гордого

Ярослава Всеволодовича, правителя ещё недавно могучей и независимой Русской земли.

Торжественное восшествие Гуюка на ханский престол должно было состояться 15 августа 1246 года, однако внезапно выпавший сильный град заставил отложить празднество на несколько дней. По окончании торжеств князь Ярослав намеревался отправиться в обратный путь. Увы, вернуться ему было не суждено. В отличие от русских летописцев Плано Карпини — очевидец событий — свидетельствует, что русский князь скончался в ханской ставке и на родину повезли его бездыханное тело.

В то же время умер Ярослав, бывший великим князем в некоей части Сессии? которая называется Суздаль. Он только что был приглашён к матери императора^[118], которая как бы в знак почёта дала ему есть и пить из собственной руки; и он вернулся в своё помещение, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и всё тело его удивительным образом посинело. Поэтому все верили, что его там опоили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землёю. И доказательством этому служит то, что мать императора без ведома бывших там его людей поспешно отправила гонца в Россию к его сыну Александру, чтобы тот явился к ней, так как она хочет подарить ему землю отца. Тот не пожелал поехать, а остался, и тем временем она посылала грамоты, чтобы он явился для получения земли своего отца. Однако все верили, что если он явится, она умертвит его или даже подвергнет вечному плену.

(32. С. 76–77, 40–41, 79. Перевод А. И. Малеина)

Полагают, что Ярослав стал жертвой старой вражды, существовавшей между Батыем и родичами покойного хана Угедея: вдова последнего увидела в русском князе ставленника ненавистного ей Бату и поспешила избавиться от него. Впрочем, сама Туракина-хатун была отравлена спустя два-три месяца после вступления сына на престол, так что отказ Александра исполнить её требование и явиться вслед за отцом в Каракорум не имел для него серьёзных последствий.

В том же месяце сентябре, когда «в Кановичах» умер князь Ярослав Всеволодович, в ставке Батыя на Волге произошла ещё одна трагедия, стоившая жизни другому русскому князю — давнему сопернику Ярослава в

борьбе за Новгород и Киев Михаилу Всеволодовичу Черниговскому.

Вот что рассказывается в «Сказании об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и боярина его Фёдора».

После того как русские князья один за другим начали возвращаться в разорённые татарами города, татары стали требовать от них ехать к Батыю за ярлыками, подтверждающими их права на княжение в своих городах, отчинах и дединах, ибо, говорили они, не подобает князьям «жить на земле Ба-тыевой, не поклонившись ему».

Обычай же такой имели хан и Батый: если кто придёт поклониться им, не велели к себе вести, но приказывали волхвам своим проводить их сквозь огонь и поклониться кусту, и идолам их, и огню, а если что приносили с собой царю, то от всего того брали волхвы часть и бросали в огонь, и только тогда пускали самих пред царём с дарами. Многие же князья с боярами своими проходили сквозь огонь и кланялись кусту и идолам ради славы света сего и просили каждый себе власти. Те же невозбранно давали им [требуемое], чтобы прельстить их славою света сего...

В глазах язычников-татар прохождение между огнями имело очистительный смысл и не было связано с поклонением идолам. Такому обряду подвергались все независимо от их веры: христиане, мусульмане, язычники. Но Михаил, которому также пришлось отправиться к Батыю, не пожелал исполнить обычай, противный христианской вере. В этом его поддержал его духовный отец, к которому князь накануне отъезда пришёл за благословением и советом:

— И ты, сыну Михаиле, если хочешь ехать, не сотвори так, как прочие: не проходи сквозь огонь, не поклоняйся кусту и идолам их, ни брашна их не ешь, ни питья их не пей и не принимай в уста свои никакой скверны, но исповедай веру христианскую, ибо не достойно христианам кланяться никакой твари, но только Господу нашему Иисусу Христу.

Это была программа полного неприятия татар, неприятия их законов, их «правил игры», наконец неприятия их господства над Русью. Но эта программа обрекала князя Михаила — равно как и любого, кто готов был последовать его примеру, — на верную гибель.

Приехав в ставку Батыя, город Сарай на нижней Волге, Михаил, как и

заповедал ему духовный отец, отказался исполнить требования татарских чиновников. Об этом доложили Батыю, и тот пришёл в великий гнев. Хан отправил к Михаилу знатного татарина Елдегу с такими словами:

«Почто повелением моим пренебрёг, богам моим не поклонился? Теперь выбирай: живот или смерть? Если повеление моё исполнишь, жив будешь и всё своё великое княжение получишь. Если же не пройдёшь сквозь огонь и не поклонись ни кусту, ни идолам, то злою смертью умрёшь».

И отвечал великий князь Михаил: «Тебе, царю, кланяюсь, ибо поручил тебе Бог царствие и славу света сего. А тому, чему велишь кланяться, не поклонюсь». Елдега же сказал на это: «Знай, Михаил, что мёртв ты».

С князем был его внук, юный ростовский князь Борис Василькович, сын убитого татарами князя Василька Константиновича. Со слезами на глазах он стал уговаривать деда исполнить волю Батыя. И все бывшие тут бояре Борисовы просили о том же, обещая взять на себя грех князя. Но Михаил остался твёрд, и в этом его поддержал боярин Фёдор. Между тем подоспели убийцы, посланные Батыем.

Те же окаянные убийцы... соскочили с коней и схватили святого и преподобного великого князя Михаила, растянули его за ноги и за руки и начали его бить руками по сердцу. И затем бросили его ниц на землю и били его пятками. Некто же, бывший прежде христианином, но потом отвергший веру христианскую и сделавшийся поганым, по имени Доман, северянин родом^[119], отрезал ножом голову святому мученику великому князю Михаилу и отбросил её прочь...

(41. Стб. 318–325)

Вместе с князем мученическую смерть принял и боярин Фёдор. День их кончины — 20 сентября — стал днём их церковной памяти. Раньше всего почитание святых мучеников за веру Михаила и Фёдора установилось в Ростовской земле, чему немало содействовала дочь Михаила княгиня Мария, мать юных ростовских князей Бориса и Глеба Васильковичей.

Так смерть с разницей всего в несколько дней примирила

непримиримых противников в борьбе за власть над Русью — Михаила Черниговского и Ярослава Переяславского...

...Смерть князя Михаила в ставке Батыя не стала, увы, ни первой, ни последней. Плано Карпини приводит ещё один рассказ о событии, свидетелем которого он стал всё в том же злосчастном 1246 году.

Случилось также в недавнюю бытность нашу в их земле, что Андрей, князь Чернигова^[120]... был обвинён пред Бату в том, что уводил лошадей татар из земли и продавал их в другое место. И хотя это не было доказано, он всё-таки был убит. Услышав это, младший брат его прибыл с женою убитого к вышеупомянутому князю Батыю с намерением упросить его не отнимать у них земли. Бату сказал отроку, чтобы он взял себе в жёны жену вышеупомянутого родного брата своего, а женщине приказал поять его в мужья, согласно обычаю татар. Тот сказал в ответ, что лучше желает быть убитым, чем поступить вопреки закону [христианскому]. А Бату тем не менее передал её ему, хотя оба отказывались, насколько могли, и их обоих повели на ложе, и плачущего и кричащего отрока положили на неё, и принудили их одинаково совокупиться сочетанием не условным, а полным.

(32. С. 36. Перевод А. И. Малеина)

В том же 1246 году, ранней весной, из ставки Батыя на Волге вернулся ещё один русский князь, которого также застал здесь Плано Карпини, — знаменитый Даниил Романович Галицкий, сильнейший из всех русских князей того времени. Недавний по[^] бедитель венгров и ляхов у Ярослава, он в 1245 году вынужден был отправиться в Орду, чтобы сохранить за собой галицкие и волынские земли, и также до дна испил чашу унижений.

Из Галицко-Волынской летописи

...Оттуда он прибыл к Батыю на Волгу^[121]. Когда он хотел идти на поклон к нему, пришёл человек Ярослава^[122] Соногур и сказал: «Твой брат Ярослав кланялся кусту, и тебе придётся поклониться». Даниил сказал: «Дьявол говорит твоими устами. Пусть Бог заградит уста твои, чтобы слово твоё не было слышно». В это время его позвали к Батыю, и он был избавлен Богом от злого их волшебства и кудесничания. Он поклонился по

обычаю их и вошёл в шатёр Батгя. И сказал ему Батгй: «Даниил, почему ты раньше не приходил? А сейчас пришёл — это хорошо. Пьёшь ли чёрное молоко, наше питьё, кобылий кумыс?^[123]» Даниил сказал: «До сих пор не пил. Сейчас, раз велишь, выпью». Тот сказал: «Бгя уже наш, татарин. Пей наше питьё!» Даниил выпил, поклонился по обычаю их... И прислал ему Батгй ковш вина, говоря: «Не привыкли вы пить кумыс, пей вино!»

О, злее зла честь татарская! Даниил Романович, великий князь, владел вместе со своим братом всю Русскою землёй: Киевом, Владимиром (Волынским. — А. К.) и Галичем и другими областями, а ныне стоит на коленях и называет себя холопом! Татары хотят дани, а он на жизнь не надеется... Пробыл князь у них двадцать пять дней, был отпущен, и поручена была ему земля, которая у него была. Он пришёл в землю свою, и встретили его брат и сыновья его, и были плач об обиде его и большая радость о здоровье его.

(39. Стб. 807–808. Перевод по: 28. С. 313–315)

Князь Даниил Романович не смог смириться со своим новым положением подручного ордынского «царя». После возвращения от Батгя он встал на путь пока ещё глухого и тайного сопротивления ордынскому игу, ища пути сближения с Западом, донельзя напуганным татарской угрозой. Даниил заключил союз со своим недавним врагом Белой IV, женив сына Льва на дочери венгерского короля, завязал сношения с папой римским Иннокентием IV, который как раз в эти годы, после возвращения из Монголии Плано Карпини, усиленно хлопотал о создании антитатарской коалиции, включавшей бы в себя и правителей русских земель. Ещё больше привлекала понтифика реальная, как ему казалось, возможность подчинения своей власти Русской церкви и унии католичества с православием (на этот счёт в те же годы велись переговоры между папским двором и никейским (византийским) императором).

Из посланий «светлейшему королю Руси Иоанну» (то есть князю Даниилу) «епископа Иннокентия, раба рабов Божьих» (то есть папы Иннокентия IV)

...До сих пор в ваших землях не без опасности для душ соблюдались религиозные установления и обычаи греков, которые упорно и пагубно для самих себя уклонились от

единства Церкви. Недавно же^[124] Божеской милостью ваши сердца были озарены для того, чтобы вы признали, что Римская церковь является матерью и наставницей всех других, а верховный понтифик — преемником святого Петра, которому вручены были ключи от Царства Небесного...

Мы направили в ваши края достопочтенного брата нашего... архиепископа Пруссии и Эстонии [Альберта], легата апостольского престола, человека особенно близкого нашему сердцу... Поэтому мы просим, наставляем и настойчиво увещеваем твою королевскую светлость и повелеваем, чтобы ты в вышеозначенных делах и делах, касающихся татар, воспользовался его советом и оказал ему помощь и покровительство, за что затем ты уготовишь себе заслуженное доброе имя у Бога и людей, и мы сможем славить твою королевскую милость достойными хвалами во имя Господа.

Дано в Лионе в 5 ноны мая, третий год понтификата (3 мая 1246 года).

...Склонённые твоими мольбами, мы принимаем тебя и означенное королевство под покровительство святого Петра и наше, что и подтверждаем настоящим письмом...

Дано в Лионе в 5 ноны мая, третий год понтификата (3 мая 1246 года).

При этом папа готов был пойти даже на сохранение в Галицкой Руси православных обрядов — но при непременном признании догмата о главенстве римского папы и подчинении ему Русской церкви.

...Поелику мы особо выделяем тебя среди почитающих Церковь, то с Божьей помощью охотно устремляем слух наш к твоим просьбам и оказываем милостивое благословение твоим пожеланиям. Посему, дражайший во Христе сын, склоняясь к твоим просьбам, мы разрешаем настоящим письмом епископам и другим пресвитерам Руси придерживаться обычаев, связанных с приготовлением Святых Даров из перебродившего теста, и других их религиозных обычаев, которые не противоречат вере католической, то есть вере Римской церкви...

Дано в Лионе в 6 календы сентября, пятый год понтификата (27 августа 1247 года).

...Поелику опасности можно избежать, оградившись щитом Провидения, то мы просим, молим и настойчиво убеждаем твою светлость как об особой милости: когда тебе станет известно, что войско татар направляется против христиан, позаботься сообщить об этом возлюбленным сынам, братьям Тевтонского ордена, проживающим в землях русских, с тем чтобы, как только это известие дойдёт до нас, мы смогли своевременно обдумать, каким образом с Божьей помощью оказать мужественное сопротивление сим татарам.

Дано в Лионе 23 января 1248 года.

(8. С. 122–129. Переводе. А. Большаковой)

Однако реальной помощи от папского престола Даниил так и не дождался, что вскоре (около 1248 года) привело к срыву переговоров и его отказу от королевской короны, предложенной ему папой. Впоследствии, правда, переговоры возобновятся.

ГОДЫ 1247–1249

Владимир. Сарай. Каракорум

Только к весне 1247 года тело великого князя Ярослава Всеволодовича наконец привезли в стольный Владимир, где и похоронили в белокаменном Успенском соборе в присутствии его сыновей, духовенства и многочисленного народа.

Услышал Александр о смерти отца своего, приехал из Новгорода во Владимир и плакал по отцу своему с дядей своим Святославом и с братьями своими. В том же году князь Святослав, сын Всеволожь, сел [на княжение] во Владимире на столе отца своего, а племянников своих посадил по городам, как урядил им отец их Ярослав.

Александр остался князем Новгородским, хотя, может быть, получил к своему Новгородскому княжению ещё какие-то города. Что же касается Святослава, то он совсем недолго просидел на великом княжении и вскоре

(даже не успев съездить за ярлыком в Орду) был изгнан из Владимира своим племянником, энергичным и решительным младшим братом Александра Невского Андреем. Судя по неясным и противоречивым показаниям источников, на великокняжеский престол претендовал и ещё один брат Александра — московский князь Михаил; кажется, он и стал великим князем после отъезда в том же году Андрея и Александра в Орду^[125]. (Спустя год, в 1248 году, князь Михаил погибнет в битве с литовцами на реке Протве и будет похоронен во Владимире, в Успенском соборе.)

В том же году поехал князь Андрей Ярославич в Татары, к Батыю, и князь Александр также поехал за братом к Батыю. Батый же, оказав им почести, послал их к Кановичам.

(38. Стб. 471)

Яркий, хотя и легендарный рассказ о поездке Александра к Батыю сохранился в Житии князя:

По смерти отца своего князь Александр пришёл во Владимир в силе тяжкой. И был грозен приход его, и промчалась весть о нём до самого устья Волги. И начали жёны моавитянские^[126] пугать детей своих, говоря: «Александр князь едет!»

Задумал князь Александр, и благословил его епископ Кирилл^[127]; и пошёл к царю в Орду. И увидел его царь Батый, и удивился, и сказал вельможам своим: «Воистину мне сказали, что нет князя, подобного ему». Почтив же его достойно, отпустил его...

(5. С. 192)

Вероятно, Андрей надеялся получить в Орде ярлык на великое княжение, фактически уже занятое им. Александр как старший из Ярославичей вынужден был последовать за братом. Батый не стал лично решать судьбу братьев, но отправил обоих в Каракорум, ставку великого хана. Наверняка он имел на этот счёт какие-то особые, сугубо политические соображения, касавшиеся его взаимоотношений с ханом Гуюком и его родичами, с которыми, как мы уже говорили, он открыто

враждовал. Возможно, русские князья должны были послужить разменной монетой в его политической игре. Впрочем, мы не знаем точно, сколь долго князья пробыли в Сарае, при дворе Батыея, и когда отправились в путь в Монголию. Соответственно, не знаем мы и того, где именно — в Сарае или по дороге в Каракорум — застало их известие о смерти хана Гуюка, случившейся весной 1248 года^[128].

Сам путь — а Сарай с Каракорумом разделяли четыре с половиной тысячи километров (и это не считая 1250 километров от Владимира до Сарая) — занял не один месяц. Плано Карпини, например, потратил на дорогу от ставки Батыея до Каракорума три с половиной месяца (а до этого два месяца добирался из Киева до Сарая), причём, по его собственным словам, они в сопровождении татар передвигались «с великой поспешностью» и ехали «быстро, без всякого перерыва». Обычный же путь составлял четыре месяца — именно столько продолжалось, например, путешествие к монгольским ханам Гильома де Рубрука, посланца короля Франции Людовика Святого (32. С. 119), и армянского царя Гетума (31. С. 82). Если же известие о смерти Гуюка застало русских князей в дороге, то их путешествие должно было сильно осложниться, а время, проведённое в пути, — значительно увеличиться.

После смерти Гуюк-хана закрыли все дороги, — *сообщает Рашид ад-Дин*, — вышел приказ, чтобы каждый остановился там, где его застал приказ, будь то населённое место или разорённое.

(59. С. 121. Перевод Ю. П. Верховского)

В тот же год была большая засуха, — *повествует под 1248 годом китайская официальная хроника «Юань ши»*. — Воды в реках совершенно высохли; степные травы выгорели — из каждых десяти голов лошадей или скота восемь или девять пали, и люди не имели чем поддерживать жизнь.

(16. С. 179. Перевод Р. П. Храпачевского)

А ведь земли, по которым ехали путешественники, и без того были безводными и плохо пригодными для проживания. Во всяком случае, так должно было казаться русским людям, привыкшим к умеренному климату средней полосы России, к обилию воды и разнообразию пищи.

Вот как описывал Плано Карпини некоторые из тех обычных тягот,

которые ожидали путешественников на этом пути:

...После этого мы въехали в землю кангитов, в которой в очень многих местах ощущается сильная скудость в воде... Поэтому люди князя русского Ярослава, ехавшие к нему в татарскую землю, в большом количестве умерли в этой пустыне. В этой земле, а также в Комании мы нашли многочисленные головы и кости мёртвых людей, лежащие на земле подобно навозу...

Из земли кангитов въехали мы в землю бисерминов... В этой земле мы нашли бесчисленные истреблённые города, разрушенные крепости и много опустошённых селений... Мы вставали рано утром и ехали до ночи без еды; и очень часто приезжали так поздно, что не ели и ночью, а то, что мы должны были есть вечером, нам давалось ранним утром, и мы ехали, как только могли скакать лошади...

(32. С. 74, 76. Перевод А. И. Малеина)

А ведь был ещё и обратный путь... Когда Плано Карпини и его спутники вернулись на Русь, их встречали будто восставших из мёртвых — таково было всеобщее отношение к тем, кто проделал путь «к Кановичам» и обратно.

Но главным испытанием было каждодневное общение с татарами. Князья Александр и Андрей и их спутники имели охранную грамоту от Батыея — и всё равно они должны были чувствовать себя среди свирепых язычников так, словно оказались в преисподней. Во всяком случае, именно это сравнение приходило на ум многим путешественникам-христианам, побывавшим в их землях.

Вот как, например, описывал татар армянский историк второй половины XIII века Киракос Гандзакец:

Вид их был адский и наводил ужас. У них не было бороды, а только несколько волос на губах и на подбородке. Глаза узкие и быстрые, голос тонкий и острый. Они сложены прочно и долговечны. Когда имеют что поесть, то едят часто и пьют с жадностью; в противном случае легко переносят голод. Едят безразлично всех животных — чистых и нечистых, но всему предпочитают конину... Они берут столько жён, сколько хотят.

Прелюбодеев с их жёнами умерщвляют, но сами безразлично имеют общение с чужестранками, где бы их ни встретили. Они ненавидят воровство и жестокою смертью умерщвляют воров...

(30. С. 45–46. Перевод К. П. Патканова)

...Мне прямо представилось, что я вырвался из рук демонов.

(32. С. 102)

А это уже слова Гильома Рубрука после его первой встречи с татарами. При этом татары ни во что не ставили любых чужеземцев, какого бы высокого сана они ни были, жестоко и бесцеремонно обирали их, требуя себе всё, что попадалось им на глаза: еду, питьё, украшения...

Зато на всём пути на расстоянии дневного перегона располагались *ямы* — особые станции для смены лошадей. Впоследствии эта дорожная, *ямская* служба — совершенно необходимая в условиях огромной евразийской империи — будет устроена и в России.

...Пребывание Андрея и Александра в ставке великих ханов совпало по времени с очередным междуцарствием, всегда сопровождавшимся неразберихой в управлении делами^[129]. Регентшей престола стала вдова покойного Гуюка ханша Огул-Каймиш. Восточные авторы дают ей весьма нелестную оценку:

...По повелению Огул-Каймиш гроб с Гуюк-ханом перенесли в Имиль, где была его ставка. Соркуктани-беги^[130] по обычаю послала ей в утешение наставление, одежду и бохтаг^[131]. И Бату таким же образом обласкал её и выказал дружбу. Он говорил: «Дела государства пусть правит на прежних основаниях по советам Чин-кай^[132] и вельмож Огул-Каймиш и пусть не пренебрегает ими, так как мне невозможно тронуться с места по причине старости, немощи и болезни ног; вы, младшие родственники, все находите там и приступайте к тому, что нужно». И хотя, кроме сделок с купцами, никаких дел больше не было и Огул-Каймиш большую часть времени проводила наедине с шаманами и была занята их бреднями и небылицами, у Хаджи и Нагу (сыновей Гуюка. — А. К.) в противодействие матери появились свои две резиденции, так что в одном месте оказалось

три правителя. С другой стороны, царевици по собственной воле писали грамоты и издавали приказы. Вследствие разногласий между матерью, сыновьями и другими царевицами и противоречивых мнений и распоряжений дела пришли в беспорядок. Эмир Чинкай не знал, что делать, — никто не слушал его слов и советов.

(59. С. 121–122. Перевод Ю. П. Верховского)

Междоусобица будет продолжаться долгих три года, в течение которых князья и нойоны Монгольской империи окажутся не в состоянии договориться об избрании нового великого хана. Для свержения Огул-Каймиш понадобится личное присутствие на курултае Батыя, на время забывшего о своих недугах, и только после этого летом 1251 года на ханский престол будет возведён его союзник Менгу (Мункэ).

Впрочем, в 1249 году отношения между Батыем и Огул-Каймиш — по крайней мере внешне — выглядели вполне дружественными, и можно полагать, что именно этим объясняется в целом успешное завершение визита в Каракорум посланцев Батыя Александра и Андрея. Успеху их поездки могло способствовать и то обстоятельство, что упомянутый в источниках Чинкай, правивший делами при Огул-Каймиш, был известен своим расположением к христианству и в его окружении находилось немало священнослужителей, в том числе и из Руси (см.: 59. С. 120–121). Русские князья — разумеется, не без обязательных в таких случаях богатых подношений — сумели получить желаемое: им обоим достались ярлыки на великое княжение, причём старший, Александр, получил Киев «и всю Русскую землю», а младший, Андрей, — отцовский престол во Владимире. Напомним, что отец Александра и Андрея Ярослав владел обоими ярлыками — и на Киев, и на Владимир. Но теперь к великому хану явились сразу два князя, и разделение ярлыков между ними казалось вполне логичным. Это было и в интересах самих монголов, всегда умевших столкнуть друг с другом подвластных им русских князей.

Формально статус Александра был выше, ибо Киев по-прежнему считался главным, стольным городом Руси. Но разорённый татарами и обезлюдевший, он не представлял для князя особого интереса, и потому Александр едва ли мог быть удовлетворён принятым решением. Возможно, настороженное отношение к Александру Огул-Каймиш унаследовала от своей старшей родственницы Туракины-хатун, некогда тщетно призывавшей русского князя в свою ставку. Тогда Александр отказался

ехать в Каракорум, и об этом здесь, наверное, не забыли.

Но делать было нечего. Братья отправились в обратный путь. Спустя два с половиной года после своего отъезда из Владимира, в конце 1249 года, они наконец возвратились на Русь.

ЗИМА 1249/50 ГОДА

Владимир. Новгород

Из Лаврентьевской летописи

...Той же зимой приехали Александр и Андрей от Кановичей, и приказали Александру Киев и всю Русскую землю, а Андрей сел во Владимире на столе.

Александр не поехал в доставшийся ему Киев, но задержался во Владимире — стольном городе своего брата.

Той же зимой преставился во Владимире князь Владимир Константинович, на память святого первомученика Стефана^[133]. Плакал над ним много князь Александр с братией, и проводили его с честью из Золотых ворот, и повезли в Углич; блаженный же епископ Кирилл с игуменами отпели [над ним] погребальные песни, и положили его у Святого Спаса, и плакались много.

Той же зимой преставился во Владимире князь Василий Всеволодович, на память святого Феодора^[134], и повезли его к Ярославлю; провожали же его князь Александр, и Борис с Глебом, и мать их; блаженный же епископ Кирилл с игуменами и священниками отпел погребальные песни, и положили его с честью у Святой Богородицы, и плакали над ним много.

(38. Стб. 472)

В том же феврале 1250 года князь Александр Ярославич вернулся в Новгород.

Приехал князь Александр из Орды, и была радость великая в Новгороде.

(24. С. 80)

Некоторые дополнительные подробности приведены в «Истории Российской» В. Н. Татищева:

...А Александр пошёл в Новгород и оттуда хотел идти к Киеву, но отговорили его новгородцы татар ради. Он же остался в Новгороде...

(71. С. 39)

*

Вероятно, именно в это время, вскоре после возвращения из Орды в Новгород, князь Александр получил два послания от римского папы Иннокентия IV, отправленные ему ещё в 1248 году. Наслышанный об Александре от Платона Карпини и, несомненно, знавший о победах русского князя над шведами, ливонцами и литвой, папа хотел видеть его среди своих союзников по антиордынской коалиции. Кроме того, папа полагал, что разорение Руси создаёт хорошие возможности для католической пропаганды в русских землях и присоединения новгородских и псковских земель к церковной унии между католичеством и православием — разумеется, под эгидой папы. Первое из этих посланий было датировано 23 января:

Благородному мужу Александру, герцогу Суздальскому, Иннокентий епископ, раб рабов Божиих.

Отец грядущего века, князь мира, сеятель благочестивых помыслов, Спаситель наш Господь Иисус Христос окропил росой своего благословения дух родителя твоего, светлой памяти Ярослава, и, с дивной щедростью явив ему милость познать Себя, уготовил ему дорогу в пустыне, которая привела его к яслям Господним, подобно овце, долго блуждавшей в пустыне. Ибо, как стало нам известно из сообщения возлюбленного сына, брата Иоанна де Платона Карпини из Ордена миноритов, протонотария нашего, отправленного к народу татарскому, отец твой, страстно вожделев обратиться в нового человека, смиренно и благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви, матери своей, через этого брата, в присутствии Емера, военного советника^[135], и вскоре бы о том проведали все люди, если бы смерть столь неожиданно и злосчастно не вырвала его из жизни^[136].

Поелику он столь блаженно завершил свой жизненный путь, то надобно благочестиво и твёрдо уверовать в то, что,

причисленный к сонму праведников, он покоится в вечном блаженстве там, где сияет немеркнущий свет, недостижимый взорам с земли, где разливается благоухание, которое не развеивается от дуновения ветра, и где он постоянно пребывает в объятиях любви, в которой несть пресыщения.

Итак, желая, чтобы ты, будучи законным наследником отца своего, обрёл блаженство, как и он, мы, наподобие той женщины из Евангелия, которая зажгла светильник, дабы разыскать утерянную драхму, разведываем путь, прилагая усердие и тщание, чтобы мудро привести тебя к тому же, чтобы ты смог последовать спасительной стезёй по стопам своего отца, достойного подражания во все времена, и с такой же чистотою в сердце и правдивостию в уме предаться исполнению заветов и поучений Римской церкви, чтобы ты, оставив бездорожье, обрекающее на вечную смерть, смиренно возъединился с тою церковью, которая тех, кто её чтит, бесомненно ведёт к спасению прямой стезёй своих наставлений.

Да не будет тобою разом отвергнута просьба наша (с которой обращаемся к тебе), исполняя наш долг, и которая служит твоей же пользе; ибо весь спрос с тебя — чтобы убоялся ты Бога и всем сердцем своим Его любил, соблюдая Его заветы. Но, конечно, не останется сокрытым, что ты смысла здравого лишён, коль скоро откажешь в своём повиновении нам, мало того — Богу, чьё место мы, недостойные, занимаем на земле. При повиновении же этом никто, каким бы могущественным он ни был, не поступится своей честью, напротив, всяческая мощь и независимость со временем умножаются, ибо во главе государств стоят те достойные, кто не только других превосходить желает, но и величию Божию служить стремится.

Вот о чём светлость твою просим, напоминаем и в чём ревностно увещеваем, дабы ты мать Римскую церковь признал и её папе повиновался, а также со рвением поощрял твоих подданных к повиновению апостольскому престолу, чтобы вкусить тебе от неувядаемых плодов вечного блаженства. Да будет тебе ведомо, что коль скоро пристанешь ты к людям, угодным нам, более того — Богу, тебя среди других католиков первым почитать, а о возвеличении славы твоей неусыпно радеть будем.

Ведомо, что от опасности легче бежать, прикрывшись щитом

мудрости, и мы просим тебя об особой услуге: как только проведаешь, что татарское войско на христиан поднялось, чтобы ты не преминул немедля известить об этом братьев Тевтонского ордена, в Ливонии пребывающих^[137], дабы, как только это известие через братьев оных дойдёт до нашего сведения, мы смогли безотлагательно поразмыслить, каким образом, с помощью Божией, сим татарам мужественное сопротивление оказать.

За то же, что не пожелал ты подставить выю твою под ярмо татарских дикарей^[138], мы будем воздавать хвалу мудрости твоей к вящей славе Господней.

Писано в Лионе X дня февральских календ V года (23 января 1248 года).

(23. С. 136–138; ср. 22. С. 263–265. Перевод В. И. Матузовой)

Посланцы папы не застали Александра в Новгороде, ибо ещё в 1247 году князь отправился в Сарай, а оттуда — в Каракорум. Однако ещё до своего отъезда из Новгорода (и, вероятно, ещё до получения первого папского послания) князь Александр Ярославич провёл какие-то переговоры с посланцами Альберта фон Зуербеера, архиепископа Прусского, представлявшего интересы римского понтифика. По мнению исследователей, в ожидании предстоящей поездки «к Кановичам» Александр дал уклончивый ответ на предложения папы, рассчитанный на продолжение переговоров. В частности, он соглашался на построение в Пскове латинской церкви — кирхи. В этом не было ничего необычного: такая католическая церковь — «варяжская божница» — существовала, например, в Новгороде ещё с XI века. Во всяком случае, до нас дошло ещё одно послание папы Иннокентия IV к «славному Александру, королю Новгорода», датированное 15 сентября того же 1248 года. Если это послание адресовано именно Александру Невскому — в чём, кажется, не остаётся сомнений^[139], — то оно свидетельствует о том, что в Лионе, где находилась тогда резиденция римского папы, ответ русского князя был расценен как явное свидетельство его готовности принять предложенные папой условия.

Александру, сиятельному королю Новгорода.

Господь отверз очи души твоей и исполнил тебя сиянием

света Своего, ибо, как узнали мы от нашего благословенного брата, архиепископа Прусского, легата Апостолического престола, ты преданно искал и прозорливо обрёл путь, который позволит тебе весьма легко и весьма быстро достичь врат райских. Однако поскольку ключи от этих врат Господь вверил блаженному Петру и его преемникам, римским папам, дабы они не впускали кого-либо не признающего Римскую церковь как мать нашей веры и не почитающего папу — наместника Христа — с сердцем, исполненным послушания и радости, ты, дабы не быть удалённым ими от врат, не угодив Богу, — ты со всяким рвением испросил, чтобы тебя приобщили как члена к единой главе Церкви через истинное послушание, в знак коего ты предложил воздвигнуть в граде твоём Плескове соборный храм для латинян.

За это намерение твоё мы воздаём искреннейшую хвалу Спасителю всех людей, Который, отнюдь не желая чьей-либо гибели, искупил нас, предав Себя, и смертью Своей даровал нам жизнь, а множеством Своих унижений облёк нас в великую славу; мы, нежно заключая тебя в объятия наши как избранного сына Церкви, испытываем чувство умиления в той же мере, в какой ты, обретающийся в столь удалённых краях, ощутил сладость Церкви — там, где множество людей, следуя твоему примеру, могут достичь того же единства.

Итак, мужайся, дражайший сын наш. Забудь прошлое, устрями все помыслы к цели более совершенной, дабы, непоколебимо и решительно храня верность Церкви, о чём мы уже говорили, и усердствуя в её лоне, ты возрастил бы цветы сладостные, которые позднее принесут плоды, навеки избавленные от тления.

И не помышляй, что подобное послушание каким бы то ни было образом принудительно для тебя. Ведь, требуя его, мы ждём от человека лишь и именно любви к Богу и возрастания праведности, ибо, совлекшись смертного тела, он — по заслугам своим — будет причислен к лику праведных, внидет туда, где сияет свет невещественный и где яства сладкие, коими нельзя пресытиться, и где пребывает полнота милосердной любви, коей нельзя насытиться.

Кроме того, вышеупомянутый архиепископ желает навестить тебя, поэтому мы обращаемся к твоему королевскому величеству

с молениями, предостережениями и настойчивыми просьбами, дабы ты подобающим образом принял его как выдающегося члена Церкви, дабы ты отнёсся к нему благосклонно и с уважением воспринял то, что он посоветует тебе ради спасения твоего и твоих подданных.

Мы же, следуя совету того же архиепископа, позволяем тебе воздвигнуть упомянутый храм.

Писано в Лионе XVII дня октябрьских календ VI года (15 сентября 1248 года).

(60. С. 108–109, 112–113. Перевод Г. Рошко; ср. 22. С. 269–270)

Это послание, как и предыдущее, князь Александр мог получить лишь по возвращении из Монголии. К тому времени он сделал выбор — и не в пользу Запада. Как полагают исследователи, увиденное на пути от Владимира к Сараю и Каракоруму и обратно произвело на Александра сильное впечатление: он убедился в несокрушимой мощи Монгольской империи, в невозможности разорённой и ослабленной Руси противиться власти татарских «царей».

Вот как передаёт Житие князя его ответ папским посланникам:

Некогда же пришли к нему послы от папы из великого Рима с такими словами: «Папа наш так говорит: «Слышали мы, что ты князь достойный и славный и земля твоя велика. Потому и прислали к тебе от двенадцати кардиналов двух искуснейших — Галда и Гемонта^[140], чтоб ты послушал учение их о законе Божии».

Князь же Александр, подумав с мудрецами своими, отписал к нему, так говоря: «От Адама до потопа, от потопа до разделения языков, от смешения языков до начала Авраама, от Авраама до прохождения Израиля сквозь Красное море, от исхода сынов Израилевых до смерти царя Давида, от начала царства Соломонова до Августа царя, от начала Августа и до Христова Рождества, от Рождества Христова до Страдания и Воскресения Господня, от Воскресения Его и до Восшествия на небеса, от Восшествия на небеса до царства Константинова, от начала царства Константинова до первого собора, от первого собора до седьмого — всё то хорошо ведаем, а от вас учения не

принимаем». Они же возвратились восвояси.

(5. С. 193)

В этом ответе князя, в его нежелании даже вступить в прения с латинскими послами проявилась отнюдь не какая-то его религиозная ограниченность, как может показаться на первый взгляд. Это был выбор и религиозный, и политический. Александр отдавал себе отчёт в том, что Запад едва ли сможет помочь Руси в освобождении от ордынского ига; борьба же с Ордой, к которой призывал папский престол, могла оказаться губительной и для него, и для страны. Известно, что в Орде с крайним подозрением относились к любым контактам русских князей с правителями Запада — наверное, нежелание раздражать татар тоже повлияло на выбор князя. Не готов был Александр пойти и на унию с Римом (а именно это было непременным условием предлагавшегося союза). Принятие унии — даже при формальном согласии Рима на сохранение всех православных обрядов в богослужении — на практике могло означать лишь простое подчинение латинянам, причём одновременно и политическое, и духовное. История господства латинян в Прибалтике или Галиче (где они ненадолго утвердились в 10-х годах XIII века) наглядно доказывала это.

Так князь Александр избрал для себя иной путь, отличный от того, что избрал князь Даниил Галицкий, — путь отказа от всякого сотрудничества с Западом и вместе с тем путь вынужденной покорности Орде, принятия всех её условий. Именно в этом, надо полагать, усматривал он единственное спасение как для своей власти над Русью — пусть и ограниченной признанием ордынского суверенитета, — так и для самой Руси.

ГОД 1250

Владимир

Поехал князь Борис к Сартаку^[141]. Сартак же, оказав ему почести, отпустил его в свою отчину. Той же осенью поехал Святослав Всеволодович с сыном в Татары. Той же осенью приехал в Суздальскую землю митрополит Кирилл. Той же зимою женился князь Андрей Ярославич на дочери Даниила Романовича, и венчали их митрополит с епископом Кириллом во Владимире у Святой Богородицы, и много веселья было.

(38. Стб. 472)

Два события этого года заслуживают комментария. Во-первых, приезд в Северо-Восточную Русь нового митрополита Кирилла, рукоположенного около 1247 года патриархом Константинопольским в Никее (где временно обосновались патриархи после завоевания крестоносцами Константинополя в 1204 году). Ставленник князя Даниила Галицкого, Кирилл станет впоследствии одним из самых близких людей к князю Александру Невскому, его единомышленником и сподвижником.

Во-вторых, брак с дочерью Даниила Галицкого великого князя Владимирского Андрея Ярославича, ради которого, вероятно, Кирилл и прибыл в Суздальскую землю. Сближение брата Александра Невского с князем Даниилом преследовало, помимо прочего, и политические цели и в конечном счёте привело к созданию антиордынской коалиции в самой Руси.

ГОД 1251

Новгород

Год тяжёлой болезни князя Александра Ярославича.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

Приехали в Новгород митрополит Кирилл и ростовский епископ, тоже Кирилл именем, и поставили архиепископа Новгородского Далмата^[142]. В том же году начались дожди, и залило все луга, и урожаи, и сено; и мост великий снесла вода на Волхове, а на осень побил мороз урожай, но остаток уцелел. Ибо Господь Бог попускает за грехи наши или голод, или рать, или иные разные казни, но велико милосердие Его — терпит нас, ожидая покаяния, как и Сам сказал: «Не хочу смерти грешнику, но возрождения жизни его», и оставляет нам остатки на оживление наше.

(24. С. 80)

Из Лаврентьевской летописи

В том же году была болезнь тяжкая князю Александру, но Бог помиловал его, и молитва отца его Ярослава, и блаженного митрополита, и епископа Кирилла.

В то же лето поехал Глеб [Василькович] на Бело-озеро в

свою отчину. Той же зимой мирно было.

(38. Стб. 472–473)

Тем же 1251 годом датируют переговоры князя Александра Ярославича с норвежским королём Хаконем Хаконарсоном (или Хаконем Старым), о которых рассказывает исландская «Сага о Хаконе, сыне Хакона», написанная современником и участником событий, исландским историком Стурлой Тордарсоном, в 1264–1265 годах на основе официальных материалов королевской канцелярии. Переговоры эти касались пограничных споров о сборе дани с земель карелов и саамов и едва не увенчались династическим союзом между Новгородом и Норвегией. Однако в итоге союз двух государств так и не сложился.

Из «Саги о Хаконе Хаконарсоне»

Той зимой, когда конунг Хакон сидел в Трандхейме^[143], прибыли с востока из Гардарики (*Руси. — А. К.*) послы конунга Александра из Хольмгарда (*Новгорода. — А. К.*). Звался Микьял^[144] и был рыцарем тот, кто предводительствовал ими. Жаловались они на то, что нападали друг на друга управляющие конунга Хакона на севере в Марке^[145] и восточные кирьялы (*карелы. — А. К.*), те, что были обязаны данью конунгу Хольмгардов, так как они постоянно вели войну с грабежами и убийствами. Были там назначенные встречи, и было принято решение, как этому положить конец. Было им также поручено, чтобы они повидали госпожу Кристин, дочь конунга Хакона, так как конунг Хольмгардов так повелел им, чтобы они спросили конунга Хакона, не отдаст ли он ту госпожу сыну конунга Александра^[146]. Конунг Хакон принял такое решение, что послал он весной людей из Трандхейма, и отправились они на восток в Хольмгард вместе с послами конунга Александра. Возглавляли ту поездку Виглейк, сын священника, и Боргар. Отправились они в Бьёрпон и так по восточному пути^[147]. Прибыли они летом в Хольмгард, и принял их конунг хорошо, и установили они тогда мир между собой и своими данническими землями так, что не должны были воевать друг с другом ни кирьялы, ни финны (*саамы. — А. К.*); но продержалось это соглашение с тех пор

недолго. В то время было большое немирье в Хольмгарде. Пришли татары на государство конунга Хольмгардов^[148], и по этой причине больше не занимались тем сватовством, которое велел начать конунг Хольмгарда. И когда они выполнили свои поручения, отправились они назад с востока с достойными дарами, которые конунг Хольмгарда посылал конунгу Хакону. Прибыли они с востока зимой и встретились с конунгом в Вике.

(15. С. 203. Перевод Т. Н. Джаксон)

Сместная область, в которой могли действовать сборщики дани как из Норвегии, так и из Новгорода, занимала громадную территорию от северо-запада современной Норвегии до южного берега Кольского полуострова в Кандалакшском заливе Белого моря. До нашего времени дошёл норвежский текст первой половины — середины XIV века, который определял те границы, куда могли доходить сборщики дани из обеих стран, — так называемая «Разграничительная грамота»^[149]; эти границы далеко перекрывали друг друга, образуя обширную область совместного владения.

...Брать в тех границах не более пяти серых (*то есть беличьих*. — А. К.) шкурок с каждого лука, — указывалось в грамоте, — или по старине, если они хотят, чтоб по старине было.

(129. С. 32. Перевод И. П. Шаскольского)

Предотвратить в этих условиях столкновения между карелами и русскими, с одной стороны, и норвежскими чиновниками и саамами — с другой, на практике оказалось невозможным. С последней трети XIII века, то есть уже при преемниках Александра Невского, на этих землях начнётся настоящая война, которая будет завершена лишь норвежско-новгородским миром 1326 года.

ГОД 1252

Орда. Северо-Восточная Русь

События этого года — одного из «чёрных лет» в истории России — остаются так и не выясненными до конца. Историки, увы, вынуждены довольствоваться скудными и во многом противоречивыми показаниями различных русских летописей.

Из Лаврентьевской летописи

В лето 6760 (1252). Пошёл Александр Ярославич, князь Новгородский, в Татары; и отпустили его с честью великой, дав ему старейшинство во всей братии его. В том же году надумал князь Андрей Ярославич со своими боярами бежать, дабы не служить царям, и побежал в неведомую землю с княгинею своею и с боярами своими. И погнались татары за ним, и настигли его у города Переяславля. Бог же сохранил его и молитва отца его. Татары же рассыпались по земле, и княгиню Ярославову^[150] схватили, и детей поймали, и воеводу Жидослава здесь убили, и княгиню убили, и детей Ярославовых в полон отравили, и людей без числа повели, и коней, и скот, и, много зла сотворив, ушли. В том же году отпустили татары Олега, князя Рязанского, в его землю. В том же году пришёл Александр, князь великий, из Татар в город Владимир, и встретили его с крестами у Золотых ворот митрополит, и все игумены, и горожане, и посадили его на столе отца его Ярослава, когда тысячу и всё управление держал Роман Михайлович^[151]; и была радость великая в граде Владимире и во всей земле Суздальской. В том же году преставился христоробивый князь Святослав Всеволодович^[152].

(38. Стб. 473)

Из Софийской Первой летописи (по списку Царского)

Пошёл князь Александр Ярославич в Орду, к царю Сартаку. В том же году пришли Певрюй, и Котия, и Олабуга храбрый на землю Суздальскую со многими воинами, силою татарскою, на великого князя Андрея Ярославича. Ибо по преставлении великого князя Ярослава великое княжение Владимирское дали сыну [его] князю Андрею. Было же то в канун Борисова дня^[153]. Безбожные татары переправились под Владимиром через Клязьму и, таясь, пошли к городу Переяславлю. На утро же, на Борисов день, встретил их великий князь Андрей со своими полками. И сразились оба полка, и была сеча великая. Гневом

Божиим, за умножение грехов наших, побеждены были погаными; великий же князь Андрей едва убежал. И приехал в Великий Новгород, новгородцы же не приняли его; он же поехал ко Пскову и пробыл там немного, ибо поджидал свою княгиню. Когда приехала к нему княгиня его, поехал великий князь Андрей с княгинею в немецкий город Колывань. И оставил тут княгиню, а сам отправился за море, в Свейскую землю; мейстер же свейский встретил его и принял его с честью. Он же послал за княгинею в Колывань, и приехала к нему княгиня его. Пробыл же некоторое время в Свейской земле, потом пришёл в свою отчину. Безбожные же татары пленили город Переяславль и возвратились оттуда в землю свою...

(52. С. 87)

Из Никоновской летописи

...В том же году пришли из Орды царевич Неврюй^[154], и князь Катияк, и князь Алабуга храбрый ратью на великого князя Андрея Ярославича Суздальского... и на всю землю Суздальскую. Князь же великий Андрей Ярославич Суздальский смутился в себе, говоря: «Господи, что се есть! Доколе нам меж собою браниться и наводить друг на друга татар; лучше мне бежать в чужую землю, нежели дружитья и служить татарам». И, собрав воинство своё, пошёл против них, и, встретившись, начали биться, и была битва великая, и одолели татары, и побежал великий князь Андрей Суздальский с княгинею своею и с боярами своими...

(43. С. 138)

Можно догадываться, что поездка князя Александра Ярославича в Орду была связана с переменами на ханском престоле в Каракоруме, где летом 1251 года великим ханом был провозглашён Менгу (Мункэ), союзник Батгя. По свидетельству китайских источников, Менгу был твёрд и решителен, а в управлении вельможами весьма строг. Он пресёк злоупотребления прежних лет и покончил с неразберихой периода междуцарствия, провёл многочисленные казни и опалы. В частности,

особым указом были полностью отменены «все пайцзы^[155], печати, высочайшие указы, рескрипты и ярлыки, которые выдавались без меры двором каана и чжуванами»^[156] в предшествующие годы (16. С. 186–187).

Следовательно, теряли силу решения, принятые несколькими годами раньше недоброжелательницей Батыя, вдовой Гуюк-хана Огул-Каймиш (сама ханша была подвергнута унижительной и мучительной казни). А ведь именно в её правление брат Александра Андрей получил ярлык на великое княжение Владимирское, а сам Александр — на великое княжение Киевское. В отличие от брата Александр был крайне заинтересован в пересмотре этих решений и получении в свои руки великого княжения Владимирского, на которое он — как старший из Ярославичей — имел больше прав, нежели его младший брат Андрей. Андрей же, надо думать, считал иначе. По-видимому, именно этим не в последнюю очередь и объясняется его мятеж против ордынского «царя».

Не знаем мы и того, как вёл себя в ставке Сартака Александр. В. Н. Татищев в своей «Истории Российской» приводит рассказ, судя по которому именно жалобы Александра на брата привели к страшной «Неврюевой рати» и разорению СевероВосточной Руси:

Иде князь великий Александр Ярославич во Орду, к хану Сартаку, Батыеву сыну, и прият его хан с честью. И жаловася Александр на брата своего великого князя Андрея, яко сольстив хана, взя великое княжение под ним, яко старейшим, и грады отческие ему поймал, и выходы и тамги хану платит не сполна. Хан же разгневался на Андрея и повеле Неврюи салтану идти на Андрея и привести его перед себя...

(71. С. 40)

Однако едва ли Татищев извлёк этот текст из какого-то «раннего источника, не попавшего в летописи», как считают некоторые исследователи (126. С. 148; 93. С. 51–52). Скорее, перед нами естественное стремление историка XVIII века разобраться в сути описываемых летописью событий, восстановить их внутреннюю логику, опираясь на сходные факты из более поздней нашей истории, когда русские князья нередко приезжали с жалобами на своих братьев в Орду.

В том же 1252 году, одновременно с «Неврюевой ратью», на Русь из Орды было послано ещё одно войско — против князя Даниила Романовича Галицкого, тестя и союзника Андрея Ярославича. Во главе этого войска

был поставлен Куремса, самый младший (по свидетельству Плано Карпини) из военачальников Батыя. Однако наступление татар на югозападные русские земли на этот раз было отбито.

В то же лето (или прежде, или после) приехали татары к Бакоте... Потом Куремса пришёл к Кременцу и воевал в окрестностях Кременца... Но они ничего не достигли в окрестностях Кременца и возвратились в свои страны...

После войны Куремсы при Кременце Даниил начал войну против татар... Даниил воевал с Куремсой и никогда не боялся Куремсы, потому что Куремса никогда не мог причинить ему зла...

(39. Стб. 828–829, 838, 846)

Лишь спустя несколько лет, после того как место Куремсы займёт гораздо более опытный Бурундай, Даниил будет вынужден подчиниться. И тогда многие из его городов — тех самых, которые он отстраивал, украшал и заселял людьми, бежавшими от татар, будут разрушены по повелению татар самими русскими...

Но так или иначе, а в последнем в истории переломного XIII века открытом военном столкновении русских князей с татарами князь Александр оказался — может быть, и не по своей вине — в лагере татар. В отличие от своего брата Андрея (и в отличие от Даниила Галицкого) он, очевидно, не верил в возможность сопротивления ордынским ханам. А потому предпочёл покориться их власти, надеясь, что именно покорность, а вместе с нею мир и отсутствие разорительных войн — даже в условиях всё возрастающего экономического гнёта Орды — позволят его земле возродиться к будущей жизни. Впоследствии эта политика Александра в отношении Орды будет продолжена его потомками и преемниками на великокняжеском престоле — московскими князьями.

Так князь Александр Ярославич занял наконец отцовский престол и получил «старейшинство» среди русских князей, сделавшись великим князем Владимирским.

По пленении же Неврюевом великий князь Александр церкви воздвигнул и город людьми наполнил, людей же разбежавшихся собрал в дома их...

(52. С. 87)

Ещё несколько десятилетий спустя во Владимире будут помнить о заботе, которую проявлял великий князь Александр Ярославич в отношении владимирских и прочих храмов. Один из владимирских епископов, живших в самом конце XIII столетия (Иаков или Симеон), в своём послании не названному по имени сыну Александра Невского (Дмитрию или Андрею) будет ставить в пример их отца:

Вижь, сыну княже, како были великие князья, твои прадеды и деды, и отец твой великий князь Александр: украсили церковь Божию клирошанами, и книгами, и богатыми домами, и великими десятинами по всем градам, и судами церковными...

(26. С. 470–471)

Новгородский же книжник позднее изобразит приход князя Александра Ярославича на великое княжение во Владимир поистине в эпическом стиле:

...По Батые пришёл на великое княжение из Новгорода Великого в град Владимир сын Ярославов, внук Всеволодов, правнук Юрия Долгорукого Александр Великий, Храбрый, Невский, коий шестьюжды имел брань с немцами: и помог ему Бог, и короля убил^[157]. И потому князья русские с честью хранят имя великого князя Александра Ярославича, внука Всеволодова.

(24. С. 468–469)

ГОД 1253

Новгород. Псков

Став великим князем Владимирским, Александр остался жить в СевероВосточной Руси, а на новгородское княжение посадил своего старшего сына, одиннадцатилетнего Василия. В том же году юному Василию Александровичу впервые пришлось встать — конечно, только формально — во главе новгородского войска.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

В лето 6761 (1253). Воевала литва волость Новгородскую и захватила полон; и нагнали их новгородцы с князем Василием у Торопца, и так отмстили им за кровь христианскую, и победили их, и полон отняли, и пришли в Новгород здравы.

В том же году пришли немцы под Псков и пожгли посад, но самих их псковичи много били. И пошли новгородцы полком к ним из Новгорода, и те побежали прочь. И пришли новгородцы в Новгород, и, повернувшись, пошли за Нарову, и опустошили волость их; и корела также много зла сотворила волости их. В том же году пошли с псковичами воевать немцев, и они поставили против них полк, и победили их псковичи^[158] силою честного креста, ибо сами на себя начали окаянные клятвопреступники^[159]; и прислали во Псков и в Новгород, прося мира на всей воле новгородской и на псковской, и так заключили мир.

Того же лета, на зиму, выбежал князь Ярослав Ярославич из Низовской земли, и посадили его [на княжение] во Пскове.

(24. С. 80)

Последнее событие, датированное зимой 6761 года, произошло, по-видимому, уже в следующем, 1254 году. Лаврентьевская летопись иначе рассказывает о судьбе князя Ярослава Ярославича, брата Александра Невского и ещё одного участника несчастной для русских битвы у Переяславля во время «Неврюевой рати»:

На зиму, по Крещении (*после 6 января 1254 года. — А. К.*), Ярослав, князь Тверской, сын великого князя Ярослава, со своими боярами поехал в Ладогу, оставив свою отчину. Ладожане почтили его достойною честью...

(38. Стб. 473–474)

Наверное, именно из Ладоги, «на зиму», Ярослав и перебрался в Псков, где был принят псковичами на княжение. Александр не мог не воспринять это как открытый вызов своей власти.

Ещё одно событие этого года не нашло отражения в русских источниках, хотя имело весьма тяжёлые и долговременные последствия для Руси.

Из «Юань-ши»

Битекчи Берке внёс в реестр количество дворов и населения русских^[160].

(16. С. 190. Перевод Р. П. Храпачевского)

Упомянутый в китайском источнике Берке — под именем Беркай — известен и русской летописи. Именно он шесть лет спустя, в 1259 году, будет «брать число» (то есть проводить перепись всего податного, облагаемого налогом населения) в Новгороде. Пока же, вероятно, был составлен лишь предварительный реестр, то есть начата подготовка к будущему «исчислению» всей подвластной монголам Русской земли. Знаменательно, что это событие отделено всего несколькими месяцами от начала великого княжения Александра Ярославича.

ГОД 1254

Ростов. Дрогичин

Новгородская летопись, говоря о событиях этого года, ограничивается всего одной, но весьма красноречивой фразой:

Добро было христианам.

(24. С. 80)

Надо думать, что объяснялась эта невиданная прежде «доброта» отсутствием князя Александра в Новгороде в течение двух предшествующих лет и, может быть, мягкостью его юного сына, лишь недавно севшего на новгородский престол. Это — единственная подобная фраза в Новгородской летописи за все годы княжения Александра Ярославича.

Лаврентьевская же летопись под 1254 годом (как и под предыдущим 1253-м) сообщает главным образом о местных ростовских событиях:

В лето 6761 (1253), месяца мая во 2-й день, на память святого отца Афанасия, в граде Ростове священа была церковь во имя святых мучеников Бориса и Глеба священным епископом Кириллом при благоверном князе Борисе и Глебе [Васильковичах]. В том же году, И сентября, родился сын князю

Борису Васильковичу, и нарекли ему имя в святом крещении Дмитрий.

В лето 6762 (1254)... Того же лета, 30 июля, родился сын князю Борису, и нарекли имя ему Константин.

(38. Стб. 473–474)

В том же 1254 году важное событие произошло на юго-западе Русской земли. Галицкий князь Даниил Романович, вдохновлённый своими успехами в войнах с татарами Куремсы и только что совершивший успешный поход в Силезию, где он действовал совместно с поляками и литовцами (этот поход стал составной частью так называемой войны за Австрийское наследство), пошёл на союз с римским папой: он принял из рук легатов папы Иннокентия IV королевскую корону, а вместе с ней — и условия унии между православной и католической церквями, при которой православные сохраняли все свои обряды, но взамен признавали власть папы.

Из Галицко-Волынской летописи^[161]

Прислал папа почётных послов, принёсших венец, скипетр и корону, которыми выражается королевское достоинство, с речью: «Сын, прими от нас королевский венец». Он ещё до этого присылал к нему епископа беренского и каменецкого, говоря: «Прими венец королевский». Но в то время Даниил их не принял, сказав: «Татарское войско не перестаёт жить с нами во вражде, как же могу я принять от тебя венец, не имея от тебя помощи?» Опизо^[162] пришёл и принёс венец, обещая: «Будет тебе помощь от папы». Он, однако, не желал, и убедили его мать его, Болеслав, Семовит^[163], ляшские бояре, чтобы он принял венец, говоря ему: «А мы будем тебе в помощь против поганых».

Он же венец от Бога принял в церкви Святых Апостолов, от престола святого Петра, от отца своего папы Иннокентия и от всех епископов своих. Иннокентий предавал проклятью тех, кто хулил православную греческую веру, и хотел собрать собор об истинной вере, о воссоединении церквей. Даниил принял венец от Бога в городе Дорогичине.

(39. Стб. 826–827. Перевод О. П. Лихачёвой по: 29. С. 331)

Однако, как вскоре выяснилось, надежды Даниила на помощь папы в борьбе с татарами, ради чего он и пошёл на такой, неоднозначно воспринимаемый в русском обществе шаг, оказались тщетными. Союз Галицкой Руси с Западом не получился. Никаких практических результатов не дала и уния — первая попытка объединения Западной и Восточной церквей в истории России.

ГОД 1255

Владимир. Новгород

Год нового столкновения Александра с новгородцами.

Из Лаврентьевской летописи

После Великого дня^[164], на Святой неделе, преставился Константин, сын великого князя Ярослава, и был плач велик; [и], обрядив, понесли тело его во Владимир. И когда услышал князь Александр о смерти брата своего, встретил его [с] митрополитом, игуменами и священниками; [и], отпев положенные песнопения, положили его у Святой Богородицы во Владимире.

В том же году задумали новгородцы послать Далмата, епископа Новгородского, к великому князю Александру с грамотами, будто о мире; тот же промедлил. И восстановил дьявол, искони не желающий добра роду человеческому, вражду, и был мятеж в Новгороде: выгнали князя Василия. В том же году приехал князь Василий Новгородский в Торжок и дождался тут отца своего Александра...

Дальнейшие события суздальский летописец излагает очень кратко, рисуя радужную, но, увы, весьма далёкую от действительности картину быстрого усмирения Новгорода:

Великий же князь с Дмитрием Святославичем^[165] и с боярами пошёл к Новгороду. И когда услышали новгородцы, вышли с крестами и поклонились ему с честью многой, и была радость великая. И посадил сына своего в Новгороде, а сам поехал от них с честью великой, дав им мир.

(38. Стб. 474)

О том, что происходило в Новгороде на самом деле, мы узнаём из

подробного рассказа Новгородской Первой летописи. Оказывается, здесь не обошлось без брата Александра, беглого князя Ярослава Ярославича, попытавшегося захватить власть над Новгородом и встретившего решительную поддержку со стороны горожан.

В лето 6763 (1255). Вывели новгородцы из Пскова Ярослава Ярославича и посадили его на столе, а Василия выгнали вон. И, услышав об этом, Александр, отец Василия, пошёл ратью к Новгороду. И когда шёл Александр со многими полками и с новоторжцами, встретил его Ратишка с изменнической вестью^[166]: «Поспеши, княже, брат твой Ярослав бежал». И поставили новгородцы полк за [церковью] Рождества Христова, в конце, а кто пешие, те встали от Святого Ильи, против Городища. И сказали меньшие^[167] на вече у Святого Николы: «Братья, а что как скажет князь: «Выдайте мне моих врагов?»» И целовали меньшие Святую Богородицу, что стоять им всем: либо живот, либо смерть за правду новгородскую, за свою отчину. Лучшие же мужи собрали совет зол: как бы им меньших одолеть, а князя ввести на своей воле. И побегал Михалко из города к Святому Георгию (Юрьеву монастырю. — А. К.) для того, чтобы со своим полком напасть на нашу сторону и людей разогнать. Уведаль [о том] Онанья [и], желая ему добра, послал за ним втайне Якуна; чёрные же люди, узнав о том, погнались за ним (за Михалком. — А. К.) и хотели двор его [разграбить], но не дал им Онанья: «Братья, если того убьёте, то убейте меня прежде!» — ибо не ведал, что и о нём мысль злую надумали: самого его схватить, а посадничество дать Михалку. И прислал князь Бориса на вече: «Выдайте мне Онанью посадника; если же не выдадите, я вам не князь — иду на город ратью!» И послали новгородцы к князю владыку^[168] и Клима тысяцкого: «Поезжай, княже, на свой стол, а злодеев не слушай, а с Онаньи гнев сложи и со всех мужей новгородских». И не послушал князь мольбы владыки и Климовы. И сказали новгородцы: «Братья! Если князь наш так надумал с нашими крестопреступниками, то вот им Бог и Святая София, а князь без греха». И стоял весь полк три дня за свою правду, а на четвёртый день прислал князь, так говоря: «Если лишится Онанья посадничества, то я с вас гнев снимаю». И лишили Онанью посадничества, и взяли мир на всей воле

новгородской. И пошёл князь в город, и встретил его архиепископ Далмат со всем священническим чином, с крестами, у Прикуповича двора; и все радостью исполнились, а злодеи омрачились: потому что христианам радость, а дьяволу пагуба, что не было христианам великого кровопролития. И сел князь Александр на своём столе. В то же лето дали посадничество Михалку Степановичу.

(24. С. 80–81)

Причины новгородского мятежа, в общем-то, понятны. Это те самые причины, которые прежде отвращали новгородцев от отца Александра князя Ярослава Всеволодовича. Но, в отличие от Ярослава, Александр владел Новгородом, оставаясь великим князем Владимирским, то есть соединял в своих руках обе власти — и великокняжескую, и новгородскую. А это давало ему возможности значительно большие, нежели его предшественникам на новгородском престоле. Кроме того, не будем забывать, в какое время пришлось ему управлять Новгородом. Разорение СевероВосточной Руси Батыем, а затем ещё и «Неврюевой ратью» с неизбежностью заставляло Александра выкачивать из не разорённого татарами Новгорода дополнительные, не предусмотренные прежними договорами средства, ещё более ужесточать и без того крутую политику в отношении вольнолюбивого и, по меркам Руси, чересчур богатого города, а значит, рушить «старину» — главный принцип и основу основ средневекового русского права.

О том, что меры политического и экономического принуждения при князе Александре Ярославиче действительно были чрезвычайными, мы можем судить по договорам Великого Новгорода с последующими новгородскими князьями (договоры Новгорода с самим князем Александром не сохранились). В них нередко ссылки на насилия, творимые Александром, на захват им земель и покосов у новгородских бояр, на то, что князь и его приближённые-суздальцы — вопреки «грамотам Ярославим» и «старине» — приобретали новгородские волости и сёла.

Вот, например, что говорится об этом в датированной 1266 годом договорной грамоте Новгорода с братом Александра, великим князем Ярославом Ярославичем (он занимал новгородский престол после смерти Александра Невского, в 1264–1271 годах):

...На сем, княже, целуй крест ко всему Новугороду, на чём то

целовали деды, и отцы, и отец твой Ярослав (заметим, что ссылки на «брата твоего Александра» здесь нет. — А. К.). Новгород ти держати в старине, по пошлине... А пожни^[169], княже, что пошло тебе и твоим мужам, то твоё. А что было отъял брат твой Александр пожни, а то ти, княже, не надобе. А что, княже, брат твой Александр деял насилие на Новегороде, а того ся, княже, отступи...

(14. С. 10–11)

Но, увы... Повторяемые из грамоты в грамоту призывы новгородцев к своим князьям оставались неуслышанными. Князья СевероВосточной Руси видели в Новгороде по большей части источник доходов, столь необходимых в условиях жестокого ордынского ига, когда дани взимались в двойном, а то и тройном размере — и своим князьям, и ордынским «царям». А потому, как писал крупнейший отечественный исследователь средневековой Руси и биограф Александра Невского Владимир Терентьевич Пашуто, «князья в поисках земель и средств не отступали, а, напротив, всё деятельнее вторгались в порядки республики»...

В том же году в Орде умер разоритель Руси хан Батый. Впрочем, на русско-ордынские отношения это особо не повлияло, ибо русские князья давно уже привыкли иметь дело со старшим сыном и соправителем Батыея Сартаком, который к тому же явно благоволил христианам. Но в следующем, 1256 году скончался и он, по слухам отравленный своими родичами. На престол в Сарае взошёл малолетний сын Батыея Улавчи (Улавчий русских летописей).

ГОД 1256

Нарова. Финляндия

Поехали князья на Городец да в Новгород [Нижний]; князь же Борис [Василькович] поехал в Татары, а князь Александр послал дары. Борис же, побывав у Улавчия, дары дал и приехал в свою отчину с честью...

(38. Стб. 474)

Несколько по-другому рассказывается об этом у В. Н. Татищева:

Поехал князь Андрей^[170] на Городец и в Новгород Нижний княжить. Князь же Борис Василькович Ростовский пошёл в Татары со многими дарами. Также и князь Александр Ярославин послал послов своих в Татары со многими дарами просить за Андрея. Князь Борис Василькович Ростовский был у Улавчия, и дары отдал, и честь многую принял, и Андрею прощение испросил, и возвратился со многою честью в свою отчину.

(71. С. 42)

Главные же для князя Александра Ярославича события этого года вновь разворачивались в Новгороде. Под 1256 годом летописи рассказывают о новом наступлении шведов на новгородские земли.

Из Новгородской Первой летописи

Пришли свей, и емь, и сумь, и Дидман со своею волостью, и множество [рати], и начали устраивать город на Нарове. Князя же тогда не было в Новгороде, и послали новгородцы в Низ, к князю, за полками, а сами разослали по своей волости. Они же, окаянные, побежали за море...

Этот поход имел свою предысторию. Названный русскими источниками Дидман — могущественный немецкий феодал Дитрих (Тидерик) фон Кивель, владевший землями в датской Эстонии — области Вирумаа (Виронии) на границе с Новгородской землёй. В посланиях римского папы Александра IV (1254–1261) он упомянут как едва ли не главный инициатор нового крестового похода на земли води, ижорян и карел — подданных новгородского князя — с целью обращения этих язычников в христианство. Вероятно, под влиянием Дитриха фон Кивеля шведы вместе с отрядами подчинённых им финских племён и решились нанести удар не на главном — невском — направлении (где совсем недавно потерпели сокрушительное поражение от Александра), но в районе реки Наровы, где, кстати говоря, и располагались основные владения Дитриха. Опорным пунктом шведско-датского влияния в захваченных землях должен был стать новый город, поставленный на самой границе Новгородской земли, на реке Нарове^[171].

Однако планам шведов и «Дидмана» не суждено было сбыться. Узнав даже не о выступлении русской рати из Новгорода, но только лишь о подготовке к выступлению, захватчики «побегоша за море» — случай

нечастый в военной истории. Видно, имя Александра Невского и в самом деле прославилось далеко за пределами Руси, как об этом рассказывает княжеское Житие: «и по ту сторону моря Варяжского, и до великого Рима».

Однако Александр не собирался ограничиваться изгнанием шведов из Наровской крепости. Он предпринял большой поход вглубь самой Швеции — в недавно присоединённые к Швеции земли финского племени емь.

В то же лето, на зиму, приехал князь Александр, и митрополит с ним; и выступил князь в путь, и митрополит с ним, а новгородцы не ведали, куда князь идёт; иные говорили, будто на чудь идёт. Дошли до Копорья, и пошёл Александр на емь, а митрополит пошёл в Новгород, и иные многие новгородцы возвратились от Копорья. И пошёл князь со своими полками и с новгородцами, и зол был путь их, так что не видели ни дня, ни ночи; и многим шестникам была пагуба, а новгородцев Бог уберёг. И пришёл в землю Емскую: одних убил, а других [в плен] захватил; и вернулись новгородцы с князем Александром все здоровы.

Тогда же пошёл князь в Низ, взяв послов новгородских, Елевферия и Михаила Пинецинича, а сына своего Василия посадил на столе.

(24. С. 81)

По-другому (причём с явным литературным налётом) рассказывает об этом походе Александра автор Софийской Первой летописи:

...И пошёл великий князь со своею силою и с новгородцами на Свейскую землю и на чудь, и был зол путь их, так что не видели ни дня, ни ночи, и прошли горы непроходимые, и повоевали Поморье всё: одних убили, а других в полон взяли, и обратно возвратились в землю свою со множеством полона. Славна же была земля страхом его и грозой его...

(41. Стб. 333–334)

Сохранилась булла папы Александра IV, которая по косвенным признакам датируется 1256 или 1257 годом и, по-видимому, сообщает как раз о походе 1256 года в Тавастланд (Восточную Финляндию). Как

выясняется, особую жестокость в этом походе проявили союзники новгородцев — карелы. Папская булла свидетельствует также о том, что военные действия русских и карел вызвали восстание среди самой еми — тавастов, направленное против власти шведов и особенно против христианской веры, в которую лишь недавно, и то силой меча, они были обращены шведами.

...Из писем дражайшего во Христе сына нашего Вальдемара, прославленного короля Швеции^[172], стало известно неприятнейшее для нашего слуха и души сообщение о тягчайших и жестоких нападениях, которые очень часто переносят верноподданные этого королевства от врагов Христа, называемых обыкновенно карелами, и от язычников других близлежащих областей. Действительно, среди всех прочих опасностей, которые причинили названному государству коварства и жестокость этого племени, особенно в этом году, когда оно, неистово вторгнувшись в некоторые части данного государства, свирепо убило многих из его верноподданных, пролило множество крови, много усадеб и земель предало огню, подвергло также поруганию святыни и различные места, предназначенные для богослужения, многих возрождённых благодатью священного источника прискорбным образом привлекло на свою сторону, восстановило их, к несчастью, в языческих обычаях и тягчайшим и предосудительным образом подчинило себе...

(Цит. по: 131. С. 219–220. Перевод И. П. Шаскольского)

Северный поход Александра не принёс каких-либо практических результатов: земли еми так и не были возвращены под власть Новгорода. Однако, как отмечал крупнейший исследователь русско-скандинавских отношений Игорь Павлович Шаскольский, «русская государственность показала этим походом, что она не сломлена татаро-монгольским нашествием и по-прежнему готова решительно отстаивать свои государственные интересы на берегах Балтийского моря... После похода Александра Невского 1256 года более четверти века правящие круги феодальной Швеции опасались предпринимать новые агрессивные акции против русских владений» (131. С. 226).

ГОД 1257

Северо-Восточная Русь. Новгород

Поехали князья в Татары: Александр, Андрей, Борис, [и], почтив Улавчия, приехали в свою отчину. Той же зимой приехал Гпеб Василькович из Кановичской земли, от царя, и оженился в Орде...

(38. Стб. 474)

Год 1257-й стал во многом переломным в истории русско-ордынских отношений. В правление великого хана Менгу (1251–1259) произошло упорядочение сбора дани в масштабах всей Монгольской империи. Ещё в 1252 году была организована перепись населения в Китае, на следующий год — в Иране; тогда же, как мы помним, составлен и некий «реестр» для Руси и страны «асов» (осетин). Меры великого хана были поддержаны правителями отдельных улусов, в том числе и Батыем.

О том, каковы были последствия «исчисления народа», можно судить на примере других стран, подвластных монголам. Вот, например, что писал современник событий Киракос Гандзакец о переписи населения в Армении, Грузии и Кавказской Албании, имевшей место около 1254–1255 годов:

Мангу-хан и великий военачальник Бату отправили сановника Аргуна... и другого вельможу из Орды Бату ТУра-Ага со многими другими чиновниками — произвести перепись всем народам, им подчинённым.

Получив повеление, они отправились во все страны... и стали вписывать в реестры всех, начиная с десятилетних, исключая женщин. Требуя налогов сверх сил и доведя этим людей до нищества, они стали мучить и терзать их тисками; скрывавшихся ловили и умерщвляли. У тех, кто не мог заплатить, брали детей, так как их сопровождали мусульмане персияне. Но и князья, владельцы областей, содействовали им при мучениях и вымогательствах, причём и сами наживались.

(31. С. 78. Перевод К. П. Патканова)

Всё это ждало теперь и Русь. К 1257 году татарские чиновники,

имевшие полномочия от великого хана Менгу и правителя Орды Улагчи, явились в русские города. Русские князья, специально для этого вызванные в Сарай, по-видимому, обязались по мере своих сил помогать им в исполнении их обязанностей.

Из Лаврентьевской летописи

...Той же зимой приехали численники, исчислили всю землю Суздальскую, и Рязанскую, и Муромскую, и поставили десятников, и сотников, и тысячников, и темников^[173], и ушли в Орду; только не считали игуменов, чернецов, попов, клирошан — тех, кто смотрит на Святую Богородицу и на владыку.

(38. Стб. 474–475)

Се всё было на Русскую землю грех ради наших, — сетовал, описывая эти события, автор позднего Тверского летописца. — И не наведи, Господи, гнева противу делом нашим, но по милости Твоей спаси нас, человеколюбче, благий Господи!

(46. Стб. 401)

За всем, что происходило на Руси, внимательно следили не только в Сарае, но и в далёком Каракоруме.

Из «Юань-ши»

В девятой луне (8 октября — 7 ноября 1257 года. — А. К.) войска выступили в поход на юг. [Менгу] сделал Китая, сына зятя каана Лачина, даругачи^[174] по умиротворению и охране порядка у русских, в связи с чем пожаловал ему 300 коней и 5000 овец.

(16. С. 195. Перевод Р. П. Храпачевского)

Несколько по-другому обязанности «даруги» Китая обозначены в другом месте той же китайской хроники:

...Китай, сына зятя каана Лачина, сделали даругачи, чтобы привести в повиновение и править землями русских и алан^[175].

(16. С. 208)

Всеобщая перепись населения проводилась татарами для более точного исчисления дани, которую отныне должна была платить Русь. Принципы взимания дани были разработаны китайскими чиновниками, и самым выдающимся из них Елюй Чуцаем, ещё на рубеже 20—30-х годов XIII века для всех улусов огромной Монгольской империи.

Освобождение от «числа» духовенства — «церковных людей» — вполне соответствовало духу завещания Чингисхана — его знаменитой «Ясы»: монголы освобождали от даней служителей Бога во всех покорённых ими странах, независимо от вероисповедания, чтобы те могли свободно обращаться к различным богам со словами молитвы за своих завоевателей. («Яса, то есть постановление Чингисхана», писал армянский историк XIII века Вартан, предписывает «дома Божии и служителей их, кто бы они ни были, освобождать от налогов и держать в почёте» (30. С. 24).) Наряду со священнослужителями других стран предстоятели Русской церкви получили от ханов особый ярлык, подтверждающий их льготы. Древнейший из дошедших до нас ярлыков (он вместе с некоторыми другими ярлыками сохранился в переводе с монгольского на русский язык в рукописях XV—XVI веков) датирован августом 1267 года и был выдан ханом Менгу-Тимуром. Но в нём имеются ссылки на более ранние ярлыки, и можно думать, что практику выдачи таких ярлыков русскому духовенству начал ещё в конце 40-х годов XIII века, то есть при князе Александре Ярославиче, завоеватель и разоритель Руси хан Батый (см.: 120. С. 89–90). Имеется в ярлыке Менгу-Тимура и обязательная для монголов ссылка на «Ясу» Чингисхана:

А се... ярлык дал Менгу-Темир царь...

...Чингис царь [постановил], что если будет дань или корм, то пусть не трогают их (церковных людей. — А. К.), ж [с] искренним сердцем молятся Богу за нас и за племя наше и благословляют нас... И последующие цари, [следуя] тем же путём, пожаловали попов, чернецов: дань ли, или иное что ни будет — тамга, поплужное, ям, война^[176], кто чего ни просит...

И мы, Богу молясь, их грамоты не переиначили... Какая бы ни была дань, или поплужное, или подвода, или корм, кто ни будет, да не требует; ям, войну, тамги не дают; или если что церкви принадлежит — земля, вода, огород, мельницы, зимовища, летовища, — да не занимают [у] них. А если забрали [у них], то пусть назад отдадут. И церковных мастеров — сокольников, пардусников — кто бы ни был, — пусть не

забирают, не берут под стражу. Или что [принадлежит им] по закону их — книги или иное что — пусть не отбирают, не захватывают, не раздирают, не портят.

А кто будет веру их хулить, тот человек виновен будет и умрёт...

А попы от нас пожалованы по прежней грамоте, чтобы Бога молили и благословляли. А если кто будет [с] неискренним сердцем о нас молиться, тот грех на вас будет...

(61. С. 588–589)

Такая целенаправленная политика религиозной терпимости и поддержки господствующей Церкви (несмотря на то, что со времён хана Берке официальной религией в Орде стал ислам) приносила свои плоды. Помимо прочего, она, несомненно, способствовала стабилизации русского общества, даже в условиях ордынского ига.

Что же касается остального населения, то оно должно было платить тяжкие дани — «десятины», «тамги» и др. Единицей обложения — так же, как в Китае и других подвластных монголам странах, — становился двор. «По сути дела, перепись положила начало созданию разветвлённой административно-фискальной системы, конкретно олицетворявшей монгольское иго на Руси», — пишет современный историк (93. С. 53).

В самой же Руси перепись — или «число», как её называли русские, — вызвала просто-таки мистический ужас. «В русском народе... в течение веков жил мистический страх перед переписью, — писал биограф святого князя Александра Невского Н. А. Клепинин. — Здесь же перепись исходила от татар, от племени неведомого и злого, поклонявшегося идолам. В представлении народа происхождение татар терялось во мраке неведомых библейских народов. Это были неверные моавитяне^[177], загнанные судьёй Гедеоном в страны между востоком и севером, откуда они должны прийти перед концом света и Страшным судом. Перепись, производившаяся этим народом, — знак Антихристов — взволновала всю Русь» (96. С. 152).

Мы не знаем, как происходила перепись в городах СевероВосточной Руси. О драматических же событиях, разыгравшихся в Новгороде, рассказывает Новгородская Первая летопись. Появление здесь татарских численников означало, помимо прочего, угрозу окончательного завоевания татарами этого города, формально остававшегося независимым. Всё это вызвало настоящий мятеж, жестоко подавленный лишь при участии самого князя Александра Ярославича.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

В лето 6765 (1257). Пришла весть из Руси злая, что хотят татары тамги и десятины с Новгорода, и возмущались люди в течение всего лета. И к Госпожину дню^[178] умер Онания посадник, а на зиму убили новгородцы посадника Михалка. Если бы кто добро другому делал, то [и ему] добро бы было, [а] копая под другим яму, сам в неё свалится.

Той же зимой приехали послы татарские с Александром, а Василий бежал во Псков. И начали послы просить десятины, тамги, и не дались новгородцы на то; дали дары для царя и отпустили их с миром. Князь же Александр выгнал сына своего из Пскова и послал в Низ, а Александра^[179] и дружину его казнил: тому нос урезал, а иному очи вынул — тем, кто подбивал Василия на злое. Всяк ведь злый зло да погибнет.

Той же зимой убили Мишу. Той же зимой дали посадничество Михаилу Фёдоровичу, выведя [его] из Ладоги, а тысяцкое дали Жироху.

(24. С. 82)

В поздней Никоновской летописи о расправе Александра над новгородцами говорится подробнее:

...а князь Александр Ярославич выгнал сына своего из Пскова и послал его в Низ, а дружину его казнил: одним нос и уши отрезал, другим же очи вынул и руки отсёк — тем, кто ему советовал таковое сотворить...

(42. С. 142)

Однако эта жестокая расправа не успокоила город. Новгородцы сумели избавиться от «числа» — но, увы, ненадолго.

ГОД 1258

Северо-Восточная Русь

Из Новгородской Первой летописи

Пришли литва с полочанами к Смоленску и взяли Воищину на щит. Той же осенью приходила литва к Торжку; и выступили

новоторжцы, и, по грехам нашим, победили литовцы засаду: одних избили, а других в полон взяли, а иные едва убежали, и много зла было в Торжке. Той же зимой взяли татары всю землю Литовскую, а самих перебили.

(24. С. 82)

Из Лаврентьевской летописи

Преставился князь Олег Рязанский на Страстной неделе в среду, в чернецах и в схиме, и положен был у Святого Спаса месяца марта^[180] в 20-й [день], на память святой мученицы Фотинии Самарянины.

Того же лета пошли князья в Татары: Александр, Андрей, Борис, Ярослав Тверской; почтили Улавчия^[181] и всех воевод и были отпущены в свою отчину.

Той же осенью приехали Борис и Глеб с княгиней в Ростов и кланялись Святой Богородице и епископу Кириллу и матери своей, великой княгине, и была в Ростове радость великая о приезде Глебовом.

Той же зимой приехали численники во Владимир, и пошли численники и князья к Новгороду: Александр, Андрей, Борис...

(38. Стб. 475)

Последнее событие относится к зиме уже следующего (1259/60) года. О том, что на самом деле происходило тогда в Новгороде, подробно и красочно рассказывает автор Новгородской Первой летописи. Как оказалось, для того, чтобы сломить сопротивление новгородцев и подчинить их татарам, потребовались силы не одного князя Александра Ярославича, но целой коалиции князей СевероВосточной Руси — его родного брата Андрея Суздальского и двоюродного племянника Бориса Васильковича Ростовского.

ГОД 1259
Новгород

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

В лето 6767 (1259). Было знамение в луне, так что и следа от него не осталось^[182]. Той же зимой приехал Михайло Пинецинич из Низу со лживым посольством, так говоря: «Если не согласитесь на число, то уже полки на Низовской земле»; и дались новгородцы на число.

Той же зимой приехали окаянные татары сыроядцы Беркай^[183] и Касачик^[184] с жёнами своими и иных много. И был в Новгороде великий мятеж, и по волости много зла учинили, когда собирали туску^[185] окаянным татарам. И начали окаянные бояться смерти, говоря Александру: «Дай нам сторожей, не то убьют нас». И повелел князь стеречь их сыну посадничьему и всем детям боярским по ночам. И сказали татары: «Дайте нам число или бежим прочь». И чернь не хотела дать число, но сказали: «Умрём честно за Святую Софию и за дома ангельские». Тогда разделились люди надвое: которые добрые — те за Святую Софию и за правую веру; и учинили спор: лучшие велят меньшим даваться на число. И хотели окаянные [татары] побежать, гонимые Святым Духом. И замыслили совет злой, как ударить на город: [одни] на ту сторону, а другие, озером, на эту сторону; и помешала им видимо сила Христова, и не посмели. И, убоявшись, начали [новгородцы] переправляться на одну сторону, к Святой Софии, говоря: «Положим головы свои у Святой Софии». И на следующее утро съехал князь с Городища, и окаянные татары с ним. И с совета злых дались на число: ибо делали бояре себе легко, а меньшим — зло. И начали ездить окаянные по улицам, переписывая дома христианские — ибо навёл Бог за грехи наши из пустыни зверей диких поедать плоть сильных и пить кровь боярскую. И отъехали окаянные, взяв число, а князь Александр поехал после, посадив сына своего Дмитрия на столе.

Того же лета, на канун Борисова дня^[186], был мороз велик по волости. Но Господь, не желая места сего Святой Софии оставить пустым, отвратил ярость Свою от нас и призрел оком милосердия Своего, уча нас покаянию; но мы, грешные, словно псы, обращаемся на свои блевотины, не разумея казни Божией, которая приходит на нас за грехи наши.

(24. С. 82–83)

По мнению исследователей, именно ко времени пребывания князя Александра в Новгороде после подавления восстания 1259 года относится договор, заключённый Новгородом с «Готским берегом» (Готландом), Любеком и немецкими городами и подписанный самим Александром и его сыном Дмитрием, провозглашённым в 1259 году новгородским князем. Сохранилась копия этого договора, выполненная в Новгороде на пергамене несколькими годами позже, по-видимому, в 1270 году, при новгородском князе Ярославе Ярославиче^[187]. Приведём её текст полностью:

Се аз, князь Александр, и сын мой Дмитрий с посадником Михаилом, и с тысяцким Жирославом, и со всеми новгородцами заключили мир с послом немецким Шивордом, и с любецким послом Тйдриком, и с готским (*готландским. — А. К.*) послом Ольстеном, и со всем латинским языком. Что учинились тяжи^[188] между новгородцами и между немцами и готами (*готландцами. — А. К.*) и со всем латинским языком, то всё отлагаем, а мир заключаем на сей правде. Новгородцам гостить (*торговать. — А. К.*) на Готском берегу без пакости (*то есть беспрепятственно. — А. К.*), а немцам и готам гостить в Новгороде без пакости и всему латинскому языку, по старому миру. Пуд отложили, а скалвы поставили по своей воле и по любви^[189]. А в Ратшину тяжу платили мы 20 гривен серебра за две головы, а третью выдали^[190]. А немцам, и готам, и всему латинскому языку платить по две куны от капи^[191] и от всякого весною товара, который кладут на скалвы — и продавая, и покупая. А старый мир — до Котлина^[192].

А новгородцам в становища на Готском берегу [становиться] без пакости, по старому миру. А зимний гость, если не имеет нашего посла, ни новгородских купцов из Новгорода или с Готского берега, а что учинится от Котлина до Новгорода или от Новгорода до Котлина немецкому гостю, если без посла пойдут, то Новгороду до того дела нет (*в оригинале: то Новгороду тяжа не надобе. — А. К.*), по старому миру. Если кто гостит (*едет по торговым делам. — А. К.*) в Корелу, или немцы, или готландцы, а что учинится, до того Новгороду дела нет. А которые три двора выпросили ваши братья послы, а от тех мы отступили по своей воле.

А се старая наша правда и грамота, на чём целовали отцы

ваши и наши крест. А где тяжа родится, там её кончать. А иной грамоты у нас нету, ни потаили мы, ни ведаем. На том крест целуем.

(14. С. 56–57)

Этот торговый мир сыграл важную роль в дальнейшей истории русско-немецких отношений и оказался весьма долговечным. Ещё и в 1420 году новгородцы заключали с «местером» (магистром) Ордена «мир по старине, как был при великом князе Александре Ярославиче» (24. С. 413).

...В те же годы, когда князь Александр Ярославич кровью и железом умирал новгородцев, подчиняя их власти ордынских ханов, драматические события происходили и на юго-западе ещё недавно единой Русской земли. Как мы помним, в течение долгого времени князь Даниил Галицкий успешно сопротивлялся власти Орды, нанося поражения татарскому военачальнику Куремсе. Но всё изменилось в 1258–1259 годах, когда в земли Галицкой Руси вторглось войско одного из сильнейших татарских полководцев, победителя князя Юрия Всеволодовича, Бурундая (Буранды) «со множеством полков татарских». Свой первый удар Бурундай направил против Литвы — на то время союзника Даниила Галицкого. От Даниила и Василька Романовичей татарский военачальник потребовал участия в этом походе, причём обратился к ним не просто как к своим союзникам («мирникам»), но по существу как к бесправным холопам.

Из Галицко-Волынской летописи

...Спустя некоторое время^[193] пришёл Бурундай безбожный, злой, со множеством полков татарских, хорошо вооружённых, и остановился на тех местах, где стоял Куремса. Даниил воевал с Куремсой и никогда не боялся Куремсы... пока не пришёл Бурундай с большим войском. Послал он послов к Даниилу, говоря: «Я иду против литвы. Если ты мой союзник, пойдя со мной».

Даниил с братом и с сыном стали думать в большой печали: знали они, что, если Даниил поедет, не будет добра. Посоветовались они, и поехал Василько вместо брата. Проводил его брат до Берестья и послал с ним своих людей... Когда Василько ехал один за Бурундаем по Литовской земле, он в одном месте встретил литовцев, избил их и привёл... к Бурундаю.

Похвалил Бурундай Василька, «хотя брат твой и не поехал». Василько ездил и воевал вместе с Бурундаем...

После этого миновал год ^[194].

...Была тишина во всей земле. В те дни была свадьба у Василька-князя в городе Владимире (Волынском. — А. К.): отдавал он дочь свою Ольгу за князя Андрея Всеволодовича в Чернигов. Там был и брат Василька, князь Даниил, с обоими сыновьями своими, Львом и Шварном, и иных князей много и бояр много. И было немалое веселье в городе Владимире.

И пришла весть тогда князю Даниилу и Васильку, что идёт проклятый окаянный Бурундай, и были очень опечалены этим братья. Бурундай прислал к ним сказать так: «Если вы мои союзники, встретьте меня. А кто меня не встретит, тот мой враг». Князь Василько поехал навстречу Бурундаю со своим племянником Львом, а князь Даниил не поехал с братом, а послал вместо себя своего холмского епископа Иоанна.

И поехал князь Василько со Львом и с епископом навстречу Бурундаю, взяв дары многие и угощения, и встретил его у Шумска. И пришёл Василько со Львом и с епископом к нему с дарами. Бурундай сильно гневался на князя Василька и Льва. Владыка был в великом страхе.

А потом сказал Бурундай Васильку: «Если вы мои союзники, разрушьте все укрепления городов своих». Лев разрушил Данилов и Стожек, а оттуда послал и Львов разрушить, а Василько послал разрушить Кременец и Луцк.

Князь Василько из Шумска послал епископа Иоанна вперёд к брату своему Даниилу. Когда епископ приехал к Даниилу, то поведал ему о случившемся и рассказал про гнев Бурундая. Даниил испугался, и бежал в Ляшскую землю, и из Ляшской земли побежал в Угорскую.

И так пошёл Бурундай к Владимиру, и князь Василько с ним. Не дойдя до города, остановился он на ночь на Житани. Бурундай стал говорить о Владимире: «Василько, разрушь укрепления». Князь Васильки стал думать про себя о городских укреплениях, ведь нельзя было разрушить их быстро из-за их величины. И он велел поджечь их, и за ночь они сгорели. На другой день приехал Бурундай во Владимир и увидел своими глазами, что укрепления все сгорели, и стал обедать у Василька на дворе и пить. Пообедал, выпил и лёг почивать у Пятидна. Наутро прислал татарина по

имени Баимура. Баимур приехал к князю и сказал: «Василько, прислал меня Бурундай и велел вал сровнять с землёй». И сказал Василько: «Делай, что тебе велели». И стал тот ровнять вал с землёй в знак победы...

(39. Стб. 846–850. Перевод О. П. Лихачёвой по: 28. С. 347–351)

А далее русско-татарское войско Бурундая, в которое вошли и галицкие полки Василька Романовича, двинулось в Польшу — ещё одну недавнюю союзницу галицких князей — и подвергло опустошению Сандомирскую, Краковскую, Шлезскую области. Так потерпела крах политика галицких князей — политика союза с западными странами и вооружённого сопротивления Орде. Разорённые руками самих же русских ещё недавно процветавшие города Галицкой земли красноречиво свидетельствовали об этом...

ГОД 1260

Ростов

В этом году князь Александр Ярославич возвратился из Новгорода в Северо-Восточную Русь. Русские летописи по-разному описывают это его возвращение, причём в некоторых из них речь идёт даже о его бегстве из города (что по сути, конечно, совершенно неверно).

Из Лаврентьевской летописи

...Александра же задержали новгородцы и чтили его много. Александр же дал им ряд и поехал с честью в свою отчину.

...Приехал из Новгорода Александр к Святой Богородице в Ростов в среду Страстной недели^[195], и кланялся Святой Богородице, и целовал крест честной, и кланялся епископу Кириллу: «Отче святыи, твоею молитвою и приехав в Новгород был здоров, и сюда приехал здоров твоею молитвою». Блаженный же епископ Кирилл, Борис и Глеб и мать их княгиня Мария почтили Александра с великой любовью, и поехал [он] во Владимир.

(38. Стб. 475)

Из Московско-Академической летописи

...Князь Александр бежал из Новгорода; приехал в Ростов в средокрестье, крест честной целовал в Святой Богородице и гробу Леонтьеву^[196] челом ударил.

Блаженный же епископ Кирилл и княгиня Василькова Марья с сыновьями своими Борисом и Глебом почтили его; он же с великой любовью принял [почести], воздал им честь и дары многие и поехал ко Владимиру.

(38. Стб. 524)

Город Ростов, куда прибыл из Новгорода князь Александр, пожалуй, можно назвать самым процветающим и благополучным в то время городом СевероВосточной Руси. В отличие от стольного Владимира и многих других городов Ростов не был разорён татарами; более того, ростовские князья первыми среди прочих русских князей сумели найти общий язык с правителями Орды, которые, в свою очередь, выделяли их; и князь Борис, и князь Глеб Васильковичи, и их преемники на ростовском княжении были частыми гостями в Орде, а Глеб (опять-таки первым из русских князей) даже привёз себе из Орды жену. Эта политика ростовских князей по-разному оценивается современными историками и средневековыми летописцами: первые обычно осуждают ростовских князей как «угодников» и «служебников» ордынских ханов; вторые же, напротив, ставят им в заслугу то, что, «служба» поганым татарам, им удавалось «многие христианы, обидимья от них», избавлять и утешать.

Частым гостем в Орде был и ростовский епископ Кирилл, о чём рассказывается в Житии Петра, «царевича Ордынского», — некоего родича ордынского хана Берке, принявшего крещение в конце 50-х годов XIII века и поселившегося в Ростове:

Святейший епископ Ростовский Кирилл ходил в Орду на поклон к хану Берке, радея о храме Святой Богородицы. И хан услышал от него о святом Леонтии... и о том, как после преставления Леонтия и до сих пор свершаются чудеса от раки с мощами его. И о многом другом беседовал епископ от евангельских наставлений. И, услышав это от епископа, хан Берке полюбил его, и оказал ему почёт, и пожаловал ему всё, чего тот просил, и отпустил его...

(29. С. 21. Перевод Л. А. Дмитриева)

Выходец из Орды Пётр обосновался в Ростове. От ростовского князя Бориса он получил грамоты на владение «многими землями». И, как следует из Жития «царевича Петра», помимо него в Ростове жили в то время и другие «ордынские вельможи».

Но столь тесная близость ростовских князей к правителям Орды имела и оборотную сторону. Татары всё чаще чувствовали себя хозяевами в городе, чиня многие насилия местному населению. Начиная с рубежа XIII–XIV веков Ростов подвергается разграблению и разорению от татар даже чаще прочих русских городов.

О других событиях года 1260-го летописи ничего не сообщают. Автор же Новгородской Первой летописи — вероятно, по контрасту с предшествующим бурным годом — вообще ограничился одной краткой фразой:

В лето 6768 была тишина всё лето.

(24. С. 83)

Отметим ещё одно важное событие, которое произошло летом того же 1260 года к западу от границ Руси. Многочисленное объединённое войско, в которое вошли ливонские и тевтонские рыцари во главе с магистром Бурхардом фон Горнгузеном и орденским маршалом Генрихом Ботелем, датский отряд из Ревеля под предводительством герцога Карла, отряды местных комтуров и вспомогательные отряды из местного населения — ливов, эстов и куршей, вторглось в Литву, но 13 июля было наголову разгромлено литовцами в битве у озера Дурбе. Погибли все начальники рыцарского войска, 150 рыцарей и множество простых воинов. «С трудом сдерживая слёзы», римский папа Александр IV едва мог поверить, «что такое большое число рыцарей Ордена нашло смерть от рук неверных». Так говорилось в его булле, датированной 9 сентября того же года (116. С. 408).

ГОД 1261

Новгород. Ростов. Владимир

Год рождения младшего сына Александра Невского Даниила, будущего родоначальника династии московских великих князей.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

Оббил владыка новгородский Далмат Святую Софию всю свинцом^[197]. Того же лета, месяца ноября в 8 [день], на Собор святого Михаила, сгорела церковь Святого Василия, а дворов добрых 30; а на следующее утро на Славковой улице сгорела церковь Святого Дмитрия, а дворов добрых 50.

(24. С. 83)

Из Лаврентьевской летописи

Родился у Александра сын, и нарекли имя ему Даниил.

Блаженный епископ Ростовский Кирилл исполнил дни свои в старости глубокой и в честной добродетельной седине; благоверный же князь Александр, сын Ярославль, [князья] Борис и Глеб Васильковичи волею Божией и поспешением Святой Богородицы, благословением митрополита Кирилла и епископа Кирилла вывели архимандрита [монастыря] Святого Богоявления Игнатия и сделали его причетником церкви Святой Богородицы в Ростове^[198].

В то же лето преставился князь Андрей Владимирович в Углече поле, и положили его в [церкви] Святого Спаса.

В то же лето поставил митрополит епископа Митрофана в Сарай.

(38. Стб. 475–476)

Основание Сарайской епархии стало важным событием как в истории Русской церкви, так и в истории русско-ордынских отношений. В то время в Орде жило немало русских — во-первых, ремесленников и рабов, вывезенных татарами из разорённой Руси, а во-вторых, тех лиц, которые обслуживали русских князей, задерживавшихся порой в Орде на несколько лет; кроме них, здесь проживали и многие другие христиане: венгры, греки, армяне, несториане. Но помимо прочего, Сарайская епископия должна была играть и важную дипломатическую роль, усиливая влияние русских князей при дворе правителей Орды. Стоит отметить, что ещё в 1253 году французский король Людовик IX Святой через своего посланца Гильома Рубрука предлагал союз хану Сартаку и великому хану Менгу против арабов, теснивших крестоносцев в Передней Азии, а также против православной Никейской империи, правители которой всё настойчивее пытались вернуть себе Константинополь, захваченный латинянами. Рубрук

также усиленно хлопотал об основании в Сарае или Каракоруме представительства папы, то есть, по сути дела, католического епископства. Действительно, Менгу начал военные действия против арабов, направив в Переднюю Азию войска своего брата Хулагу (1258 год). Однако в 1260 году наступление Хулагу было остановлено сирийско-египетскими войсками султана Бейбарса. В том же 1261 году произошло важнейшее событие и в истории Византии: никейский император Михаил Палеолог овладел наконец Константинополем; Латинская империя прекратила своё существование, а Византийская была восстановлена почти в прежнем значении. Всё это означало изменение расклада сил в отношениях между Западом и Востоком. И правители Орды сделали свой выбор, согласившись на создание в столице своего государства епископства — только не католического, а православного. Именно православному сарайскому епископу, постоянно пребывавшему при ставке ордынских ханов и непосредственно общавшемуся с ними, предстояло стать посредником между Ордой, Русью и Константинополем.

ГОД 1262

Северо-Восточная Русь. Юрьев

Этим годом датируется волна народных восстаний, прокатившаяся по городам СевероВосточной Руси. Во многом эти восстания стали следствием татарского «числа», взятого с русских земель несколькими годами раньше. Точное исчисление даней с каждого русского города (а именно для этого и проводилась перепись) дало возможность богатым откупщикам — главным образом мусульманам из Средней Азии («бесерменам», как называли их на Руси) — брать их на откуп: они вносили требуемую сумму в казну, а сами собирали с населения неизмеримо большую; произвол, насилия, массовый увод населения в рабство — вот чем это оборачивалось на деле. А потому выступления горожан были направлены не столько против самих татар, сколько против откупщиков-бесермен.

Из Лаврентьевской летописи

Избавил Бог от лютого томленья басурманского людей Ростовской земли: вложил ярость в сердца христианам; не стерпев насилия поганых, собрали вече и выгнали из городов: из Ростова, из Владимира, из Суздаля, из Ярославля^[199]. Ибо откупали те окаянные басурмане дани и от того великую пагубу людям творили, порабоцая за резы^[200] и многие души

христианские в разные [земли] уводя. Видя же [то], человеколюбец Бог послушал молитвы Матери Своей, избавил людей Своих от великой беды.

В том же году убили Изосиму преступника: был тот лишь видом монах, сатанинский сосуд, ибо был пьяница, и срамословец, пустослов, кощунник, и, наконец, отверг Христа и стал басурманином, предавшись прелести лживого пророка Магомета. Ибо приехал тогда Тйтям от царя татарского Кутлубия^[201], злой басурманин, и с его помощью окаянный отступник чинил христианам великую досаду, предавая поруганию крест и святые церкви. Когда же поднялись люди на врагов своих на басурман, изгоняя их, [а] иных избивая, тогда и сего беззаконного Зосиму убили в городе Ярославле, а тело его было [брошено] на съедение псам и воронам...

(38. Стб. 476)

В Софийской Первой и некоторых других летописях далее имеется продолжение:

...а ноги его, что на злое скоры были, те проволокли псы по городу, всем людям на удивление. От Божия суда такой конец преступнику был: лишился нечестивый тела своего, а о душе нечестивого говорят: «Червь их не умрёт, огонь их не угаснет»...

(41. Стб. 337)

Более поздние источники (не ранее XVI века) излагают другую версию событий, согласно которой главную роль в восстаниях — вопреки показаниям Лаврентьевской летописи — играли не городские веча, но князья, в том числе и сам Александр Невский.

Из Никоновской летописи

...Того же лета совет был против татар по всем городам русским: тех же властелей посадил по всем градам русским царь Батый, а по убиении Батя — сын его Сартак, а после него — иные. Князья же русские договорились между собой и изгнали татар из градов своих; было же от них насилие, ибо откупали богатые у татар дани и сами обогащались, а многие люди убогие

за проценты в рабство шли. И так изгнали князья русские татар, а иных убили, а иные крестились от них во имя Отца и Сына и Святого Духа. Тогда же убили в Ярославле и Изосиму отступника...

(43. С. 143)

Из Степенной книги царского родословия

...Тогда же благоволением Божиим и молитвами Пречистой Его Матери и всех святых безбожные татары и бесермены, их же царь Батый и сын его Сартак и иные цари посадили властителями по всем градам русским, все те богомерзкие злодеи изгнаны были от многих градов: из Ростова, и из Владимира, и из Суздаля, и из Ярославля, и из Переяславля. Иные же и убиты были, потому что от них великая пагуба христианам делалась: откупали у татар дани, и от того многие души христианские за проценты во многие страны в рабство уведены были. И того ради тогда великий князь Александр и прочие князья русские изгнали бесермен татар, а иных перебили; а иные из них крестились во имя Отца и Сына и Святого Духа. И так освободил Препоблагой Бог людей Своих от такой великой беды и от лютого томления милосердием Своим^[202]...

(48. С. 291)

В Устюжской летописи сохранился ещё один рассказ о событиях 1262 года — на этот раз, происходивших на северной окраине Руси, в Великом Устюге. Рассказ этот, несомненно, легендарен. Но для историков он представляет особый интерес — прежде всего потому, что только здесь упоминается о некоей грамоте князя Александра Ярославича, которую он якобы рассылал по разным городам, «чтоб татар побивать».

В лето 6770 (1262). Было побиение басурман по всем градам русским, и побии татар, не терпя насилия от них, потому что умножились татары и по всем градам русским ясачники^[203] жили, безвыездно. Тогда же Зосиму убили, злого преступника, в Ярославле. На Устюге был язычник — Багуй-богатырь. И взял он у некоего христианина дочь девицу насилеи на постель себе. И пришла на Устюг грамота от великого князя Александра

Ярославича, чтоб татар побивать. И девка сказала [о том] Багую. Он пришёл на вече и бил челом христианам на их воле, что крестится, а с девицею венчается. И наречено было имя ему — Иван. Се было чудо дивное. Сей Багуй-Иван сел на коня и поехал с соколом [охотиться] на утиц. И был наутро день красен. И захотел спать, и взошёл на гору, и слез с коня, и привязал его к дереву, а сокола посадил на луку седла, а сам лёг на землю и уснул. И явился ему во сне Иоанн Предтеча, говоря: «На сем месте поставь церковь во имя моё». И восстал от сна своего, и повелел на том месте поставить церковь во имя Рождества Иоанна Предтечи, что зовётся на Соколей горе.

(51. С. 30)

В других, древнейших, летописях ничего подобного нет. Скорее всего, грамота Александра так же легендарна, как и история создания устюжской Предтеченской церкви «на Соколей горе». Но, с другой стороны, нельзя не заметить явную согласованность выступлений, вспыхнувших одновременно в различных городах Руси; можно думать, что инициатива выступления исходила из какого-то единого центра.

Историки обращают внимание и на другие обстоятельства, которые необходимо принять во внимание.

Судя по известию древнейшей Лаврентьевской летописи, откупщики-бесермены явились на Русь не от правителя Орды хана Берке, но от «царя Кутлубия», под которым вероятнее всего следует понимать монгольского императора Хубилая, занявшего великокняжеский престол в 1259 году. (Как отмечал А. Н. Насонов, в первые десятилетия владычества татар русские именовали «царями» только великих ханов; первым правителем Орды — «Улуса Джучи» — который в древнейших русских летописях назван «царём», является хан Берке — причём в известии о его смерти под 1265 годом (775. С. 30).) Но как раз со времени правления Хубилая, то есть с начала 60-х годов XIII века, начинается распад единой прежде Монгольской империи^[204]. Хубилай перенёс свою столицу ещё дальше на восток, в Пекин (Ханбалык). Орда на Волге («Улус Джучи») стала самостоятельным государством. И можно думать, что изгнание откупщиков из Руси (по крайней мере отчасти) стало возможным именно в связи с изменениями во взаимоотношениях между центральной и местной властями Монгольской империи — своего рода «переподчинением» русских земель. Во всяком случае, это восстание не вызвало репрессий со стороны Орды, чего

следовало ожидать, если бы «бесермены» представляли ближайших к Руси ордынских правителей.

Тем временем события на Руси продолжались своим чередом, и летописец придаёт им не меньшее значение, нежели вечевым выступлениям в городах.

Из Лаврентьевской летописи

...Того же лета преставился блаженный учительный епископ Кирилл Ростовский, месяца мая в 21-й [день], на память Константина и Елены, на Собор 318-ти святых отец. Это был истинный пастырь, который пас стадо людей земли Ростовской с кротостью. И положили тело его в церкви Святой Богородицы в Ростове, а на его место поставлен был Игнатий, месяца сентября в 19 [день].

(38. Стб. 476–477)

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

Срубили новгородцы град новый, а с Литвою мир взяли. В том же году сгорела от грома церковь Святых мучеников Бориса и Глеба: была же велика и красива...

(24. С. 83)

Мирный договор с Литвой означал серьёзный поворот в западной политике князя Александра Ярославича. Инициатором переговоров выступил правитель Литвы Миндовг, направивший своих послов «к королю в Русскую землю». Разрыв с Орденом, отказ от католичества и королевской короны, предоставленной ему папой, вынудили Миндовга искать нового союзника. И Александр принял условия этого союза. По свидетельству «Ливонской рифмованной хроники», «русские были рады» перемене в настроениях Миндовга и в ответ отправили к нему собственных послов. Было решено провести совместными силами поход на Орден; по всей вероятности, согласованы были и сроки. В том же году Миндовг вместе со своим родичем Транятой (Тренятой), князем Жемойтским, выступил на Венден (Цесис), резиденцию главы Ливонского ордена. Однако согласованного и одновременного выступления союзников не получилось: когда литовцы подошли к Вендену, о русских не было и слуху. Раздосадованный и крайне недовольный Миндовг вынужден был

повернуть обратно.

Почему Александр нарушил договорённость со своим новым союзником, сказать трудно. Возможно, как считают историки, причиной тому стали антиордынские восстания в городах СевероВосточной Руси, вынудившие князя обратиться в первую очередь к восточным делам. Так или иначе, но русское войско двинулось на Юрьев (Дерпт) только осенью, уже после того как литовцы отступили от Вендена.

Поход русских дружин на Юрьев стал крупнейшим военно-политическим событием 1262 года. Во главе русской рати князь Александр поставил — конечно, лишь номинально — своего юного сына, новгородского князя Дмитрия. Приняли участие в походе и дружина бывшего мятежного брата Александра Ярослава, а также псковичи и литовцы во главе с полоцким князем Товтивилом, ещё одним союзником Александра. Объединённой рати удалось захватить почти весь город — столицу Дерптского епископства; устояла лишь цитадель — внутренний замок.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

Того же лета, осенью, пошли новгородцы с князем Дмитрием Александровичем великим полком под Юрьев; были тогда и князь Константин, зять Александров^[205], и Ярослав, брат Александров, со своими мужами, и полоцкий князь Товтивил, с ним полочан И ЛИТВЫ 500 [человек], а новгородского полка без числа, только Бог весть. И был град Юрьев твёрд, в три стены, и множество людей в нём всяких, и пристроили себе на граде броню крепкую. Но сила честного креста и Святой Софии всегда ниспровергает неправду имеющих: так же и сей град — ни во что же та твёрдость была, но помощью Божией в один приступ взят был. Люди многие града того одни убиты, а другие живыми взяты, а иные огнём пожжены, и жёны их, и дети; и взяли товара без числа и полона. А мужа доброго застрелили с города, и Петра убили Мясниковича. И пришёл князь Дмитрий в город со всеми новгородцами со многим товаром.

Того же лета поставил чернец Василий церковь Святого Василия, а Бог его весть, своим ли [стяжанием], или Бориса Гавшинича — но подай им, Господи и Василий святой, отдание грехов...

В других летописях о походе на Юрьев рассказывается несколько по-иному, причём на первое место среди участников похода — в соответствии с действительным положением дел — поставлен не малолетний Дмитрий, а тверской князь Ярослав Ярославич, брат Александра Невского.

Из Новгородской Четвёртой летописи

Юрьев Немецкий взяли.

Той осенью пошли князь Ярослав Ярославич и Дмитрий Александрович с шурином своим Константином, Товтивил Полоцкий и новгородцы под Юрьев, а град в три стены, и одним приступом взяли, а немцев избили...

(40. С. 233–234)

Из Софийской Первой летописи

...Князь же великий Александр... послал брата своего младшего князя Ярослава и сына своего Дмитрия с новгородцами на западные страны, и все свои полки с ними. И пошли князь Ярослав и князь Дмитрий Александрович, и с князем Константином, зятем Александровым, и с князем Полоцким Товтивилом, а с ним полочан и литвы 500, а княжих полков и новгородцев бесчисленное множество. И пришли к городу немецкому Юрьеву, и встали под градом. Ибо был вельми крепок, о три стены каменные, и множество людей в них всяких...

(41. Стб. 337–338)

Из Псковской Третьей летописи

Ходили Ярослав Ярославич, и Дмитрий Александрович, и Товтивил Полоцкий, [и] новгородцы, и псковичи, и полочане под Юрьев; единым приступом три стены взяли, а немцев перебили, а сами здоровы пришли.

(58. С. 82)

Из Никоновской летописи

...А [у] наших мужа доброго и вельми храброго застрелили из города, и Петра Мясниковича убили, и храброго Якова гвоздочника убили, и Илью Дехтярева убили, и Измаила кузнеца убили — весьма храбрых и вельми удалых мужей.

(43. С. 143)

Из Жития Александра Невского (Первой редакции)

А сына своего Дмитрия (князь Александр. — А. К.) послал на западные страны, и все полки свои послал с ним, и ближних своих домочадцев, сказав им: «Служите сыну моему, как самому мне, всей жизнью своей».

Пошёл князь Дмитрий в силе великой, и пленил землю Немецкую, и взял город Юрьев, и возвратился к Новгороду со многим полоном и с великою добычею.

(5. С. 193)

А вот взгляд на события с другой, противной стороны.

Из «Старшей Ливонской рифмованной хроники»

...Русское войско было замечено,
Внутри страны к Дорпату идущее.
Это магистру стало известно.
Он сразу послал туда братьев
И других героев...
Когда к Дорпату они подошли,
Русских силы большие
У города встретили.
Они спешили очень...
Прежде, чем в бой войско вступило,
Русские многих успели
В тот день несчастными сделать.
Дорпат они захватили
И тогда же сожгли
Город почти дотла.
Рядом был замок:
Кто в него попал, тот спасся...
Русское войско было очень большим...
Вот братья в бой вступили.
На русских стрелы они обрушили...
Русские очень раздосадованы были,
Что их так сильно обстреливают.
Часто в ответ их лучники стреляли.

От замка они отступили,
Были они походом довольны.
Пленных и добычу они захватили
И спешно вернулись в свою страну.
Магистр разослал приказ
По всем своим землям.
Людей к нему без числа
Со многими храбрыми братьями пришло...
Во главе войска пришёл он
К Дорпату, собираясь
Русское войско проучить.
Но желание его исполнить не удалось:
Русские были уже в своей стране

(22. С. 243–244. Перевод Е. Л. Назаровой)

Из «Хроники Ливонии» Бальтазара Руссова

...Магистру Вернеру^[206] причинили много хлопот король Миндовг литовский, который сделался христо-отступником... затем князь русский и наконец Тиамат, князь самаитский^[207], которые три князя составили союз, дабы изгнать из Ливонии Орден вместе со всеми немцами. Когда же, однако, король Миндовг пришёл с войском из Литвы и, подойдя к Вендену, не нашёл в Ливонии своего союзника, русского князя, тогда он в большой злобе возвратился обратно, не оставив нанести ливонцам ощутительный вред. После его ухода является со всем своим войском русский князь, грабит и опустошает всё епископство Дерптское и берёт город Дерпт, но не мог скоро овладеть дерптским замком, и когда магистр подошёл с вспомогательным войском, то князь разграбил город Дерпт, совершенно выжег его и затем ушёл обратно в Россию. Магистр же и дерптский епископ, снабдив город снова людьми, последовали за русскими в их землю, грабили там и жгли и избивали очень много русских. Тут магистр заболел; по этой причине он принуждён был возвратиться в Ригу слабым и больным, хотя с великой славой и большой добычей.

(62. С. 209–210)

В конце того же года великий князь Александр Ярославич вновь — в пятый и последний раз в своей жизни — отправился в Орду, к хану Берке.

В том же году пошёл князь Александр в Татары, и удержал его Берке, не пустив в Русь; и зимовал в Татарях, и разболелся.

(24. С. 83)

Так пишет автор Новгородской Первой летописи старшего извода.

Историки по-разному объясняют причины, которые вынудили русского князя отправиться к ордынскому хану. Нередко полагают, что Александр хотел предотвратить кару, ожидавшуюся после восстания в русских городах. Но имеющиеся в нашем распоряжении источники, и прежде всего Житие князя Александра, иначе объясняют причины этой драматической поездки:

Было же тогда великое насилие от иноплеменников: сгоняли христиан, веля им вместе с собой воевать. Князь же великий Александр пошёл к царю, чтобы отмолить людей от беды той.

(5. С. 193)

В то время вспыхнула вражда между ханом Орды Берке и правителем монгольского Ирана Хулагу. Вражда эта переросла в открытую междоусобную войну — кажется, первую в истории Монгольской империи. Хан Берке нуждался в войсках, и, как всегда, основную массу его войск должны были составить отряды из завоёванных монголами народов. Военные действия открылись летом 1262 года, а в декабре того же года войска Хулагу у города Дербента разгромили войска военачальника Берке Ногая и вторглись во владения Берке; это вызвало панику в ставке правителя Орды. Военные действия продолжались затем с переменным успехом в течение многих лет, в том числе и после смерти сначала Хулагу, а затем Берке.

Князю Александру Ярославичу, кажется, удалось на этот раз «отмолить» своих людей от участия во внутренней татарской войне. Но позднее русские князья со своими дружинами нередко будут принимать участие в походах ордынцев, причём многие из них по своей воле.

Вот что, например, пишет летописец о событиях 1278 года:

...Князь же Ростовский Глеб Василькович с братаничем^[208] своим, князем Константином, князь Фёдор Ростиславич, князь Андрей Александрович^[209] и иные князья многие с боярами и слугами поехали на войну с царём Менгу-Темиром. И помог Бог князьям русским: взяли славный град ясский^[210] Дедяков зимой, 8 февраля, на память святого пророка Захарии; и полон, и добычу великую захватили, а врагов без числа оружием перебили и грады их огнём пожгли. Царь же, оказав почести добрые князьям русским и похвалив их весьма и одарив, отпустил их восвояси со мною честию, каждого в свою отчину...

В лето 6786 (1278) князь Глеб Василькович Ростовский приехал из Татар... приведя с собою полон многий, приехал в свой град Ростов... В том же году, 11 октября, на память святого апостола Филиппа диакона, князь Глеб Василькович послал сына своего Михаила в Татары на войну вместе со сватом своим Фёдором Ростиславичем...

(47. С. 45–46)

А ещё русские князья будут ходить вместе с татарами в походы на Литву и другие страны. И в тех случаях, когда русско-татарское войско будет проходить через русские земли, русские волости и сёла подвергнутся такому же разорению и опустошению, как и после вражеских ратей, и лишь пепелища, кровь, стоны и плач жителей будут отмечать путь «союзников» — татарских и русских князей... Но хуже того, сами русские князья, воюя друг с другом (а братоубийственные войны среди сыновей и племянников Александра Невского начнутся спустя несколько лет после его смерти), станут приглашать татар себе на помощь, вновь и вновь разоряя обескровленные русские земли. И эти татарские рати, сопоставимые со страшным Батыевым разорением, тоже можно считать следствием этого странного русско-ордынского «братства» по оружию...

ГОД 1263

Орда. Городец на Волге

Почти весь этот год — последний в своей жизни — князь Александр Ярославич провёл в Орде, по-видимому, скитаясь вместе с ханом Берке по его многочисленным кочевьям. И только осенью — уже больным — князя отпустили наконец обратно на Русь. Однако до стольного Владимира Александру Ярославичу добраться не было суждено.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

В лето 6771 (1263). Пришёл князь Александр осенью из Татар, весьма нездоров. И пришёл на Городец^[211], и принял пострижение в 14-й [день] месяца ноября, на память святого апостола Филиппа. Той же ночью и преставился, и повезли его во Владимир, и положили его в монастыре Рождества Святой Богородицы. И, собравшись, епископы и игумены с митрополитом Кириллом, и со всем иерейским чином, и с черноризцами, и со всеми суздальцами с честью погребли его в 23 [день] того же месяца, на святого Амфилохия, в пятницу. Дай, Господи милостивый, видеть лицо Твоё в будущем веке ему, который потрудился за Новгород и за всю Русскую землю...

(24. С. 83–84)

О кончине князя Александра Ярославича и о чуде, случившемся во время его погребения во Владимире, Житие князя рассказывает так:

...Великий князь Александр вышел от иноплеменников, и дошёл до Нижнего Новгорода, и здесь занемог, и, дойдя до Городца, разболелся.

О горе тебе, бедный человек! Как можешь описать кончину господина своего?! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами?! Как не вырвется сердце твоё из корени?! Ибо отца своего человек может оставить, а доброго господина нельзя оставить: если бы можно было, в гроб бы с ним лёг!

Крепко ревнуя Богу, оставил князь Александр земное царство и стал монахом, ибо было безмерное желание его принять ангельский образ. Сподобил же его Бог и высший чин принять — схиму^[212]. И так с миром предав Богу душу свою, скончался месяца ноября в 14-й день, на память святого апостола Филиппа.

Митрополит же Кирилл говорил: «Чада мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской! Уже не найдётся ни один такой князь в земле Суздальской». Иереи, и диаконы, черноризцы, нищие, и богатые, и все люди восклицали: «Уже погибает!»

Святое же тело его понесли к граду Владимиру. Митрополит же с церковным чином вместе с князьями и боярами и весь народ,

малые и великие, встретили его в Боголюбове^[213] со свечами и с кадилами. Люди же толпились, желая прикоснуться к честному одру, на котором лежало святое его тело. И были вопль, и стенание, и плач горький, каких никогда не бывало, так что и земля содрогнулась.

Положено же было тело его в церкви Рождества Святой Богородицы, в великой архимандритии, месяца ноября в 23-й день, на память святого отца Амфилохия.

Было же тогда чудо дивное и памяти достойное. Когда было положено святое тело его в раку, тогда Севастьян эконоом и Кирилл митрополит захотели разжать руку ему, чтобы вложить в неё духовную грамоту. Он же сам, словно живой, простёр руку свою и взял грамоту из рук митрополита. И объял их ужас, и едва отступили от раки его. Об этом услышали все от господина митрополита и от эконома его Севастьяна.

(5. С. 193–194)

Поздняя, так называемая Особая редакция Жития святого князя Александра Невского, составленная в Новгороде в третьей четверти XVI века, так передаёт плач храбрых витязей Александровых по своему князю:

Тогда же храбрые витязи с плачем горьким, с восклицаниями, от сердца идущими, начали стенать и, к ногам его припадая, говорить: «Куда повелишь нам [пойти], государю наш храбрый?! Сам ведь любил храбрость паче меры человеческой. Уже скорбим мы о твоей доброте. Да пред кем же явимся? От кого столько чести получить чаем и доброты, сколько от тебя? Лучше бы нам с тобою умереть, нежели по тебе жить!»

Люди же, малые и великие, восклицали: «Увы тебе, земля Словенская, ибо потеряла ты второго Владимира! О горе тебе, земля Нижняя, ибо гроза и слава покинули тебя!»

(4. С. 358)

*

Остаётся сказать несколько слов о судьбе ближайших родичей, а также

сподвижников и политических оппонентов князя Александра Ярославича.

В том же году, что и Александр, ушёл из жизни ещё один выдающийся политический деятель Восточной Европы середины XIII века — литовский князь Миндовг. Автор Галицко-Волынской летописи так рассказывает о его смерти, подводя заодно итог всему его княжению в Литве:

Осенью был убит князь литовский Миндовг, который был самодержцем всей Литовской земли... Он княжил в Литовской земле, и начал убивать своих братьев и племянников, а других выгнал из страны, и стал княжить один во всей земле Литовской. И стал он весьма гордиться, и вознёсся славой и гордостью великой, считая, что нет ему равного. Был у него сын Воишелк и дочь. Дочь он отдал замуж за Шварна Даниловича^[214] в Холм.

Воишелк начал княжить в Новогрудке, был он язычником и начал проливать много крови... Потом вошёл страх Божий в его сердце, и он задумался, желая принять святое крещение. И крестился тут же в Новогрудке, и стал христианином... [И] устроил себе монастырь на реке Неман, между Литвой и Новогрудком, и там жил.

Отец же его Миндовг укорял его жизнью его. А он отца своего сильно не любил. В то время умерла княгиня Миндовгова, и начал он её оплакивать. А сестра её была замужем за князем Нальцанским Довмонтом^[215]. Послал Миндовг в Нальцаны за своей невесткой и так сказал: «Это твоя сестра умерла. Приезжай оплакивать сестру свою». Когда та приехала оплакивать, Миндовг захотел жениться на своей невестке... И взял её в жены. Довмонт, услышав об этом, очень опечалился и стал думать, как бы ему убить Миндовга, но не смог: его силы были малы, а Миндовговы — велики. И нашёл себе Треняту, племянника Миндовга. А Тренята тогда был в Жмудской^[216] земле.

В год 6771 (1263). Миндовг всё войско своё послал за Днепр против Романа, князя Брянского. Довмонт пошёл вместе с ними на войну, но, улучив удобное время, вернулся назад, говоря: «Гадание не велит мне идти вместе с вами». Вернувшись назад, он быстро поскакал, догнал Миндовга и убил его, и двух его сыновей вместе с ним убил, Рукля и Репекья. Так свершилось убийство Миндовга...

После этого Литву захватила череда новых убийств. Литовским князем

сделался Тренята, убивший своего двоюродного брата Товтивила, князя Полоцкого и недавнего союзника и свата Александра Невского. Но и Тренята вскоре был убит приближёнными Миндовга, и Литвой стал править сын Миндовга, бывший князь-инок, а ныне свирепый язычник Воишелк.

В год 6772 (1264). Воишелк стал княжить во всей земле Литовской, и начал избивать своих врагов, и перебил их бесчисленное множество, а другие разбежались куда глаза глядят...

(28. С. 357–361. Перевод О. П. Лихачёвой)

Год спустя после кончины Александра, в 1264 году, в городе Холме умер великий князь Галицко-Волынский Даниил Романович, первым из русских князей увенчанный королевской короной. Это была тяжёлая потеря для всей Русской земли, особенно для её западной части, исторические судьбы которой всё больше расходились с историческими судьбами СевероВосточной Руси. Вновь предоставим слово автору Галицко-Волынской летописи:

...Короля Даниила тогда постигла тяжёлая болезнь, от которой он и скончался. Его похоронили в церкви Святой Богородицы в городе Холме, которую он сам и построил.

Этот король Даниил был князь добродетельный, храбрый и мудрый, [он] создал много городов, построил церкви и украсил их различными украшениями. И ещё он прославился братолюбием с братом своим Васильком. Этот Даниил был вторым (мудростью. — А. К.) после Соломона.

(28. С. 361. Перевод О. П. Лихачёвой)

В том же 1264 году не стало и младшего брата Александра Невского князя Андрея Ярославича. Он так и не успел вновь занять некогда принадлежавший ему великокняжеский престол. По свидетельству В. Н. Татищева, после смерти Александра началась распря между его братьями Андреем и Ярославом, которые решили отправить каждый своих послов в Орду, к хану Берке. «Хан же повеле Ярославу к себе быти» (77. С. 44).

Смерть Андрея положила конец спорам о великом княжении. На

великокняжеский престол сел тверской князь Ярослав Ярославич; он оставался великим князем в течение семи лет (1264–1271), до самой своей смерти. Тогда же, в 1264 году, новгородцы изгнали юного сына Александра Невского Дмитрия, «зане князь ещё мал бяше», и пригласили на княжение великого князя Ярослава Ярославича (именно со времени новгородского княжения Ярослава сохранились первые договорные грамоты Новгорода со своими князьями).

Ярослав стал родоначальником могущественной династии тверских князей. Тверь превратилась при нём в едва ли не сильнейший город Руси, а тверские князья — наряду с московскими — в течение следующих ста лет претендовали на главенствующую роль в СевероВосточной Руси. Великий князь умер в 1271 году, возвращаясь из Орды, куда он ездил вместе с другими русскими князьями — своим братом Василием Ярославичем Костромским и племянником Дмитрием Александровичем Переяславским. Что было причиной его смерти, сказать трудно, но он оказался уже третьим великим князем — после своего отца Ярослава и старшего брата Александра, — чьё тело привозили на Русь из Орды. Великокняжеский стол занял после него младший («мизинный», по выражению летописца) сын Ярослава Всеволодовича — князь Василий Костромской (1272–1277), последний из оставшихся в живых братьев Александра Невского.

И великий князь Ярослав Ярославич, и его брат великий князь Василий Ярославич, решая свои политические задачи, в том числе и в самой Руси, охотно прибегали к помощи татар, с которыми они поддерживали добрые отношения. Так, в 1270 году, когда в Новгороде вспыхнул очередной мятеж и новгородцы изгнали князя Ярослава из города, последний, по свидетельству Новгородской летописи, послал за помощью к «цесарю татарскому», наговаривая на новгородцев, и едва не привёл на Новгород татарскую рать. Тогда нашествия удалось избежать благодаря вмешательству князя Василия Костромского, также отправившегося в Орду, но два или три года спустя, в 1272 или 1273 году, сам Василий Ярославич вместе с сыном Ярослава Святославом Тверским выступил против княжившего в Новгороде племянника, сына Александра Невского Дмитрия Александровича, и привлёк на свою сторону большой отряд татар. Чем это обернулось для новгородцев, не трудно представить. Автор Никоновской летописи рассказывает так:

Князь великий Василий Ярославич... с великим баскаком Владимирским Амраганом, и с князем Айдаром, и со многими татарами царёвыми воевали новгородские волости и

возвратились со многим полоном во Владимир... Того же лета князь великий Тверской Святослав Ярославич... пошёл с татарами царёвыми, и воевал новгородские волости: Волок, Бежичи, Вологду, и со многим полоном возвратился в Тверь... И пришли в смятение новгородцы, и были страх и трепет великий в них; так говорили: «Отовсюду нам горе. Вот князь великий Владимирский, а вот князь великий Тверской, а вот великий баскак царёв с татарами — и вся Низовская земля против нас»...

(43. С. 151)

Пройдёт немного времени, и татар начнут вовлекать в свои распри уже сыновья Александра Невского.

Великий князь Василий Ярославич преставился в Костроме в январе 1277 года.

...И после него сел на великом княжении во Владимире братанич его князь Дмитрий Александрович, внук Ярославов, правнук Всеволожь, праправнук Юрия Долгорукого...

(43. С. 153)

История взаимоотношений сыновей Александра Невского и особенно их татарская политика — печальная страница в истории нашего Отечества. Как известно, у Александра было четыре сына. Старший, Василий, сошёл с политической сцены ещё в 1257 году, когда отец вывел его из Новгорода и сослал в Суздальскую землю; более летописи ни разу не упоминают его имени вплоть до его смерти в 1271 году. Младший же, Даниил, родившийся в 1261 году, ко времени смерти своего дяди Василия Ярославича был ещё слишком мал. (По свидетельству Тверской летописи, до 1272 года он воспитывался у другого своего дяди, тверского князя Ярослава Ярославича.) В борьбу за верховенство над Русью вступили второй сын Александра Невского, великий князь Дмитрий, и его брат Андрей, князь Городецкий.

И Дмитрий, и Андрей, в разное время занимавшие и великокняжеский, и новгородский столы, старались последовательно проводить политику своего отца, отстаивая интересы Руси прежде всего на её западных и северо-западных границах. Оба они вписали свои имена в летопись побед русского оружия. Князь Дмитрий Александрович, которого историки

называют «лучшим из русских военачальников того времени» (726. С. 178), в феврале 1269 года возглавил русские войска из Новгорода, Пскова и Суздальской земли в походе на город Раковор (Раквере, или Везенберг) — датскую крепость в Эстонии; здесь, в семи верстах от города, произошло, по словам летописца, «страшное побоище, какого не видали ни отцы, ни деды» (24. С. 86–87). Русские потеряли множество воинов, но ещё более убитых было у немцев: «И гнали их, побивая, до города, в три пути, на семь вёрст, так что нельзя было и коню ступить из-за трупов». Войско Дмитрия три дня простояло «на костях» возле города, после чего вернулось в Новгород; это побоище на три десятилетия остановило агрессию немцев и датчан на земли Северо-Западной Руси.

В свою очередь, князь Андрей Александрович, занявший новгородский стол после Дмитрия, продолжил дело своего отца, отразив агрессию шведов. В мае 1301 года он совершил поход на Неву, где, в устье реки Охты, за год до этого шведы поставили свою крепость, получившую название Ландскрона, или, по-русски, Венец земли: «град взят был: одних избили и изрубили, а иных, повязав, повели из города, а город запалили и разграбили» (24. С. 91, 331). Спустя 400 лет именно здесь, вблизи устья Невы, будет заложен Санкт-Петербург, новая столица Российской империи, а на противоположной стороне Невы, у устья Чёрной речки, — Александро-Невская лавра.

И всё же ни победа у Раковора, ни взятие и разрушение Ландскроны не стали главными событиями в жизни обоих сыновей Александра Невского. В историю России и Дмитрий, и Андрей Александровичи вошли не столько как выдающиеся полководцы, сколько как инициаторы кровавой братоубийственной войны, развязанной ими; в эту войну оказались втянуты татарские полчища, а её итогом стало новое страшное разорение Русской земли. В первую очередь сказанное относится к младшему, Андрею Городецкому.

В 1281 году Андрей в первый раз выступил против старшего брата: «бил челом царю на брата своего, на Дмитрия», — и с той поры на 13 лет Северо-Восточная Русь погрузилась в пучину кровавой смуты.

Из Симеоновской летописи

Той же зимой была первая рать на великого князя Дмитрия Александровича. Пришёл из Татар князь Андрей ратью на брата своего старшего князя Дмитрия, испросив себе княжение великое под братом своим... И пришёл к Мурому с погаными татарами, и послал за князем Фёдором Ростиславичем, за князем Михаилом

Ивановичем, за князем Константином Борисовичем и за всеми князьями, и пошёл с ними ратью на Переяславль. Татары же рассыпались по земле: Муром опустошили, около Владимира, около Суздаля, около Переяславля — всё опустошили, и людей пограбили: мужей, и жён, и детей, и младенцев; имущество всё пограбили и в полон увели. Великий же князь Дмитрий выбежал из Переяславля в малой дружине. Татары же опустошили и города, и волости, и сёла, и погосты, и монастыри; и церкви разграбили: иконы, и кресты честные, и сосуды священные служебные, и пелены, и книги, и всякое узорочье разграбили, и у всех церквей двери вырубали, и над чином монашеским надругались поганые... Около Ростова и около Тъери [всё] опустошили, и до Торжка; бесчисленное множество христиан полонили, по сёлам скот, и коней, и жито пограбили, у домов двери вырубая. И были великий страх и трепет на христианском роде: над инокинями и над попадьями надругались, и многие люди от мороза померли, а иных оружием изрубили. Князь Андрей... сотворил это зло, добиваясь великого княжения, и отпустил поганых в Орду, а много зла причинил земле Суздальской, а сам, прогнав брата своего старшего, пошёл на княжение в Великий Новгород. Случилось это зло за грехи наши многие и великие. Взяли же город Переяславль в Филиппово говение, месяца декабря в 19-й [день], на память святого мученика Вонифатия, за неделю до Рождества Христова. В Рождество же Христово по всем церквам не было пения, но вместо пения плач и рыдание...

Спустя немного времени после ухода татар бежавший в Швецию Дмитрий вновь вернулся в Переяславль и стал готовиться к войне с братом, собирая войско. Но не дремал и Андрей.

Того же лета (1282) была другая рать на князя Дмитрия Александровича; пришёл князь Андрей из Татар, а с ним рать татарская: Тура, и Темир, и Алы, а с ними Семён Тонильевич в воеводах, и сотворили зло в земле Суздальской, такое же, как и прежде сказали. Князь же Дмитрий со своей дружиной отъехал в Орду, к царю татарскому Ногаю.

(47. С. 78; ср. 55. С. 338–339)

На этот раз Андрея поддерживала целая коалиция князей, в которую входили Святослав Тверской, сын великого князя Ярослава Ярославича, и Даниил Московский, младший сын Александра Невского. Ещё в то время, когда Андрей находился в Орде, они, вместе с новгородским войском, двинулись к Переяславлю; Дмитрий выступил им навстречу. Тогда битвы удалось избежать, князья помирились. Но татарская рать, приведённая Андреем, вновь разорила русские земли. Дмитрий не нашёл ничего лучшего, как также обратиться к татарам. В то время Орда переживала междоусобицу и фактически распалась на две части: одной правил законный наследник и внук Батыя Туда-Менгу, другой — могущественный военачальник и также Чингизид (правнук Джучи, но по младшей ветви) Ногай. Андрей пользовался благосклонностью Туда-Менгу. Дмитрий же обратился к Ногаю, и тот поддержал его. В 1283 году Дмитрий вернулся из Орды с ярлыком на великое княжение и с ещё одним татарским войском. Андрей вынужден был смириться — но ненадолго.

В лето 6793 (1285)... Князь Андрей привёл царевича (из Орды. — А. К.), и много зла сотворилось христианам. Дмитрий же, соединившись с братией, царевича прогнал, а бояр Андреевых схватил.

(40. С. 246)

И вновь хрупкий мир продлился недолго. Помимо прочего, Андрей Городецкий использовал изменившуюся ситуацию в Орде, где продолжались смуты и междоусобицы. В 1293 году началась война между новым ханом Орды Токту, сыном Менгу-Тимура, и Ногаем; последнему стало не до поддержки своего ставленника на русском великокняжеском престоле. Год 1293-й вошёл в историю Руси как год страшной «Дюденовой рати» — самого крупного нашествия татар на Русь после Батыева разгрома.

Из Никоновской летописи

В лето 6801 (1293). Ходили в Орду к царю князья русские жаловаться на великого князя Дмитрия Александровича Владимирского... брат его меньшей князь Андрей Александрович Городецкий, князь Дмитрий Борисович Ростовский, да брат его князь Константин Борисович Угличский, да двоюродный брат их князь Михаил Глебович Городецкий, да тесть князя Михаила Глебовича Белозерского князь Фёдор Ростиславич Ярославский и

Смоленский... да епископ Тарасий Ростовский. Царь же выслушал их жалобу и хотел послать на Русь за великим князем Дмитрием Александровичем Владимирским, да потом переменял свою мысль и отпустил с ними брата своего Дюденыя со множеством воинов. И пошли из Орды с татарами на брата своего старшего великого князя Дмитрия Александровича... брат его младший князь Андрей Александрович... и князь Фёдор Ростиславич Ярославский... с ними же [иные] князья; а князь великий Дмитрий Александрович был тогда в Переяславле. Услышали же об этом люди переяславские и разбежались все; также и сам великий князь Дмитрий Александрович с дружиной своей побежал к Волоку, а оттуда ко Пскову. И так пришла в смятение вся земля Суздальская. Татарская же рать с князем Андреем Александровичем Городецким и с князем Фёдором Ростиславичем Ярославским, придя, взяла Владимир, и церковь Владимирскую разграбили, и пол чудный медный [из церкви] выдрали, и сосуды священные все забрали; и Суздаль, и Юрьев, и Переяславль, Дмитров, Москву, Коломну, Можайск, Волок, Угличе поле — всех городов взяли 14, и всю землю опустошили. А в Твери не были, ибо защитил её Бог...

(43. С. 168–169)

Эта война стала последней для князя Дмитрия Александровича. Он успел помириться с братом, хотя чуть раньше, во время своего бегства из Пскова в Тверь, едва не попал к нему в руки и вынужден был расстаться со всем своим обозом. Дмитрий отказался от великого княжения, за что получил от Андрея обратно свой Переяславль. Но добраться до Переяславля (сожжённого уже после «Дюденева рати» даже не татарами, но князем Фёдором Ростиславичем Ярославским, получившим город от Андрея) ему было не суждено. В 1294 году князь Дмитрий Александрович скончался в Волоке, по дороге из Твери в Переяславль, приняв перед смертью пострижение в иноческий чин.

«Дюденева» же «рать» оказалась не последним нашествием татар на Русь в XIII веке. Зимой 1293/94 года татарский «царь» Токтомер пришёл к Твери и «великую тягость учинил людям: иных перебил, а иных в полон увёл». В 1297 году «бысть рать татарская», вновь приведённая Андреем; тогда «за малым» дело не дошло до кровопролития: князья собрались во Владимире на съезд и, поделив княжения, разъехались восвояси, после чего

Андрей стал собирать новую рать:

Того же лета князь великий Андрей, собрав рати многие, хотел идти на Переяславль, а также к Москве и к Твери, и не дали ему князь Даниил Московский и брат его (двоюродный. — А. К.) Михаил Тверской. Ибо собрали Михаил и Даниил против него рати многие и, придя, стали близ Юрьева, на полчище, и так не дали князю Андрею идти на Переяславль, потому что князь Иван Дмитриевич^[217], пойдя в Орду, приказал блюсти отчину свою, Переяславль, князю Михаилу Тверскому. И тут за малым не было боя между ними, и взяли мир, и разошлись восвояси.

(47. С. 83–84)

Великий князь Андрей Александрович умер 27 июля 1304 года. За год до этого, 5 марта 1303 года, скончался его младший брат, московский князь Даниил Александрович, самый, пожалуй, неприметный из всех четырёх сыновей Александра Невского. Однако так уж случилось, что именно он и его сыновья, внуки и правнуки сумели продолжить дело своего великого предка.

Князю Даниилу также пришлось принять участие в междоусобной войне между его братьями Дмитрием и Андреем. Он поддерживал то одного, то другого, но, как свидетельствуют летописи, по мере возможности старался не доводить дело до кровопролития, стремясь более к миру, нежели к войне. Так, в 1282 году Даниил Московский выступил вместе со Святославом Тверским против своего брата великого князя Дмитрия Александровича, однако после пятидневного стояния у Дмитрова князья заключили между собой мир. В 1287 году все трое братьев Александровичей ходили войной против нового тверского князя Михаила Ярославича, и вновь дело не дошло до военного столкновения. На съезде князей во Владимире в 1296 году твёрдая позиция Даниила Московского и Михаила Тверского, поддержавших переяславского князя Ивана Дмитриевича (сына умершего незадолго до этого великого князя Дмитрия Александровича), предотвратила захват Переяславля великим князем Андреем Александровичем Городецким. На новом съезде князей в Дмитрове в 1300 году Даниил подтвердил свой договор с Иваном Переяславским, и очень скоро эта поддержка принесла ему ощутимую политическую выгоду: умерший бездетным в 1302 году Иван Дмитриевич завещал ему свой удел. И вновь Даниил сумел без кровопролития удержать

за собой Переяславль, хотя на этот город претендовал и его старший брат великий князь Андрей Александрович. Но при необходимости Даниил умел и применить силу. В 1300 году он выступил в поход на Рязань, разбил большой отряд татар и «некой хитростью» захватил в плен рязанского князя Константина Романовича. В результате войн, военных союзов, мирных договоров князь Даниил сумел значительно увеличить территорию своего княжества, сделать Москву одним из главных политических центров СевероВосточной Руси.

Сам он так и не успел занять великокняжеский стол, ибо умер раньше своего брата Андрея. После же смерти последнего в СевероВосточной Руси началась новая междоусобная война за власть между московскими и тверскими князьями — соответственно, сыновьями Даниила Александровича и потомками его дяди великого князя Ярослава Ярославича. В конце концов победу в этой войне одержали московские князья, и именно Москве суждено было стать центром новой объединённой Руси. Князь же Даниил — подобно своему отцу принявший перед смертью монашеский постриг — впоследствии был причтён Церковью к лику святых. Он почитается как небесный покровитель Москвы и основатель Московского Даниловского монастыря. Память преподобного и благоверного князя Даниила Александровича Московского празднуется 4 (по новому стилю 17-го) марта (в некоторых летописях именно этот день обозначен как день его преставления), а также 30 августа. В этот день в 1652 году были обретены мощи князя, которые по повелению царя Алексея Михайловича перенесли в храм Святых Отец семи Вселенских соборов Даниловского монастыря. Как известно, в XVIII веке этот день стал и днём памяти отца Даниила, святого и благоверного великого князя Александра Невского.

Ещё один человек, пожалуй, наиболее близкий по духу к князю Александру Ярославичу, — митрополит Кирилл — надолго пережил князя. В историю России он вошёл как выдающийся церковный и политический деятель, дипломат, писатель. Именно по просьбе Кирилла на Русь из Болгарии в 1262 году был привезён полный текст Кормчей книги (свода церковных правил и постановлений) сербской редакции; он был одобрен на церковном соборе, проведённом, по всей вероятности, в Киеве в 1273 году^[218], а затем под руководством самого Кирилла была составлена новая, русская редакция Кормчей книги, соединившая материалы древнеславянской и сербской редакций. На том же соборе было принято особое постановление против злоупотреблений в Церкви (столь

губительных в эпоху всеобщего падения нравов, татарских нашествий и междоусобиц), а также поставлен епископом Владимирским бывший архимандрит Киево-Печерского монастыря Серапион, выдающийся писатель и проповедник древней Руси.

Почти всё время своего пастырского служения святитель Кирилл проводил в разъездах, посещая то Киев, то Северо-Восточную Русь, то Новгород. Он умер во время своей очередной поездки в Суздальскую землю, в Переяславле, 6 декабря 1281 года, тело же его было отвезено в Киев и погребено в Киевском Софийском соборе. Преемник святителя Кирилла, митрополит-грек Максим (он занимал кафедру в 1283–1305 годах), «не терпя насилия татарского», навсегда покинул Киев и переселился в 1299 году во Владимир на Клязьме, а уже в XIV веке следующий русский митрополит, преемник Максима Пётр, уроженец Волыни, обосновался в Москве и был похоронен в Успенском соборе Московского Кремля, который начал строить по его призыву московский князь Иван Данилович Калита, внук Александра Невского. Так при преемниках Александра Москва стала не только политическим, но и духовным центром Русской земли.

ЗЕМНОЕ И НЕБЕСНОЕ В ПОСМЕРТНОЙ БИОГРАФИИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

ЖИТИЕ

«Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра» (Первая редакция Жития Александра Невского)

«Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра» была составлена, как полагают, в начале 80-х годов XIII века во Владимире неким духовным лицом, иноком Владимирского Рождественского монастыря, лично знавшим великого князя Александра Ярославича в последние годы его жизни. Автор Жития называет себя «домочадцем и самовидцем зрелого возраста» святого князя и в своих рассказах о происходивших событиях ссылается то на самого Александра, то на воинов, сражавшихся под его началом. Это был человек, близкий, во-первых, к митрополиту Кириллу († 1281), единомышленнику и сподвижнику Александра Невского, а во-вторых, к сыну и продолжателю политики Невского, великому князю Дмитрию Александровичу († 1294).

Этот небольшой по объёму текст — всего несколько рукописных страниц — по праву признаётся выдающимся произведением древнерусской литературы. Как любой памятник агиографического, то есть житийного, жанра, Житие Александра Невского — отнюдь не биография в нашем смысле этого слова. Оно всё исполнено библейскими ссылками и уподоблениями, которые и составляют его канву, дают ключ к пониманию текста. Описывая жизнь и подвиги Александра Невского, автор Жития ссылается на великих героев древности, библейских праотцев и праведников и создаёт идеальный образ правителя, в котором как бы «растворены» реальные, исторические черты подлинного Александра. Созданный им образ представляет собой тот идеал, к которому должны стремиться все русские князья — потомки святого князя и прямые продолжатели его дела. При этом Житие содержит уникальные подробности из жизни Александра Невского и истории Руси

его времени.

В основу перевода положена реконструкция первоначального текста Жития Александра Невского (по спискам Первой редакции памятника), выполненная Ю. К. Бегуновым: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 187–194, с некоторыми исправлениями, оговоренными в примечаниях. Используются переводы Жития на современный русский язык Ю. К. Бегунова («Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 329–343) и В. И. Охотниковой (Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 427–439).

Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра

О Господе нашем Иисусе Христе, Сыне Божии.

Аз, худый и многогрешный, мало смысля, покушаюсь описать житие святого князя Александра, сына Ярославова, а внука Всеволодова. Поскольку слышал от отцов своих и сам был домочадцем и самовидцем зрелого возраста его, то рад был поведать святое и честное и славное житие его. Но как сказал Приточник^[219]: «В лукавую душу не войдёт премудрость» (Прем. 1: 4), ибо «она становится на возвышенных местах, при дороге, на распутиях... у ворот при входе в город» (Притч. 8: 2–3). Хотя и прост я умом, но молитвою Святой Богородицы и поспешением святого князя Александра начало положу.

Сей князь Александр по Божьей воле рождён от отца милосердного и человеколюбца, более же того кроткого — князя великого Ярослава, и от матери Феодосии. Как сказал Исаия пророк: «Так говорит Господь: «Князей я ставлю, ибо они священны, и я веду их» (ср. Ис. 13:3). И воистину: без Божия повеления не было бы княжения его. Но и ростом он был выше иных людей, и голос его — словно труба в народе; лицо же его — словно лицо Иосифа, которого поставил египетский царь вторым царём в Египте; сила же его была — часть от силы Самсоновой^[220]. И дал Бог ему премудрость Соломонову; храбрость же его, словно у царя римского Веспасиана, который пленил всю землю Иудейскую^[221]. Некогда изготовился тот приступать к граду Иоатапате, и вышли горожане и победили войско его, и остался Веспасиан один, и повернул силу вражескую к городу, к вратам городским, и посмеялся над дружиной своей, и укорил её, сказав: «Оставили меня одного». Так же и сей князь Александр — побеждая, сам был непобедим.

И потому некто сильный из Западной страны, из тех, что называются слугами Божьими^[222], пришёл, желая видеть зрелость силы его, как и в древности приходила к Соломону царица Савская, желая слышать премудрость его^[223]. Так и этот, по имени Андреяш, увидев князя Александра, возвратился к своим и сказал: «Прошёл я страны и народы, но не видел такого ни среди царей царя, ни среди князей князя».

Услышав же о таком мужестве князя Александра, король части Римской от полуночной страны^[224] помыслил в себе: «Пойду и пленю землю Александрову». И собрал силу великую, и наполнил многие корабли полками своими, двинулся в силе тяжкой, пыхая духом ратным. И пришёл в Неву, шатаясь безумием, и, возгордившись, послал послов своих в Новгород, к князю Александру, говоря: «Если можешь противиться мне, то вот я уже здесь, беру в плен землю твою».

Александр же, слыша слова эти, разгорелся сердцем, и вошёл в церковь Святой Софии, и, упав на колени пред алтарём, начал молиться со слезами: «Боже достохвальный, праведный, Боже великий, крепкий, Боже превечный, сотворивший небо и землю и поставивший пределы языкам, Ты повелел жить, не вступая в чужие пределы!» Вспомнив же псаломскую песнь, сказал: «Вступи, Господи, в тяжбу с тяжущимися со мною, побори борющихся со мною. Возьми щит и латы, и восстань на помощь мне» (*Пс. 34: 1–2*). И, окончив молитву, встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же Спиридон благословил его и отпустил. Он же, выйдя из церкви, утёр слезы, начал ободрять дружину свою, говоря: «Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Песнотворца^[225], который сказал: «Иные с оружием, иные конями, а мы именем Господа, Бога нашего, хвалимся. Они поколебались и пали; а мы встали, и стоим прямо» (*ср. Пс. 19: 8–9*). И, сказав это, пошёл на них с малой дружиной, не дожидаясь многих сил своих, но уповая на Святую Троицу.

Горестно же было слышать, что отец его, честный великий [князь] Ярослав, не ведал о таком нападении на сына своего, милого Александра, и тому некогда было послать весть отцу, ибо ратные уже приближались. Потому и многие новгородцы не успели присоединиться, так как князь поспешил выступить.

Выступил же на них в день воскресение, 15 июля, на память 630-ти святых отцов Халкидонского собора и святых мучеников Кирика и Улиты, имея веру великую к святым мученикам Борису и Глебу.

И был некий муж, старейшина в земле Ижорской, по имени Пелгуй; ему была поручена стража морская. Он же принял святое крещение и жил

среди рода своего, остававшегося в язычестве. Наречено же было имя ему в святом крещении Филипп. И жил он богоугодно, соблюдая пост в среду и пятницу, потому и сподобил его Бог увидеть видение дивное в тот день. Расскажем об этом вкратце.

Разведав вражескую силу, он пошёл навстречу князю Александру, чтобы рассказать ему о станах и укреплениях их. Стоял же он на берегу моря, и стерёг оба пути, и провёл всю ночь, бодрствуя. И когда начало восходить солнце, он услышал на море дивный шум и увидел один насад плывущий; посреди же насада стояли святые мученики Борис и Глеб в червлёных одеждах и держали руки на плечах друг друга. Гребцы же сидели, словно мглою одеты. Сказал Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему Александру». Увидев такое видение и услышав такие слова мучеников, Пелгуй стоял, охваченный трепетом, до тех пор, пока насад не скрылся с глаз его.

Вскоре после этого приехал князь Александр. Он же, глядя на князя Александра с радостью, рассказал ему одному о видении. Князь же сказал ему: «Об этом не говори никому».

После этого решился напасть на них в шестом часу дня. И была сеча великая с римлянами, и перебил их [князь] бесчисленное множество, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьём.

Здесь же в полку Александровом отличились шесть мужей храбрых, которые крепко сражались вместе с ним.

Один — по имени Таврило Олексич. Этот напал на шнек и, увидев королевича, которого тащили под руки, въехал по доске, по которой поднимались, до самого корабля. И побежали перед ним на корабль, и, повернувшись, сбросили его с доски в Неву вместе с конём. Божьей милостью выбрался оттуда невредим, и вновь напал на них, и бился с самим воеводой посреди полка их.

Второй — новгородец, по имени Сбыслав Якунович; он много раз нападал на войско их и бился одним топором, не имея страха в сердце своём. И немало пало от руки его, и подивились силе его и храбрости.

Третий — Яков, полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на врагов с мечом и мужественно бился, и похвалил его князь.

Четвёртый — новгородец, по имени Миша. Этот пешим с дружиной своей напал на корабли и потопил три корабля римлян.

Пятый — из младших людей, по имени Савва. Этот напал на великий шатёр златоверхий и подрубил столб шатёрный. Полки же Александровы, увидев падение шатра, возрадовались.

Шестой — из слуг князя, по имени Ратмир. Этот бился пеш, и

окружило его много врагов. Он же, от многих ран упав, скончался.

Обо всём этом слышал я от господина своего Александра и от иных, кто участвовал в то время в той сече.

Было же в то время дивное чудо, словно в древние времена при царе Езекии, когда пришёл Сенахирим, царь ассирийский, на Иерусалим, хотя пленить святой град^[226], и внезапно вышел ангел Господень и избил из полка ассирийского сто восемьдесят пять тысяч, и когда настало утро, нашли лишь их мёртвые тела. Так же было и при победе Александровой: когда победил он короля, то на противоположной стороне реки Ижоры, где нельзя было пройти полку Александрову, нашли многое множество убитых ангелом Божиим. Остаток же их бежал, а трупы мёртвых своих накидали в корабли и потопили в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего Творца.

На второе лето после возвращения князя Александра с победой вновь пришли из западной страны и построили город в отечестве Александровом. Князь же Александр вскоре выступил и разрушил град их до основания, а самих — одних повесил, а других с собою увёл, а иных, помиловав, отпустил, ибо был он милостив свыше меры.

На третий же год после победы Александра над королём, в зимнее время, пошёл на землю немецкую в силе великой, чтобы не похвалялись, говоря: «Покорим славянский народ под себя».

Ибо был уже град Псков взят, и тиуны их [во Пскове] посажены. Князь же Александр тех схватил, город Псков от пленения освободил, а землю их повоевал и пожёг и пленных взял без числа, а иных порубил. Иные же города немецкие соединились и решили: «Пойдём и победим Александра и в плен его возьмём».

Когда же приблизились ратные, то проведали про них стражи Александровы. Князь же Александр исполчился и пошёл навстречу, и покрылось озеро Чудское множеством воинов с обеих сторон. Отец же его Ярослав прислал ему на помощь младшего брата Андрея с большой дружиной. Также и у князя Александра было множество храбрецов, как в древние времена у царя Давида, сильных и крепких. Так и мужи Александровы исполнились духа ратного, ибо сердца их были, словно сердца львов, и сказали: «О княже наш честный! Ныне пришло нам время положить головы свои за тебя». Князь же Александр, воздев руки к небу, сказал: «Суди меня, Боже, и рассуди распрю мою с народом велеречивым, и помоги мне, Боже, как ты помог в древности Моисею победить Амалика и прадеду моему Ярославу — окаянного Святополка»^[227].

Была же тогда суббота. И когда взошло солнце, сошлись оба войска. И была сеча зла, и треск от ломающихся копий стоял, и звон от ударов мечами, словно замерзшее озеро двинулось; и нельзя было льда видеть, ибо покрыт он был кровью.

Слышал же я об этом от очевидца, который поведал мне, что видел воинство Божие на небесах, пришедшее на помощь Александру. И так победил их помощью Божией, и показали враги спины свои, и секли их, гонясь, словно по воздуху, и некуда было бежать им. И прославил здесь Бог Александра пред всеми полками, как Иисуса Навина у Иерихона^[228]. А тех, кто говорил: «Захватим Александра», — предал Бог в руки его. И никогда не находилось противника, достойного его в битве.

И возвратился князь Александр со славной победой. И многое множество пленных было в полку его, и вели босыми подле коней тех, кто именуется себя «Божьими рыцарями».

Когда же приблизился князь ко граду Пскову, встретили его пред городом игумены, и священники в ризах с крестами, и весь народ, воздавая хвалу Богу и славу господину князю Александру, воспевая песнь: «Ты, Господи, помог кроткому Давиду победить иноплеменников и [благо]верному князю нашему оружием крестным освободить град Псков от иноязычников рукою Александровою».

О неразумные псковичи! Если забудете об этом и до правнуков Александровых, то уподобитесь иудеям, которых напичал Господь в пустыне манною и перепелами печёными, а они обо всём том забыли и о Боге своём, выведшем их из египетского рабства.

И начало славиться имя его во всех странах: и до моря Хонужского^[229], и до гор Араратских, и по ту сторону моря Варяжского, и до великого Рима.

В то же время умножился народ литовский и начал причинять вред владениям Александровым. Он же выезжал и избивал их. Однажды случилось ему выехать, и за один выезд победил семь полков, множество князей их убил, а иных взял в плен; слуги же его, насмехаясь, привязывали их к хвостам коней своих. И начали с того времени бояться имени его.

В то же время был некий сильный царь в восточной стране^[230]; ему же покорил Бог многие языки от востока и до запада. И тот царь, прослышав о такой славе и храбрости Александра, послал к нему послов и сказал: «Александр, знаешь ли, что Бог покорил мне многие языки? Или ты один не хочешь покориться силе моей? Но если хочешь сохранить землю свою, то вскоре приди ко мне — и увидишь славу царства моего».

По смерти отца своего князь Александр пришёл во Владимир в силе тяжкой. И был грозен приход его, и промчалась весть о нём до самого устья Волги. И начали жёны моавитянские^[231] пугать детей своих, говоря: «Александр князь едет!»

Задумал князь Александр, и благословил его епископ Кирилл; и пошёл к царю в Орду. И увидел его царь Батый, и удивился, и сказал вельможам своим: «Воистину мне сказали, что нет князя, подобного ему». Почтив же его достойно, отпустил его.

После этого разгневался царь Батый на брата его младшего Андрея и послал воеводу своего Неврюя разорить землю Суздальскую. По пленении же Неврюевом великий князь Александр церкви восстановил, грады людьми наполнил, людей распуганных вернул в дома их. О таких говорит Исаия пророк: «Князь благ в странах — тих, приветлив, кроток, смирен; по образу Божию есть»; «не прельщаясь богатством и не забывая о крови праведников, сирот и вдовиц по правде судит, милостив, а не златолюбив, добр к домочадцам своим и приходящим от чужих стран кормитель есть» (ср. Ис. 1:16, 17; 56:1, 2). На таковых Бог проливает на мир щедроты свои, ибо Бог мира не ангелов любит, но людей, которых щедро вознаграждает, учит и к которым являет в мире милость Свою.

Распространил же Бог землю его богатством и славою, и продлил Бог лета его.

Некогда же пришли к нему послы от папы из великого Рима с такими словами: «Папа наш так говорит: «Слышали мы, что ты князь достойный и славный и земля твоя велика. Потому и прислали к тебе от двенадцати кардиналов двух искуснейших — Галда и Гемонта, чтоб ты послушал учение их о законе Божии».

Князь же Александр, подумав с мудрецами своими, отписал к нему, так говоря: «От Адама до потопа, от потопа до разделения языков, от смешения языков до начала Авраама, от Авраама до прохождения Израиля сквозь Красное море, от исхода сынов Израилевых до смерти царя Давида, от начала царства Соломонова до Августа царя, от начала Августа и до Христова Рождества, от Рождества Христова до Страдания и Воскресения Господня, от Воскресения Его и до Восшествия на небеса, от Восшествия на небеса до царства Константинова, от начала царства Константинова до первого собора, от первого собора до седьмого — всё то хорошо ведаем, а от вас учения не принимаем». Они же возвратились восвояси.

И умножились дни жизни его в великой славе, ибо священников любил, и монахов, и нищих; митрополита же и епископов почитал и слушался их, словно самого Христа.

Было же тогда великое насилие от иноплеменников: сгоняли христиан, веля им вместе с собой воевать. Князь же великий Александр пошёл к царю, чтобы отмолить людей от беды той.

А сына своего Дмитрия послал на западные страны, и все полки свои послал с ним, и ближних своих домочадцев, сказав им: «Служите сыну моему, как самому мне, всей жизнью своей».

Пошёл князь Дмитрий в силе великой, и пленил землю Немецкую, и взял город Юрьев, и возвратился к Новгороду со многим полоном и с великою добычею.

Отец же его, великий князь Александр, вышел от иноплеменников, и дошёл до Нижнего Новгорода, и здесь занемог, и, дойдя до Городца, разболелся.

О горе тебе, бедный человек! Как можешь описать кончину господина своего?! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами?! Как не вырвется сердце твоё из корени?! Ибо отца своего человек может оставить, а доброго господина нельзя оставить: если бы можно было, в гроб бы с ним лёг!

Крепко ревнуя Богу, оставил князь Александр земное царство и стал монахом, ибо было безмерное желание его принять ангельский образ. Сподобил же его Бог и высший чин принять — схиму. И так с миром предав Богу душу свою, скончался месяца ноября в 14-й день, на память святого апостола Филиппа.

Митрополит же Кирилл говорил: «Чада мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской! Уже не найдётся ни один такой князь в земле Суздальской». Иереи, и диаконы, черноризцы, нищие, и богатые, и все люди говорили: «Уже погибаем!»

Святое же тело его понесли к граду Владимиру. Митрополит же с церковным чином вместе с князьями и боярами и весь народ, малые и великие, встретили его в Боголюбове со свечами и с кадилами. Люди же толпились, желая прикоснуться к честному одру, на котором лежало святое его тело. И были вопль, и стенание, и плач горький, каких никогда не бывало, так что и земля содрогнулась.

Положено же было тело его в церкви Рождества Святой Богородицы, в великой архимандритии, месяца ноября в 23-й день, на память святого отца Амфилохия.

Было же тогда чудо дивное и памяти достойное. Когда было положено святое тело его в раку, тогда Севастьян эконом и Кирилл митрополит захотели разжать руку ему, чтобы вложить в неё духовную грамоту. Он же сам, словно живой, простёр руку свою и взял грамоту из рук митрополита. И объял их ужас, и едва отступили от раки его. Об этом слышали все от

господина митрополита и от эконома его Севастьяна.

Кто не удивится тому — ведь тело его бездушно было и привезено от дальних градов в зимнее время!

И так прославил Бог угодника своего. Богу же нашему слава, прославившему святых своих во веки веков. Аминь.

Из статьи

«А се князи Русьстии»

Статья «А се князи Русьстии» читается в той же рукописи XV века, в которой содержится Новгородская Первая летопись младшего извода (так называемый Комиссионный список). Она представляет собой краткую историю русских великих князей от Владимира Всеволодовича Мономаха до Ивана Даниловича Калиты. Видное место в этой истории отведено великому князю Александру Ярославичу, называемому Великим, Храбрым и Невским. Приводим фрагмент статьи «А се князи Русьстии» в подлиннике, без перевода.

...По Батый приде на великое княжение из Новаграда Великого сын Ярославль, внук Всеволожь, правнук Юрьев Долгие Руки, в град Володимерь Александр Великий, Храбрый, Невский, иже ему была брань шестью с немци, и поможе ему Бог, и короля уби; и того ради князи русстии держать честно имя великого князя Александра Ярославичя, внука Всеволожа. Царь Батый слышав его мужьство, и възлюби его паче всех князей, и призва его к собе любовно, и первое и другое (то есть и в первый, и во второй раз. — А. К.), и отпусти его с великою честью, издарив. И от сего князя Александра пошло великое княжение Московское. Александр роди 4 сыны: Данила Московскаго, Дмитриа Переяславь-скаго, Василия Костромьскаго, Андрея Городецкаго... Въ сих сих прославим в Троици единого Бога и православных великих князей, заступников наших всея Русьския земля...

(24. С. 468–469)

Похвала святому и благоверному великому князю Александру Невскому (Из «Владимирской» редакции Жития)

«Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра» стала основой для многочисленных редакций княжеского

Жития. (Всего исследователи насчитывают до двадцати различных редакций памятника.) Написанная иноком Владимирского Рождественского монастыря третья по счёту редакция Жития святого Александра появилась на свет в середине XVI века, вскоре после церковного собора 1547 года, на котором — в числе прочих русских святых — был канонизирован для общецерковного прославления и святой князь Александр Ярославич Невский. «Владимирская» редакция Жития была составлена по заказу инициатора собора, выдающегося книжника средневековой Руси, собирателя житий русских святых митрополита Макария и успела войти в тот переработанный и значительно дополненный список Великих Миней Четых, который митрополит Макарий в 1552 году положил в Московский Успенский собор. Тогда же иноком Владимирского Рождественского монастыря Михаилом — вероятно, тем самым, которому принадлежит «Владимирская» редакция, — была составлена церковная служба святому Александру.

Ниже печатается заключительная часть «Владимирской» редакции Жития, включающая в себя похвалу святому. Перевод выполнен по изданию: Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913 (Памятники древней письменности и искусства. № 180). С. 30–31.

...Неизмерима небесная высота, неисчерпаема морская глубина, так же неисчислимы и чудодейния угодников Божиих. Так же ведь и сей благоверный великий князь Александр: хотя и земного царства почестями почтен, богатством и славою преисполнен, и в сражениях храбрость явил, и повсюду слава о храбрости его разнеслась, но всего того больше в спасении души своей с твёрдостью и мужеством подвизался; потому и воздаяние принял от всевышней десницы Господней. Ибо что может быть достойнее, чем приобрести с земным царством ещё и небесное, с преходящим — вечное?! Мы же, к честной раке его припадая, воскликнем с любовью: «Радуйся, преславный Александре, Русской земли украшение; радуйся, светило незаходящее мысленного солнца, кое отечество своё просвещает, без зависти чудеса даруя; радуйся, с ангелами пребывающий, источник неисчерпаемый божественных исцелений; радуйся, церкви пресветлое украшение и благочестия кормило; радуйся, царям благочестивым похвала и утверждение; радуйся, сиротам питатель и обидимым заступник, радуйся, печальщимся великое утешение! Не от Рима ведь, не от Синая воссиял ты, но в Русской земле явился, чудотворец преславный! Радуйся и веселись и ты, преславный град Владимир; ликуй и торжествуй, храм пресвященный

Божьей Матери, имеющий в себе таковое сокровище — пречестные мощи предивного целителя, нового чудотворца, великого князя Александра! Блажен воистину и преблажен ты, досточудный Александре, таковых благ и великого богатства на земле и на небесах сподобившийся. Воистину блажен и град твой, в котором добро пожил ты, и Богу угодил, и пресветлым венцом от Него венчался. Ибо твоим благочестием, словно бисером честным, святых храмами Русская земля оградилась, и многие монастыри процветают и сияют в ней, словно звёзды на тверди небесной, беспрестанно благодарения Богу воссылая. И ныне моли, преблаженный, о прославляющих тебя, и почитающих твою память, и праздник твой украшающих. Подай же всем нам помощь твою, будь покровом граду нашему от всякого зла, благочестивому царю нашему даруй победы над супротивными, и от всех видимых и невидимых врагов охраняй его; [даруй] ему мир глубокий и здравие телу, а также и душе его проси спасения. И нас избавь от всякой нужды, и согрешениям нашим прощение испроси у Бога своими молитвами, да избавит нас Бог от бесконечной муки и будущей жизни причастниками сотворит благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Ему же подобает всякая слава, честь и держава с Отцом и со Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь».

***Проложное Житие
святого и благоверного великого князя
Александра Невского***

Проложное Житие Александра Невского было составлено во второй половине XVI века. Оно представляет собой сокращение ещё одной (четвёртой по счёту) редакции Жития Александра Невского, написанной в 50-е годы XVI века псковским книжником Василием (в иночестве Варлаамом) и включённой в новый список Великих Миней Четых митрополита Макария, который святитель преподнёс царю Ивану Васильевичу. Благодаря тому что Проложное Житие вошло в Пролог — популярный в древней Руси сборник кратких житий, памятей святых, слов на различные праздники церковного года, расположенных в соответствии с церковным календарём, — оно получило широкое распространение в русской книжности.

Перевод Проложного Жития князя Александра Ярославича на современный русский язык выполнен по изданию: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 2: Славяно-русский Пролог. Ч. 1: Сентябрь — декабрь/ Изд. А. И. Пономарев. СПб., 1896. С.

Сей благоверный и христоробивый князь, великий Александр, был сыном Ярослава, внуком великого князя Всеволода, сына Владимира, просветившего Российскую землю святым крещением^[232]. Смолоду же благочестивый князь Александр возлюбил Христа и Пречистую Богородицу и всех святых; горячо же почитал священников как слуг Божиих, и иноков весьма любил, также и нищих милостью одаривал, и всякой неправды избегал; сиротам и вдовицам заступник и беспомощным помощник, ибо никто пуст и неимущ не выходил из дома его. И так жил он в Великом Новгороде, добро управляя порученной ему от Бога властью. После же пришли некие люди от западных стран, те, что называют себя слугами Божиими, желая видеть зрелость блаженного Александра. И, увидев зрелость и красоту лица его, весьма удивились и, возвратившись, поведали королю своему, Римской части, Нестору Велгелу^[233], о красоте и о зрелости его. Услышал же от них король о мужестве святого князя Александра и удивился. Потом собрал король силу многолюдную, и наполнил корабли многими воинами своими, и пришёл на реку Неву, и встал на устье реки Ижоры, хотя пленить и Ладогу, и Великий Новгород, и всю Словенскую землю. И, исполнившись гордости, послал послов своих к святому князю Александру, говоря: «Если хочешь противиться мне, то вот, я уже здесь и беру в плен землю твою». Святой же князь Александр с архиепископом вошёл в соборную церковь Святой Софии и, помолившись со слезами Господу Богу, и Пречистой Богородице, и святым страстотерпцам Борису и Глебу, пал на землю. И, закончив молитву, пошёл с малой дружиной, не дождавшись всей силы воинской. Также и отец его Ярослав не знал об этом нашествии схизматиков^[234]; к тому же Александр не успел послать к отцу во Владимир, призывая на помощь только Бога и святых мучеников Бориса и Глеба. И пришёл на реку Неву, где стояли схизматики, месяца июля в 16-й день, в воскресенье^[235]. Был же некто из воевод князя Александра в земле Ижорской, по имени Филипп, человек благоговейный и богобоязненный; ему была поручена стража ночная. И, увидев силу ратных, пошёл тот к святому князю Александру, чтобы поведать ему обо всём. И когда пришёл к берегу моря и уже солнце восходило, увидел насад, а посреди насада стояли святые мученики Борис и Глеб в червлёных одеждах и держали руки свои на плечах друг друга; гребцы же сидели, словно мглою одеты. И сказал Борис: «Брат Глеб, поспешим и поможем сроднику нашему, великому князю Александру,

против неистовых немцев!» Тот же страж поведал обо всём, что видел, святому князю Александру. Князь же прославил Бога и святых мучеников Бориса и Глеба. И в шестом часу дня сошлись со схизматиками латинянами, и Божией помощью и Пречистой Богородицы и пособничеством мучеников Христовых Бориса и Глеба избили многое множество схизматиков, а отступника-короля блаженный сам ранил в лицо. И так избавлен был Великий Новгород от лукавых немцев. И не однажды избавил Великий Новгород от плена лукавых немцев; потом те же лукавые немцы поднялись на богохранимый град Псков, и многих людей псковских избили, и Псков захватили, и наместников своих посадили. И вновь блаженный князь Александр вместе с братом своим князем Андреем, взяв с собою низовцев, обложили со своими людьми все пути псковские и избили многое множество лукавых немцев, а иных в оковах в Великий Новгород послали. И так великий князь Александр избавил град Псков от плена лукавых помощью Святой Троицы и молитвами Пречистой Богородицы. И, пойдя, землю их пленил и пожёг, и многих неистовых мечом погубил. И не только с лукавыми немцами великий князь Александр мужество проявил, но и от пленения многих языков избавил землю свою при жизни своей. В то время безбожный царь Батый многие земли захватил; и пришёл на российскую землю, и попущением Божиим грады многие взял и пожёг: и Владимир, и Ростов, и прочие, за грехи наши. И тут убиты были безбожным Батыем Всеволода, приснопамятного князя, [потомки], Юрий и Василько. В то же время пострадал Христа ради князь Михаил Черниговский с боярином своим Фёдором. А иные многие князья российской земли ради почестей и славы света сего исполнили волю безбожного царя и, боясь мучений, оставили веру христианскую и поклонились солнцу, и кусту, и иным идолам их. И потом окаянный царь Батый, не насытившийся ещё крови христианской, посылает посланников своих во град Суздаль, к святому великому князю Александру, с такими словами: «Мне покорились многие царства и народы. Или ты один не хочешь покориться? Если хочешь сохранить землю свою, приди, поклонись мне, как прочие князья российские поклонились мне, и примешь волости свои и честь великую от меня, ибо слышал про храбрость твою и великую зрелость». Святой же, услышав это от посланных, опечалился, весьма болея душою, и недоумевал, что сделать ему. И, пойдя, поведал святой мысли свои епископу Кириллу. Епископ же, много поучив святого, сказал: «Да не войдут брашно и питье в уста твои, и не оставь Бога, сотворившего тебя, не делай так, как иные делали, но пострадай за Христа, как добрый воин Христов»^[236]. Святой же от всего сердца своего обещал епископу

исполнить всё. Епископ же дал святому в спутники Тела и Крови Христовых и отпустил его с миром, добавив: «Господь да укрепит тебя» и прочее. И когда пришёл великий князь Александр к безбожному царю Батыю, тотчас возвестили царю о блаженном. Царь же повелел привести святого к себе. Волхвы же захотели провести святого сквозь огонь, по обычаю своему, и заставить его поклониться солнцу и огню. Святой же сказал волхвам: «Не подобает мне, христианину, поклоняться твари, кроме одного Бога; поклоняюсь Святой Троице, Отцу и Сыну и Святому Духу, сотворившему небо, и землю, и море, и всё, что в них суть». Волхвы же, словно поруганные святым, возвестили обо всём царю Батыю. Царь же, ради красоты лица его, повелел с честью привести святого к себе, не понуждая его кланяться солнцу и идолам. И когда привели его, встал святой перед царём и поклонился ему, говоря: «Царь, тебе поклонюсь, ибо почтил тебя Бог царством, а твари не поклонюсь, ибо то человека ради сотворено было; но поклоняюсь единому Богу, Ему же служу и Его же почитаю». Царь же не причинил святому никакого зла, но, видев красоту лица блаженного, и величавость тела его, и храбрость, похвалил святого перед всеми и великую честь воздал ему. И потом послал святого с братом его Андреем в Орду, к Кановичам. В то время безбожный царь Батый пошёл с силой великой на болгар и там убит был, злой, от короля Владислава^[237]. После же того святой вернулся из Орды, от Кановичей, в отечество своё, во Владимир, и церкви многие воздвиг, и христиан распуганных в отечество своё собрал. И потом послал святой сына своего Дмитрия на западные страны против иноплеменников; и все полки свои послал с сыном своим. Сын же святого, пойдя, взял немецкий город Юрьев и возвратился к Новгороду со многим полоном. А святой князь Александр отошёл в Орду к Беркаю, и там пробыл шесть месяцев, и в болезнь телесную впал. Царь же отпустил святого; и дошёл он до Городца, и ещё больше изнемог. И тут постригся в иноческий чин и в схиму с великой верой; и наречено было имя ему — Алексий. И, целовав тут всех: игумена, и братию, и своих, всех простил. И причастился Телу и Крови Владыки Господа нашего Иисуса Христа, и всех благословил. И осенил себя крестным знамением, и, воздев руки горе, молитву сотворил. И так предал священную душу свою Господу в лето 6771 (1263), месяца ноября в 14-й день. Совершается же память святого того же месяца в 23-й день, так как в тот день принесено было тело его в город Владимир, в своё отечество. И тут проводили святого надгробными песнями. И начал митрополит на виду у всех вкладывать прощальную грамоту в руки святому; святой же сам, словно живой, разогнул руку свою, и принял грамоту у митрополита, и

вновь согнул её сам. И все предстоящие прославили Бога об этом чуде. И положено было честное тело святого в монастыре Рождества Пречистой Богородицы, в великой архимандритии. И с того времени начались многие исцеления от гроба святого приходящих с верой. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков.

ЦЕРКОВНОЕ ПРОСЛАВЛЕНИЕ

*Из «Истории Русской Церкви»
высокопреосв. Макария (Булгакова),
митрополита Московского и Коломенского*

...Прославление великого князя Александра Невского началось почти со дня его смерти (1263). При самом погребении его, когда митрополит Кирилл приблизился к его гробу, чтобы вручить ему разрешительную грамоту, рука умершего сама простёрлась, как бы живая, и приняла грамоту. Поражённый митрополит тотчас же поведал о видении всему народу, и неудивительно, если некоторые с того ещё времени стали призывать святого Александра в своих молитвах. Но не прежде как чрез 117 лет последовало открытие мощей его. В одну ночь незадолго пред знаменитою Куликовскою битвою инок-пономарь Рождество-Богородицкой владимирской обители, спавший на паперти церкви, в которой погребено было тело святого Александра, увидел, что свечи в церкви зажглись сами собою и два честные старца вышли из алтаря и, приблизившись к гробу благоверного князя, сказали: «Встань, Александр, и поспеши на помощь правнуку твоему великому князю Димитрию, одолеваемому иноплемениками». И Александр тотчас встал из гроба, и вскоре все трое стали невидимы. Инок поведал о всём этом монастырскому Собору. Братия после усердной молитвы решились раскопать могилу князя, нашли тело его совершенно целым и нетленным, с благоговением взяли святые мощи и положили их в раке поверх земли. С тех пор ещё более начало совершаться чудес от святого Александра. Впрочем, и после этого чествование его было только местное, даже до Московского Собора 1547 года, когда положено было праздновать святому князю Александру во всей Русской церкви.

(111. С. 158–159)

Из Никоновской летописи

[В лето 6999 (1491)]...Того же месяца, мая в 23-й [день], в понедельник, сгорел весь город Владимир, и с посадами. И церковь Рождества Пречистой в монастыре внутри города выгорела, и тело великого князя Александра Невского сгорело^[238]; а всех церквей сгорело в

городе девять, а на посаде тринадцать. И много беды тогда [было] горожанам и христианству...

(44. С. 229)

Из Жития митрополита Ионы^[239].

Соборы о новых чудотворцах

...Прииде время в лето 7055 (1547), внегда, божественною ревностию подвижем, благочестивый и Богом венчаный царь и великий князь Иван Васильевич, всея Руси самодержец, Божиим благоволением от благоумныа доброты просветися разум его, осиаваем благодатию Святаго Духа, возжеле от всея душа, еже ему Бог на память возведе, иже в Русской земли царския ему державы премирное богатство взискати и собрата, иже от мног времен и донине сокровено и забвению предано, великия светилни-кы, новейшиа чудотворцы, овех своима царскыма очима виде, а овех же от многих известных самовидец слышав, Богом прославляемы многими и неизреченными чудесы, и вси приходящий к ним с верою всяким многоразличным недугом исцеление получаху и всяк праведный гнев Божий молением их на милосердие претворяем и вся благая потребная молитвами их исправляются. И праздновати же повсюду всим великим светильником не узаконено бысть, но идеже коегождо их честныа раки со святыми мощьми бяху, ту и славими быша. И сего ради христолюбивый царь и великий князь Иван възвещает боголюбезнейшему митрополиту Макарию всея Руси^[240] и совета блага просит от него, еже от многого благоговения и любви имея желание в мысли своей, дабы сим новейшим чудотворцем уставити празднество в святых Божиих церквах повсюду, якоже и прежним, иже в Руской земли провозсиавшим новым чудотворцем. Пресвященнейший же митрополит Макарий возрадовася душею, ведый, яко Божиим хотением сицево бысть тщание и вера благочестиваго царя, и вкупе Богом подвизаеми, созывают всех архиепископов, и епископов, и архимандритов, и игуменов, и весь священнический и иноческий чин всея Руския митрополия. Егда же снисдошася от предел своих в царствующий град Москву, и тогда Богом венчаный царь и великий князь со отцем своим Макарием митрополитом многое моление простирает ко всем иже в Русийском царствии его архиепископом и епископом, да коиждо их потщится во своих пределах, в градах, и в селех, и в монастырех, и в пустынях о тех великих чудотворцах новых известно и достолепно изсведетельствовати всеми священными святыми мужми, и иноки, и

пустынники, и боголюбивыми князми, и боляры, и богобоязливими людьми, где коегождо чудотворца Бог прославил великими знамении и чудеса от коликих времен и в кая лета. И святителие же, слышаще таковое благое начинание и повеление, паче же смиреномудрое моление и теплейшую веру Богом венчаннаго царя, радостию духовною и желанием сердечным без закоснения събирают люботрудным подвигом и подобопечалным собранием каноны, и житиа, и чудеса, от многих времен чудодействуемы, тех святых новых чудотворцев по свидетельству тамо сущих жителей всех предиреченных чинов, и котороиждо святитель от своих предел яко многоценный дар Богу и яко всеплодну жрътву и яко приношение приатно принесоша в богоспасаемый град Москву на боголюбивый собор к благочестивому царю и великому князю Ивану и пресвященному Макарию, митрополиту всея Руси. Вкупе же с ними бяху и честнии архимандриты и игумени и весь освященный собор и предложиша сиа во приобщение церковному уставу пети и праздновати сим в предняя лета, якоже и прочим святым, от века Богу угодившим...

Такоже и сим новейшим чудотворцем подобообразно празднество с прежними святыми съчеташа... Святых же сих, иже со святым Ионою ново Богом прославленных, имена суть сии^[241]: святии святителие. Великаго Новаграда архиепископи Иван, и Евфимие, и Иона, и пермьский епископ Стефан, и тферский епископ Арсений, ростовьский епископ Иаков, сербьский архиепископ Арсений. И святым праведным имена: блаженный великий князь Александр Невьский, псковьский князь Всеволод, муромстии князь Петр и княгиня Феврония, муромстии же князь Костянтин и чада его Михаил и Феодор, и клопьский Михаил. Святым же мучеником имена: великий князь Михаил тферский, Иван белоградский, Иван и Антоний и Евстафий, иже в Литве пострадаша. Преподобным же имена: Пахнотий боровский, Никон, ученик Сергиев чудотворцев, Савва сторожевьской, Макарий колязинский, Дионисие глушицкый, Павел комелский, Саватий и Зосима соловетстии, Александр свирьский, Евфимие суждальский, Авраамие смоленьский, Савва вешерьский, Евфросин псковьский, Ефрем переокомский, Григорий иже на Пелшьме реце. Святым же иже Христа ради уродивым имена: Максим московский, Иван и Прокопий устюжский. И сих всех святых памяти празднуем и ликоствуем по настоящаго месяца дне и числу коегождо преставления и обретения честных мощей их.

(Цит. no: 97. С. 460–463)

Из «Летописца Владимирского собора»

«Летописец Владимирского собора» — памятник очень позднего времени; он известен в двух списках: последней четверти XVII века и 1771 года. «Летописец» представляет собой каталог владимирских святынь и выписи из церковных помянников и актов, хранившихся во владимирских церквях; самые ранние из этих выписей относятся к XVI веку — времени царствования Ивана Грозного. Ниже публикуются (в переводе на современный русский язык) те известия «Летописца», которые имеют отношение к почитанию во Владимире святого и благоверного великого князя Александра Ярославича и его ближайших родственников. Не все из этих известий вызывают доверие: так, авторы «Летописца» пишут о погребении во Владимире матери и старшего брата Александра Невского, о которых достоверно известно, что они были похоронены в Новгороде.

...В Рождественском монастыре, в церкви Рождества Пресвятой Богородицы, лежит в серебряной раке благоверный великий князь Александр Ярославич, в иноках Алексей, Невский и Владимирский чудотворец^[242].

В Успенском девичьем монастыре^[243] в церкви Успения Пресвятой Богородицы, в приделе Рождества Христова, на южной стороне в стене гробница, а в ней лежит великая княжна Евдокия^[244], нетленна, и одежды целы.

А возле неё в другом гробу, каменном же, лежат мощи великой княгини Александры. В том же приделе на левой стороне, на каменном же гробу лежит великого князя Александра Невского княгиня Васса, в схиме...

Во Владимире же в Осыпи монастыре Святого мученика Георгия в церкви на левой стороне лежит великая княгиня Феодосия, в инокинях Евфросиния, великого князя Александра Невского мать, да брат его великий князь Феодор Ярославич на правой стороне в церкви^[245].

Выпись из книг

По государеву царёву и великого князя Ивана Васильевича всея Руси указу по книгам:

По великом князе Александре Невском панихидам впредь не быть. А на память его архимандриту, и попам, и дьяконам, и протопопу Пречистенскому с братией, и игуменам, и попам, и дьяконам соборным и ружным, всем 84-м человекам, петь вечерню, да всенощную, да обедню

служить соборно ноября в 23-й день.

Да архимандриту же, и протопопу, и протодьякону, и попам, и дьяконам, и игуменам, всем 84-м человекам, петь панихиды и заупокойные обедни служить соборно же:

По великом князе Ярославе Феодоре Всеволодовиче на его память — сентября в 30-й день, в году одна панихида большая с вечерней.

По великом князе Дмитрие Всеволоде Юрьевиче на его память в году две панихиды большие с вечерней: в первый раз на его преставление — апреля в 15-й день, во второй раз на его память — октября в 26-й день.

Панихиды без вечерни:

...По великого князя Александра Ярославича великой княгине Вассе петь в году одну панихиду — августа в 21-й день.

По великой княжне Евдокии девице петь в году одну панихиду — марта в 1-й день.

По великого князя Ярослава Всеволодовича великой княгине Феодосии, в инокинях Евфросинии, что в Георгиевском монастыре, петь в году одну панихиду — сентября в 25-й день.

И всего архимандриту, и протопопу с братией, и протодьякону, и игуменам, и попам, и дьяконам, и всем 84-м человекам, на память великого князя Александра Невского и больших 5 панихид, да по тем 15 панихидам служить по ним всем соборно, тут же, где кто лежит...

А по князе Феодоре Ярославиче петь панихиды в монастыре у Святого Георгия; а петь по нему панихиду и обедню служить: протопопу, да протодьякону, да с ним дьякону, да Боголюбскому игумену, да с ним дьякону, да Дмитровскому попу, да дьякону, да митрополичьих церквей 15 попам, да двум дьяконам, да Георгиевскому игумену, да дьякону, и всего 26-ти человекам, — апреля в 8-й день.

(75. С. 63–68)

Из «Иконописного подлинника»

В иконописных подлинниках (служивших основным источником для написания икон) за XVI век, не говоря уже о более раннем времени, имя святого князя Александра Невского не встречается. И только с XVII века появляются описания внешности святого князя, каким должны были изображать его иконописцы.

Святого благоверного князя Александра Невского, Владимирского

чудотворца, преставился в лето 6771 (1263), подобием: брада, аки Козмина, в схиме, кудерцы видеть маленько из-под схимы, риза преподобническая, испод дымчат, в руке свиток сжат, сам телом плечист.

*(По «Иконописному подлиннику сводной редакции»
XVIII века)*

Преподобный Александр Невский. Аки Георгий: ризы киноварь, испод лазорь.

(По списку Г. Д. Филимонова XVII века)

Александр Невский — средовек, рус, плечист телом, сановит и добротой исполнен, власы кудреваты и кудерцы видеть.

*(По копии И. П. Сахарова с «Иконописного подлинника»
XVII века)*

(Цит. по: 133. С. 14, 16)

ЧУДЕСА

Из Жития святого Александра Невского в редакции Ионы Думина

«Житие и подвиги благоверного великого князя Александра, иже Невский именуется, нового чудотворца», составленное бывшим архимандритом Владимирского Рождественского монастыря, а в то время архиепископом Вологодским и Великопермским (будущим митрополитом Ростовским) Ионой Думиным в 1591 году, является самым обширным и многословным из всех редакций Жития Александра Невского. В настоящем издании мы приводим лишь ту часть этого сочинения, которая посвящена описанию чудес, происходивших у гробницы святого князя во Владимирском Рождественском монастыре. Большая часть описаний дословно заимствована автором из так называемой «Владимирской» редакции Жития (времени митрополита Макария); это касается и ссылок на тех лиц, которые лично рассказывали автору о происходивших чудесах.

Перевод выполнен по изданию: Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913 (Памятники древней письменности и искусства. № 180). С. 103–116, 123–124.

О преславных чудесах, бываемых от гроба по преставлении святого Александра

Как в жизни, так и по смерти сей чудный самодержец Александр не оставляет, не забывает свою паству, но всегда, ночью и днём, защищает и оберегает её от врагов видимых и невидимых, подавая все блага страждущим. Ещё же расскажу вам немного и о чудесах святого и всепреподобного великого князя Александра, которые были в последние годы. Ибо праведно и прекрасно воссиять солнцу — и так же праведно святым, от Бога воссияв, зарями чудес всех просвещать. Ибо, как сказал Господь: «Невозможно зажжённый светильник скрывать под кроватью, чтобы не всем был свет виден» (ср. Лк. 8: 16); так же невозможно и даже худо скрывать сей великий святой светильник в земных недрах, пресветлую светлость чудес от всех утаить и душевную пользу погубить. Тем более и я неправедным буду рассказчиком, если не поведаю вам об этом.

Чудо о Донской победе

Некий пресвитер в преславном граде Владимире, служивший в церкви Святого Димитрия, по имени Прокопий, богобоязненный и весьма благоискусный, поведал нам. «Слышал, — говорил он, — от отца моего Ивана о случившемся в древности преславном чуде в обители преславной Богородицы, честного и славного Ея Рождества, у гроба благоверного великого князя Александра, в лето 6888 (1380), в которое второй Батый, окаянный Мамай, приходил со многими агарянами на великого князя Дмитрия Ивановича Московского, прозванного Донским, хотя, злочестивый, пленить всю землю христианскую и истребить святую и непорочную веру Христову, однако, по пророку, на его же главу преокаянная болезнь его перешла, ибо, вопреки умыслу своему, побеждён был, безбожный, помощью Божией. В то самое время, в одну из ночей, некоему монаху, пономарю, случилось по своему обыкновению бодрствовать в притворе церковном в обители святого Александра, в той самой церкви, где почивали святые мощи; при той церкви он и служил, а был он весьма благоговеен и богобоязнен и у той церкви сподобился видения. В то агарянское время сей пареакклисиарх^[246] со слезами стоял в предцерковии, моля Бога и Пречистую Богородицу об избавлении от иноплеменных; святого же Александра Невского чудотворца призывал на помощь в своих молитвах. И продолжал он молитвы свои в этом церковном притворе в течение многих часов, и вскоре узрел: в церкви, возле гроба и многочудесного тела святого, сами собою зажглись свечи, и два святолепных и честных старца вышли из святого алтаря и, подойдя к гробу Александрову, начали говорить: «Господине Александре, встань, поспеши на помощь сроднику своему, великому князю Дмитрию, одолеваемому иноплеменниками!» Скорый же на помощь великий князь Александр, который при жизни был храбрым победителем агарян, также и по смерти, тотчас встал из гроба, на виду у пономаря, и сделался невидим. Впоследствии же от многих стало известно, что в тот самый день, в ночь на который пареакклисиарх видел сие видение, помощью Божиею и молитвами святого рука благоверного великого князя Дмитрия поразила варваров. Впоследствии же этот пареакклисиарх, объятый страхом Божиим, подробно рассказал обо всём предстоятелю Церкви, то есть митрополиту. Великий же архиерей матери градов^[247] со всем освященным собором с подобающей осторожностью и по вере великого самодержца раскопал место, где положены были многоцелебные всесвятые мощи святого, обретя их нетленными и целыми по прошествии многих лет. И взяли их честно с

пением божественным, положили в раке поверх земли в церкви Пречистой Богородицы, в которой и прежде положены были, и с того времени многие и различные исцеления бывают и до сего дня приходящим к честной раке святых мощей его: слепые прозревали, хромые ходить начинали, бесноватые исцелялись, расслабленные укреплялись, одержимые различными болезнями выздоравливали».

О явлении на воздухе святого великого князя Александра Невского, о пожаре

В лето 6999 (1491), 23 мая, в понедельник, в пре-именитом граде Владимире было ужасное видение и страшное явление и грозное знамение гнева Божия, которым наказывает нас Бог и от греха на покаяние приводит, которое, как говорят некие, некогда, в один из дней, после божественной литургии, видели многие над каменной церковью Рождества Пречистой Богородицы славной обители, честного архимандритства, напротив чудесных мощей блаженного великого князя Александра Ярославича Невского, в иноках Алексия. Над самым верхом той церкви видели необычное видение: словно облако лёгкое протянулось, или словно дым тонкий извивался — белый, словно чистый иней, и светлый, словно солнце, подобно ему блестя; и в тонкости и светлости облака того видели подобие образа блаженного великого князя Александра, ехавшего на быстром коне, словно взмывая к небу. Люди же, видя великого, одержимы были страхом и ужасом. Начали звонить по всему граду, и вскоре, в полдень того же дня, начался такой великий пожар, что весь город сгорел со всеми домами и также посады. Ещё же в том городе погорел и сам тот пречестный вышеназванный монастырь Рождества Пречистой. В церковь ту собрались многие иноки и миряне со множеством имущества, и вскоре Божиим попусцием внутри той церкви всё сгорело, и люди тоже. Чудотворные же мощи святого и праведного великого князя Александра Ярославича, на которых можно было видеть некое огненное знамение, были, однако, Богом сохранены, так что и пелена, бывшая на гробе его, оказалась невредимой от непостоянного того огня. Ибо Господь, по пророку, «хранит все кости» угодника своего, и «ни одна из них не сокрушится» (ср. Пс. 33:21). И так благодатию Божией и доньше от честного его гроба многие чудеса и исцеления совершаются; об одном из них скажем здесь кратко.

Было это в то время, когда благочестивый наш царь и великий князь Иван Васильевич, всего царства Русского и Казанского и Астраханского государь и самодержец, внук старейшего великого князя Ивана Васильевича, всея Руси самодержца, его же именуют Грозным, Богом

подвигаем за своё отеческое наследие, а наипаче за христоименитое достояние, Казанское царство победил, и завладел им, православием просветив, и бесчисленное множество христиан пленных освободил. И ещё на пути к Казани, в походе, когда был он в городе Владимире и возносил Богу молитвы в монастыре, в церкви Рождества Пречистой Богородицы, тогда случилось быть в той церкви во время соборной молитвы у цельбоносного гроба блаженного и великого князя Александра и мне, грешнейшему. И увидел я близ помоста церковного на гробе блаженного небольшое отверстие, и, желая понять, что это за отверстие, вложил в него пальцы свои. И ощутил я некое масло, смочившее мою руку. На руке же моей в течение долгого времени была небольшая болячка. И вскоре вытащил я руку свою из отверстия, и почувствовал, будто смазана она жирным маслом или помазана благовонным миром; болячки же на ней с того времени и донныне не было.

Чудо святого о двух слепых жёнах

Не смею и об этом умолчать. Некогда, по прошествии многих лет после смерти святого Александра Невского, привели ко гробу его святому двух жён слепых, ничего не видящих очами своими. Они же стали молиться и со слезами припадали к цельбоносным его мощам, каясь втайне в согрешениях своих, и молились святому о даровании им зрения. «Умоли, — говорили, — угодниче Божий, общего всем Владыку Христа, твоего же и нашего, да будет милостив к нам о согрешениях наших и да дарует нам зрение, Преблагий и Милосердный, ибо знаем, чудотворче, что послушает святых молитв твоих!» И когда молились они вместе и плакали, внезапно прозрели обе по молитвам святого. Они же, получив милость у цельбоносного святого гроба, возвратились в дома свои, радуясь, славя и благодаря Бога, даровавшего такую благодать сему святому угоднику Александру.

Иное чудо о некоем человеке, имевшем сухую ногу

Похвально будет и об этом поведать любви вашей. Некий человек в течение многих лет имел сухую ногу, так что не мог ни ходить, ни шевелить ею. Так страдал он в недуге этом столько лет, отовсюду помощи требуя, но ни от кого ни малейшей помощи не получая. Наконец, придя в чувство, он повелел приятелям своим вести себя в обитель Пречистой Богородицы, честного Ея Рождества, ко гробу святого Александра. И когда привели его к цельбоносной раке, стал молиться ему, со слезами прося у святого исцеление от недуга своего. И внезапно получил исцеление, и,

выздоровев, стал ходить пред всеми на обеих ногах своих, словно никогда не был болен. И так пошёл в дом свой, непрестанно воздавая благодарение чудотворцу Богу и угоднику Его святому Александру.

Иное чудо святого о расслабленном

Полезно же будет вам и об этом послушать. Некогда принесли в обитель святого Александра человека по имени Леонтий, страдавшего в течение многих лет расслаблением обеих рук и ног. И когда лежал он и валялся у гроба святого, священник совершал молебны о нём; по совершении же молитвенного пения окропил его освященной водою, и тотчас расслабленный начал исцеляться и двигать руками и ногами, и сам встал на ноги свои, и руками ощупал гроб святого, с радостью облобызав раку его. Получив исцеление молитвами великого святого Александра, пошёл восвояси, радуясь и славословя Бога.

Чудо иное святого о некоем расслабленном иноке

Не умолчу же и об этом. Некий монах из той же обители, по прозвищу, попросту сказать, Красавцов^[248], в течение долгого времени был расслаблен. Однажды принесли его к цельбоносному гробу блаженного Александра, и лежал он, взирая с умилением на раку святого, испуская горячие слёзы из очей своих и памятуя о согрешениях своих пред Богом, ибо ведал, что грехов ради своих страдает. И хотя не мог телом пошевелиться, ибо расслаблен был, но верою и горячим желанием припадал к раке святого, говоря: «Святче Божий, угодниче Христов, великий Александр, преподобный Алексий, умоли Христа, Коему предстоишь с ангелами святыми, — да от неоскудевающих щедрот Своих подаст мне прощение за содеянное мною зло и исцеление от недуга моего». И по молитве и вере своей со слезами получив вскоре исцеление от недуга своего молитвами святого Александра, пошёл в келью свою, славя и хваля Бога, прославляющего святых своих угодников.

Иное чудо святого о другом больном иноке

Подобает же вам и об этом всегда помнить. Некий старец из той же обители, нареченный Давидом, одержим был весьма жестокою болезнью, в которой лежал в течение долгого времени. И лежал он на одре своём, и проливал слёзы, по многу часов молясь из глубины сердца своего преподобному Александру, наречённому Алексею, чтобы исцелил он его от недуга. И когда молился он так со слезами долго, понемногу начал получать облегчение от болезни своей. И почувствовав отступление недуга,

начал вопить со всей силы: «Угодниче Христов Александр, помилуй мя!» И тотчас прекратилась болезнь его, и сделался здоровым, прославляя Бога и угодника Его преподобного Александра.

Иное чудо святого о свече, самовозгоревшейся у святого его гроба

Да не покроется глубиною молчания и сие. Поведал об этом некий старец по имени Серапион, служащий в обители святого, в церкви, параекклисиархом. «Случилось это, — рассказывал, — в лето 7049 (1541), после праздника Успения Пресвятой Богородицы, в пятницу, по завершении вечерни: сама собой загорелась свеча у гроба блаженного великого князя Александра Невского, чудотворца; многие же и из братии видели её горевшей. Пономарь же по простоте своей не уразумел, что это не простое горение свечи, а некое Божие проявление чудодеяния святого, и, ужаснувшись, загасил ту свечу, светившуюся небесным огнём. Сообщено же было об этом настоятелю обители, которым был тогда архимандрит Евфросин. И когда услышал архимандрит о таком неизреченном чуде, то поспешил к гробу святого, и потрогал ту свечу рукою, и почувствовал, что она ещё теплая от небесного огня. И в течение многих лет никогда не зажигали ту свечу, но прилепляли к ней прочие свечи и так зажигали». Так прославил его Бог как в жизни, так и по смерти.

Чудо святого о бесноватом

Хочу же и об этом передать любви вашей. Некий христианин того же монастыря по имени Терентий весьма был мучим бесом; домашние же его привели его в обитель, ко гробу святого. И когда привели его и сотворили молебны о нём, то, по молитвам святого великого Александра, наречённого Алексия, тотчас прекратилась болезнь его, и сделался здоров и разумен, и возвратился в дом свой, радуясь и прославляя Бога, столь одарившего святого Александра.

Иное чудо святого о сыне боярском

Подобает же и вот о чём вечно вспоминать вам. Некий сын боярский, именуемый по-простому Истома Головкин, был тяжело болен, мучаясь от жестокого недуга, так что не мог ни есть, ни пить, и страдал так от жестокого недуга в течение долгого времени. И так мучился всё время от этого недуга, что уже и о жизни не помышлял, но только к смерти готовился. И раздал имение своё многим врачам, но никакого облегчения от болезни своей не получил от них, но только в ещё больший недуг впал.

После этого повелел вести себя ко гробу святого, и тотчас получил исцеление от недуга своего молитвами преподобного Александра, наречённого Алексия, и возвратился в дом свой, веселясь и великую хвалу и благодарение воздавая Христу Богу нашему, прославившему угодника своего святого Александра.

Иное чудо святого о втором сыне боярском

Достойно же и об этом поведать вам^[249]. Привезли и второго сына боярского из преславного града Пскова, по имени Симеон Забелин. С этим сыном боярским случился весьма жестокий недуг, так что не мог владеть собой ни в малом, и приходилось кому-либо другому поднимать или переворачивать его; к тому же не мог ни есть, ни пить ничего. И когда помолились о нём у раки блаженного Александра, в тот же час исцеление получил и пошёл восвояси, хвалу и молитву принося святому Александру, таковой дар стяжавшему от Бога.

Чудо святого о расслабленном

Некий человек расслаблен был в течение многих лет всеми членами тела своего. Родственники привезли его и положили ниц у многоцелебной раки преподобного Александра. И когда лежал он в течение долгих часов и молился святому, со слезами прося исцеления от недуга своего, и ещё была молитва на устах его, в тот же час получил исцеление по молитвам великого чудотворца Александра. И, выздоровев, с веселием пошёл в дом свой, вечное благодарение воздавая в Троице славимому Спасителю Богу, непрестанно прославляющему святого своего угодника Александра.

Чудо святого о бесноватом

Не думаю, что правильно было бы и об этом не вспомнить вам. Село есть, называемое Старое; из этого села привезли некоего христианина, одержимого в течение многого времени страшным недугом, в котором люто мучим был злым бесом. Столь люто страдал в недуге том от лютого беса, что все видевшие его исполнялись страхом: кричал страшно нечеловеческим голосом, бросался, словно зверь, на всякого, зубами клящая, одних ранил, других бил нещадно, и потому держали его руки связанными. И когда помолились о нём у цельбоносного гроба святого, тотчас выздоровел, и исцеление получил, и в добрый разум пришёл, и возвратился в дом свой, радуясь и благодаря и славя Бога и угодника Его преподобного Алексия.

О чудесах святого Александра, случающихся в наши времена и наши лета у чудотворной раки его

Словно источники водные, исходящие от земли и напоющие землю и новые источники образующие, не оскудевают, но ещё более исполняются водой и непрестанно текут, принося сокровища от недр земных, так же и святых чудеса. Подобно тому и святой Александр — святое тело его, во гробе лежащее, — многие и различные исцеления подаёт всем людям, и сколько бы ни принимали исцеления от него, не оскудевает, но ещё более переполняется, словно река великая, не оскудевая, подаёт исцеления с верой приходящим к нему даже и до сего дня, подобно тем чудесам, которые мы сами видели своими глазами.

В лето 7080 (1572) некий человек, родом из преименитого града Владимира, там и живущий, по имени Феодор, пребывал в недуге тяжком, жестоко страдая от лютого беса. Родственники же его, видя его в таком жестоком недуге, сжалились о нём и повезли его в обитель Пречистой Богородицы, к чудотворным мощам благоверного великого князя Александра Невского. И когда везли его и приблизились ко вратам обители, то в тот же час у врат обители больной получил исцеление от недуга по молитвам святого и, в совершенном здравии побывав у раки святого, возвратился в дом свой, непрестанно вознося благодарения Богу, даровавшему такую благодать исцеления святому угоднику Александру.

Чудо святого о жене слепой

Не стану скрывать и это чудо. Некая жена из пределов славного града Владимира, от села, называемого Красным, лишилась зрения, так что не видела ничего, не только людей, но даже и света белого не могла различить. И когда была она у светоносной раки святого, то, по его молитвам, прозрела и увидела свет, словно никогда не страдала недугом своим, и возвратилась восвояси, хваля и славя присно-сущего Бога и благодаря угодника Его Александра, такой дар от Бога имеющего.

Чудо святого о бесноватом

Добавлю к прежним и такое чудо, случившееся некогда. Привезён был в обитель святого некий человек, нещадно томимый от злого беса страшным недугом. Столь жестоко страдал от недуга своего, что совсем обезумел, так что не узнавал никого из бывших с ним и даже себя; к тому же и волосы на голове своей рвал и язык грыз. Родственники же привели его к гробу преподобного. И когда прочитали о нём молитву, тотчас

больной выздоровел, словно никогда и не болел. И вернулись в дома свои, великую славу воздавая угоднику Божию Александру, коему такой дар от Бога дарован.

Таковы сего благоверного благие порождения пресветлые, таков царского семени богосветлый скипетр, таков плод пресладкий, таков цвет присноцветущий, таков крин^[250] благоуханный, таково житие его досточудное, наипаче же высочайшее и превыше всех, таковы его изрядные и преславные чудеса, их же творит неоскудно и не перестаёт творить до сего дня, их же ради Богу слава ныне и присно и во веки веков, аминь.

Чудо преславное, как явился святой некоему духовному старцу, поехав во всеоружии на помощь благочестивому царю Ивану Васильевичу в приход крымского царя Девлет-Пщия на Молодях, в лето 7080-е (1572-е)

Велегласно же проповедано будет вам и сие. В обители Пречистой Богородицы, в ней же вседражайшее тело святого Александра Невского чудотворца, был некий монах по имени Антоний, долго живший в той обители, соблюдавший все монашеские заповеди, украшенный добрым житием, постник, искусный во всяких духовных подвигах. Он и поведал нам, словно от другого лица, а не от себя, о том, чему сам свидетель был, как о том впоследствии узнали. Поведал же он нам о вещах удивительных и достойных памяти, которые видел у гроба святого Александра во второе лето нашествия на Русь безбожного крымского царя Девлет-Гирея, что на Молодях^[251]. Стоял он, рассказывал, в то время в своей келии на молитве, моля со слезами всемилосердную христианскую заступницу Пречистую Богородицу даровать победу над безбожным врагом благоверному её рабу государю царю [и] великому князю Ивану Васильевичу, всея Руси самодержцу, и не предавать христианский род в руки нечестивых, святого же благоверного великого князя Александра, преподобного Алексия, на помощь призывал. И когда стоял он так на молитве, вскоре восхищен был мановением Божиим и узрел себя умственным зрением стоящим пред вратами обители и скорбящим о случившемся от безбожного крымского царя. И внезапно узрел он двух юношей с пресветлыми лицами, восседающих на двух белых конях и быстро, словно молнии, подъехавших к монастырским вратам. Сойдя у ворот, оставили они коней своих и поспешили, как можно скорее, в церковь Пречистой Богородицы, честного Ея Рождества, где лежит благоверный и великий князь Александр. Монах же тот, будучи человеком разумным, понял по образам их, написанным на

иконе, что юноши эти — святые страсотерпцы Борис и Глеб. И когда те светоносные юноши скоро вошли в святую церковь, сей инок последовал за ними. И стоял он, и удивлялся тому, что видел. Когда те светоносные юноши приблизились к церковным вратам, двери сами собою отворились, а свечи, стоявшие у гроба Александра, сами собою зажглись, и никто не отворял двери, ни возжигал свечи. Когда же сии светозарные юноши вошли в святилище Божие и зашли за столп, за которым лежит святой Александр, то обратились к нему с такими словами: «Восстань, брате, княже великий благоверный Александре, да поспешим на помощь и поможем сроднику нашему царю великому князю Ивану, ибо в сей день сражается с иноплеменниками». И как только сказали они это, встал великий князь Александр чудотворец из гроба, словно живой. О чудо, дива предивного исполненное! Ведь не только встал, но и вышел из церкви с двумя теми юношами; у церкви же, никем не удерживаемые, оказались три коня белых, словно снег, с уздою и в упряжи, словно уготованных на брань. Благоверный же великий князь Александр с обоими теми светозарными юношами, воссев на коней своих, погнал спешно, говоря: «Идём к Пречистой Богородице, в соборную богоименитую церковь, к сродникам нашим великим князьям Андрею, и Всеволоду, и Георгию, и Ярославу — да и они пойдут вместе с нами на помощь». Монах же тот пошёл вслед за ними, словно какая-то сила гнала его. И когда пришли они, церковные двери тотчас отворились сами собою, и они спешно вошли в святую богоименитую церковь. И увидел сей инок Всеволода, поспешно вставшего из гроба, и с ним троих других, и всех их, вместе с Александром и теми юношами, стало семеро. И вышли они все семеро из великого святилища церковного, и нашли у церковного притвора семь быстрых коней, изготовленных для битвы, как было прежде. Они же, скорые помощники во бранях отечеству своему, воссели на коней, и, как увидел монах, вскоре все семеро воспарили по воздуху через крепостную стену и устремились, словно молнии, в ту сторону, где находился богоименитый град Ростов, говоря друг другу: «Пойдём в Ростов к соратнику нашему царевичу Петру, чтобы и тот вместе с нами помог против безбожных измаильтян сроднику нашему царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси». И тут вскоре сделались невидимы, скрывшись из очей того инока. В то же время, как впоследствии стало известно, помощью Божиею одержал победу боговенчаный царь, великий князь Иван Васильевич, всея Руси самодержец: христианские полки победили безбожных агарян и с лица земли истребили их, укрепляемые милостью Божиею и святыми молитвами христианской заступницы преславной Богородицы и скорых помощников,

угодников Её. Мы же записали это в память последующих родов, да не будут в забвении добродейния святого, от многих немногие...

Из «Житий святых на русском языке, изложенных по руководству Четьих Минеи св. Димитрия Ростовского с дополнениями»

В основу этого многотомного издания, вышедшего в свет в Москве в 1900–1917 годах (из 15 задуманных томов успели выйти 14), положены Четьи Минеи святителя Димитрия, митрополита Ростовского, выдающегося русского агиографа конца XVII — начала XVIII века. Впрочем, его материалы — особенно если речь шла о русских святых — дополнялись по многим другим источникам. Ниже приведено ещё одно чудо святого Александра Невского, совершённое во Владимире около 1706 года.

В монастырской деревне Угрюмовой, Владимирского уезда, крестьянин Афанасий Никитин подвергся припадкам умоисступления, так что не узнавал окружающих, отказывался принимать пищу, совершенно лишился сна. Внезапно в минуту просветления он начал просить домашних, чтобы они отвели его в Рождественскую обитель к мощам благоверного князя Александра. Родные исполнили его желание, и вот на пути в обитель больной почувствовал себя здоровым и, придя в обитель, в сердечном умилении рассказывал всем, как явился ему святой князь Александр и как сам он указал ему искать исцеления у раки святых его мощей.

(Цит. по: 18. С. 220)

Из надписи на раке святого и благоверного великого князя Александра Невского во Владимирском Рождественском монастыре

Деревянная, украшенная резной работой, «сребропозлащенная» рака, в которой мощи святого князя хранились во Владимирском Рождественском монастыре до их перенесения в Санкт-Петербург в 1723 году, а затем и в Александро-Невском монастыре в Санкт-Петербурге, была устроена в 1695 году по повелению царей Ивана и Петра Алексеевичей. В эту раку святые мощи были торжественно положены в 1697 году. Надпись, подробно излагавшая подвиги святого Александра Невского, была сделана наверху по краям раки и в пяти особых медных позолоченных медальонах на её сторонах^[252].

В сей сребропозлащенной раке положенный Святыя мощи

Благоверного и Христоролюбиваго Великаго Князя Александра Ярославича, во иноцех Преподобнаго Алексия Невскаго и Владимирскаго и всея России Чудотворца, внука бывша Всеволоду, правнука Георгию Долгоруку, праправнука Владимиру Мономаху, иже был правнук Великому Князю Владимиру Святославичу, во Святом Крещении нареченному Василию, просветившему Российскую землю Святым Крещением, от него же осьмый степень Великих Князей Александр...

...В дни благочестивых царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержцев по благословению великого господина Святейшаго Кир Адриана, архиепископа Московскаго и всеа России и всех северных стран патриарха, устроена сия сребропозлащенная рака в честь и хранение целбоносных нетленных мощей Святаго Благовернаго Великаго Князя Александра в монасах Алексия Невскаго и Владимирскаго и Всероссийскаго чудотворца, иже почивает блаженно во граде Владимире в пречестной и великой обители Пресвятыя Девы Богородицы Марии в монастыре Рождественском при архимандрите тоа Лавры господине Иосифе Шернове. Потщася радетьельно в соделовании строения сего Святейшаго патриарха ризохранитель монах иеродиакон Боголеп, мироздания семь тысяч двести третьяго лета (1695 года).

(Цит. по: 127. С. 269–270)

Из «Слова на пренесение и преложение в новоустроенную раку мощей святого благоверного великого князя Александра Невского и Владимирского, в монасах преподобного отца Алексия, всея России чудотворца, еже быстьвлето 7205 (1697-е), месяца иулия в 1-й день»

«Слово» было составлено во Владимирском Рождественском монастыре и повествует о торжественном переложении святых мощей князя Александра в новую раку. Знаменательное событие состоялось 1 июля указанного года, и этот день должен был стать ещё одним днём памяти святого князя.

...Месяца иулия к 1 числу собрася града того (Владимира. — А. К.) и окрестных сёл и весей множественный народ и священнаго чина и причта церковнаго безчисленно. И соторше вечернее пение и всенощное бдение благодарение всегосподственней единице Отцу и Сыну и Святому Духу за вся Его неизреченная к нам благая воздаша, такожде и Пречистой Деве

Богородице Марии и преподобному отцу Алексею^[253] чествование по предложению церкви принесоша. Во утрие же иулиа месяца 1-го числа в день неделный пред божественною и святою литоргию наченши молебное пение чиновне. Чудотворивыя святого Александра, преименованнаго Алексиа мощи честне на ременах священнослужители воз-ложиша и с кадилы и свещами и псалмопении благоговейно к новой раце принесше, в новую раку положиша, идеже место устроено бысть в стене ко святому олтарю между дву храмов святых, един Пречистыя Девы Богородицы Рожества, второй же святого великомученика Георгия, идеже и ныне святыя те мощи в новоустроенной раке в созерцание всякой душе христианстей прѣдълежат. Их ж чест-вующе православнии народи всякаго пола, чина же и возраста верно лобызают. И достолепне поклоняющесе священне и прощение грехов и целбы получают. Тако убо всеблагий Бог прославляет святыя угодники Своя на земли и на небеси, яко вседушно его возлюбиша и послужаху в благоверии и чистоте. Их же ревновати благочестнаго жития всякому человеку подобает, да свободимся от всякаго зла и вражиих наветов и получим зде и во Царствии небесном благая о Христе Иисусе Господе нашем, Ему же со Отцем и Святым Духом честь и слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

И в той день пренесения ради и преложения святых мощей благовернаго сего святого Александра во обители святей празднество сотворяти уставивша.

(67. С. 254–255)

*

Однако празднество 1 июля в Русской церкви так и не утвердилось^[254]. Причиной тому стало перенесение спустя 26 лет, в 1723 году, мощей святого князя из Владимирского Рождественского монастыря в Санкт-Петербург по личному повелению императора Петра I.

ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ ИЗ ВЛАДИМИРА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Сенатский Указ о перенесении мощей святого и благоверного великого князя Александра Невского из Владимира в Санкт-Петербург

Июня 4 [1723 года]. Сенатский, вследствие Именного, объявленного словесно Синодальным Вице-Президентом Преосвященным Феодосием Синоду.

О пренесении мощей Святого Александра Невского из Владимира в Невский монастырь.

Его Императорское Величество, будучи в Александро-Невском монастыре, указал^[255]: обретающиеся во Владимирском Рождствене монастыре мощи святого благоверного Великого Князя Александра Невского пренести в тот Александро-Невской монастырь. По оному Его Императорского Величества Именному указу, Правительствующий Сенат приказали: для пренесения оных мощей, во первых, устроить удобный ковчег, которой бы раку святого с мощьми свободно вместить мог и имел бы над оною ракою приличный балдахин, а построить то всё, по рассуждению Святейшего Правительствующего Синода, из доходов Монастырского Приказу из наличных денег, какие в том Приказе ни будут, и нести оный ковчег и над ним балдахин людьми, с переменою; чего ради во всех городах и сёлах и деревнях брать как из посацких, так и из ямщиков и из крестьян, чьего б оные ведения ни были, по сколько человек надлежит, и при том пренесении быть Окольному Михайлу Васильевичу Собакину, да того Рожест-венного монастыря Архимандриту, да для провожания тех мощей и караулу и посылок велено дать из Московского гарнизона Обер-офицера с унтер-офицером и с двадцатью человек драгун; и тем как духовным, так и светским от Владимира до Санкт-петербурга дать ямские подводы из Ямского Приказу, а прогонные деньги из Штате-Ко нтооы, и как всё оное к пренесению потребное определено и приуготовлено будет, тогда то пренесение без всякого умедления действием производить, как о том в посланном из Святейшего Синода к помянутому Архимандриту указе будет написано^[256]; и нести оные мощи путем умеренно, со усмотрением мест,

дабы в удобных никакого свыше потребы медления, а в неудобных вредительной скорости не употреблялось; и при оных мощах как ему Окольникову, так Архимандриту и Обер-офицеру и драгунам всегда быть безотлучно и смотреть, чтоб ни от кого никаких при том сквернословий и непотребных действий отнюдь не происходило и в непреминуемых нужных местах оной ковчег с мощьюми как от мокроты, так и от прочих случайных вредительств был сохранён; и для лучшей, а паче от случайных пожаров безопасности нигде в лежащих при пути городах и сёлах со оными мощьюми не останавливаться, а иметь, во время потребы, станы в полевых местах и содержать оные в шатре, которой для того дать в Москве из Шатёрной Палаты; а когда к которому городу или селу приближаться оные имеют, тогда ему Окольникову посылать в города к Воеводам и прочим гражданским командирам и в сёла к светским обывателям, дабы ими при своих местах оные мощи предустреты и чрез те места препровождены были, со обычайною честью; а которого месяца и числа оный путь восприят и проезд чинён будет, тому иметь обстоятельный журнал, из которого выписывая, присылать ему в Сенат от каждого города на всякой почте рапорты, дабы о том было ведомо; и в пути иметь такое поспешение, чтобы могли с теми святыми мощьюми к Санктпетербургу прибыть приближающегося Августа к 20-му, а по всеконечной мере к 25-му числу неотложно; и о том о всём ему Окольникову чинить с тем Архимандритом с общего согласия; а как приближаться будут к Санктпетербургу, тогда прислать наперёд с рапортом нарочного курьера, и, остановясь в Вологодской ямской слободе, ожидать повелительного о прибытии определения.

(ЗЗ. С. 74–75. № 4241)

Перенесение мощей из Владимира в Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь (Из книги С. Г. Рункевича «Александро-Невская лавра»)

<...> Перенесение мощей святого Александра Невского было связано с той особой благоговейной памятью к святому князю-воителю, которая стала достоянием невосской столицы с первых же дней её возникновения.

Ещё в ноябре 1710 года последовал указ митрополита Стефана о включении в отпусты при богослужении имени святого Александра Невского как молитвенного предстателя за невоскую страну.

Когда новая невоская столица обстроилась и основанная в ней обитель

во имя святого Александра Невского^[257] обзавелась приличным храмом и достаточным составом братии, мысль о перенесении в неё святых мощей небесного её покровителя напрашивалась на осуществление сама собой. Ещё на памяти старожилков, при царе Алексее Михайловиче, в 1652 году, патриархом Никоном, тогда ещё митрополитом Новгородским, перенесены были святые мощи Филиппа, митрополита Московского, из Соловецкого монастыря в Москву. В феврале 1722 года архиепископ Феодосий был во Владимире, в Рождественском монастыре, где находились святые мощи Александра Невского, и вместе с архимандритом монастыря Сергием произвёл их освидетельствование. Мощи сохранились в серебряной раке, в которую были переложены «из старой» в 1697 году Суздальским митрополитом Иларионом.

4 июня 1723 года архиепископ Феодосий объявил в Святейшем Синоде, что Государь, будучи 29 мая в Александро-Невском монастыре, указал обретающиеся во Владимирском Рождестве монастыре мощи святого благоверного князя Александра Невского перенести в Александро-Невский монастырь.

Святейший Синод 30 июня постановил святые мощи в Александро-Невский монастырь перенести по примеру перенесения из Соловецкого монастыря в Москву святых мощей Филиппа митрополита в 7160 году. Устроить на государственные средства по определению Правительствующего Сената «удобную лектику, которая раку святого с мощами свободно б вместить могла и имела бы над оной ракой приличный балдахин», к лектике поставить испытанных смиренных лошадей с «надлежащим провожательством». При перенесении святых мощей «от стороны Святейшего Синода быть настоятелю Рождествена монастыря, в котором мощи почивают, и иметь ему при себе духовных персон и светских служителей умеренное по потребе число, а от стороны Правительствующего Сената быть достойной из знатного офицерства персоне, с надлежащим драгун или солдат числом», по усмотрению Сената. Все расходы должны быть приняты на государственный счёт, по примеру перенесения мощей Филиппа митрополита. «И как всё оное к перенесению потребное определено и приготовлено будет, тогда то перенесение без всякого умедления и действием производить». К назначенному для перенесения дню, «объявив о нём во граде для известия народу обычайно», отправить в монастыре архимандриту с священнослужителями всенощное бдение, с приложением службы благоверному князю, и в самый день перенесения совершить после литургии молебное пение. Затем, подняв раку с мощами святого князя, благоговейно, с подобающей честью,

вынести из церкви «со обыкновенной процессией» и поставить при церкви в лектику «честно и усмотрительно, дабы не точию мощам, но и раке никакого в пути повреждения не учинилось». Поставив раку «и распростерши балдехин и распорядив по приличным местам определённых к провожательству духовных и военных, чинов-но воспрять показанный путь, в который из града священному чину и народному собранию проводить со обыкновенным церковным пением и колокольным звоном, как мощи святого провожать долженствует, и, по том провождении, ехать оным путём умеренно, со усмотрением мест, дабы в удобных никакого свыше потребы медления, а в неудобных вредительной скорости не употреблялось». При мощах «как духовные персоны, так и охранительный от воинских караул, рассмотрительно определённый», всегда должны быть неотлучны для наблюдения, чтобы при святых мощах «никаких сквернословий и непотребных действий отнюдь ни от кого не происходило, и в непреминуемых нужных местах лектика с мощами, как от мокроты, так и от прочих случайных вредительств сохраняема была всякими мерами, сколько крайний смысл и конечная сила возможет», «в чём помянутым того провожательства начальствующим и духовной и светской персонам, яко поверенным блюстителям, опасное иметь тщание и бодрый присмотр и неусыпное попечение, а подчинённым их всеусердными в том и неутруждёнными себя показывать и охранительным всегда быть». Для лучшей безопасности, особливо от пожаров, нигде в лежащих на пути городах и сёлах с мощами не останавливаться, но, проезжая города и сёла, иметь остановки «в удобных полевых местах». Святые мощи помещать в шатре, под надлежащим присмотром и охранением. А когда святые мощи будут приближаться к которому городу или селу, то посылать вперёд, за несколько прилично вёрст, письменное известие: архимандриту в города к архиереям и духовных дел управителям, а в сёла к священнослужителям, офицеру — в города к воеводам и прочим гражданским командирам и в сёла к светским обывателям, для встречи святых мощей и препровождения с процессией и звоном благоговейно. Всему пути вести «обстоятельный журнал», «из которого выписывая, присылать в Святейший Синод от каждого места на всякой почте рапорт», дабы в Синоде о том было ведомо. При приближении к Петербургу прислать за несколько вёрст в Синод с рапортом нарочного курьера и, остановясь в удобном месте, ожидать «повелительного о прибытии определения». Бывшему в Москве синодальному советнику, преосвященному Леониду, архиепископу Сарскому и Подонскому, предписывалось встретить святые мощи «с прилучившимися в Москве архиереи, и архимандриты, и игумены, и со

всем священным собором в воскресный или в какой праздничный день, пред литургией, за городом с крестным хождением», и сопровождать их до Тверских ворот и за город «с народным собранием», для чего и объявление пред тем временем публичное учинить, а во время процессии быть в Москве при всех церквах обыкновенному звону. Назначенному для сопровождения мощей архимандриту предписывалось, «дабы он имел в пути такое поспешение», чтобы мог со святыми мощами «к Санкт-Петербургу прибыть приближающегося августа к двадцатому, а по всеконечной мере к двадцать пятому числу неотложно».

Сенат, обсудив полученное из Святейшего Синода ведение, постановлением 10 июля предложил устроить для перенесения мощей, вместо лектики, удобный ковчег, «который бы раку святого с мощми свободно вместить мог и имел бы над оной ракой приличный балдахин». Расходы Сенат полагал возместить из доходов Монастырского Приказа, из наличных денег, какие в Приказе окажутся. Нести ковчег и над ним балдахин людьми, с переменной. С этой целью «во всех городах и сёлах и деревнях брать, как из посадских, так и из ямщиков и из крестьян, чьего бы оные ведения ни были, по сколько человек надлежит». Для сопровождения мощей был назначен окольный Михаил Васильевич Собакин. Для провождения святых мощей, для караула и посылок даны из Московского гарнизона обер-офицер с унтер-офицером и 20 человек драгун. Подводы всем от Владимира до Петербурга даны из Ямского Приказа, а прогонные деньги из Штатс-Канторы. Святейший Синод, заслушав ведение Сената, того же 10 июля сделал дополнительное постановление: «вместо лектики, которая была бы лошадьми везена, устроить удобный ковчег, который бы раку святого с мощми свободно вместить и людьми несён быть мог и имел бы над оной ракой приличный балдахин с надлежащим державной персоне украшением, с примеру учинённого оной прежде определённой лектики с балдахинном абриса, и при том строении быть в Москве супер-интенданту Зарудневу, которому, под ведением и присмотром обретающегося в Москве синодального члена и ассессоров, оное всё построить, как оным сенатским ведением показано, из наличных Монастырского Приказу денежных доходов, какие в том Приказе ни будут, счисляя оные в счёт Штате — Канторы. А нести оный ковчег с мощми через города и знатных, довольное священников число имеющих, места, где сретение оным и провождение со обычной процессией будет, священным чином, а через деревни и в прочих путевых местах определёнными от Сената светскими людьми с обычной переменной». Предписано было «в пути иметь усердное поспешение, чтобы как возможно святые мощи к Санкт-Петербургу

принесены были к показанному Святейшего Синода прежним приговором приближающегося августа 20-му, а по всеконечной мере к 25-му числу неотложно».

Работа, начатая Зарудневым 25 июля, была закончена им к 1 августа; 7 августа ковчег был привезён во Владимир, где 10-го числа был совершенно окончен и украшен. Сохранилось описание ковчега с балдахином. Ковчег был четырёхугольный, «крышка» на нём «шатром»; обит бархатом малиновым и позументом золотым; вокруг ковчега 8 личин львиных с скобками, чеканных медных, позолоченных, под ковчегом 8 подножек с херувимами, деревянных резных, позолоченных, под ножками амвон, обит сукном зелёным; на крышке ковчега подушка бархатная лазоревая, со всех сторон обложена золотым позументом, и 4 золотых кисти; на подушке «шапка княжеская» малинового бархата, накрест обложенная золотым позументом и опушенная горностаем с серебряным вызолоченным крестом. Над ковчегом балдахин сверху обит был бархатом таусинным^[258], а в середине сверху байбереком^[259] малиновым, с золотыми позументами; подзор у балдахина зелёный бархатный, выложен позументом золотым — широким, средним и узеньким и «немецкими всякими штуками и звёздочками и вкруг звёздочек и на концах обшит сукном золотым». У подзора 28 кистей золотых, у балдахина 4 вензеля с шапками гренадёрскими, медные чеканные, вызолоченные. Сверху балдахина крест медный, вызолоченный, с распятием чеканным, вызолоченным, 4 лампы медные, золочёные. Внутри балдахина подбито тафтою двоеличною рудожёлтою, а в середине камкою брусничною. У раки, в которой почивали мощи святого князя, под окладом ковчег деревянный, а на ковчеге построено возглавие едино, а со сторон — с одной одна, а с другой 3 тумбы с надписями чеканными и между ними оклад медный золочёный с травами, поверх раки образ святого князя, на образе венец, оплечья и поля обложены серебром и вызолочены; при раке «плащаница большая» — образ святого Александра Невского, шит по камке лазоревой, над главой святого князя образ Пресвятыя Троицы, венцы обнизаны жемчугом, опушка из атласа зелёного, тропарь и кондак шит золотом и серебром. Для несения ковчега было устроено «носило» деревянное, на носиле 8 столбиков деревянных, у столбиков и вверху и по сторонам 24 крюка с петлями. Когда балдахин утверждён был над ковчегом, то образовалось сооружение в вышину 5 аршин 10 вершков, в длину с носилками 11 аршин, в ширину 7 аршин. Несли его около 150 человек, а иногда и больше, только с места подняли 96 человек.

За разными приготовлениями перенесение святых мощей началось только 11 августа. После литургии и водосвятного молебна святые мощи были подняты, вынесены в южные двери и поставлены в приготовленный ковчег. Ни в одни ворота пройти было невозможно. Пришлось разобрать забор. При шествии через торговую площадь на большой улице пришлось, за теснотой, сломать несколько прилавков.

«И вынесли из града святые мощи с крестами и со звоном и с провожением духовных персон и светских всяких чинов жителей, со множеством народа, несли святые мощи за город, и вынесли и поставили на Студёной горе, духовные персоны, священники и диаконы, в расстоянии от монастыря в версте.

И в той день в Володимере в монастырях и при соборных и приходских церквах был звон до ночи; день был красной; а к вечеру был дождь небольшой и ветер превеликой, и на той Студёной горе с мощьми святого ночевали».

12 августа стояли на горе до полудня, ожидая изготовления вощанки, которую делали для предохранения от пыли и от дождя, «и в путь пошли, не дождавшись той вощанки, и, отошед 10 вёрст, до реки Колокши, и переправясь оную реку, ночевали; остановились в час ночи».

«В 13-й день от реки Колокши в путь пошли в 3-м часу дня, для того, что привезли клеёнку и на ковчег убирали; и шли до села Дмитриевского; из того села встретили святого мощи со кресты священник да диакон с прочими многими народы за версту, и в том месте архимандрит облачался».

Далее в журнале архимандрита Сергия следуют непрерываемою цепью сёла и встречи «со многими народными людьми». «Несли святые мощи с ношатыми мужеска полу людьми многие шляхецкие жёны и дети их малолетние, многое число».

Иногда «была остановка на реке за худым мостом, стояли долго и мост делали», однажды «мост под мощьми и под ношатыми людьми обломился», иногда был «дождь во весь день и дорога огрызла и ношатым была трудность немалая», иногда «за худым мостом через речку с мощьми святого ношатые люди шли водою по колени». 17 августа подошли к Москве.

«От Володимера до Москвы в препровождении были синодальных монастырей игумены: Сновицкого монастыря Виктор, Козмина монастыря Карион со иеродиаконы и при них по дороге в Володимерском, Переславль-Залесском и Московском уездах священника по 3 и по 4, да по 2 и по 3 дьякона».

18 августа в Москве была торжественная встреча у Красного пруда, где

стоял ковчег с мощами, архимандритом Симоновским и, не доходя Ямской, — архиереем Фиваидским Арсением.

У Креста встретили Леонид, архиепископ Сарский и Подонский, Варлаам, епископ Суздальский и Юрьевский, архимандриты, игумены и протопопы и прочие духовные чины; «и чли тут ектению и Евангелие Богородицы, а над ковчегом святого несли 4 рипиды дьяконы; и пошли в Москву Мещанскою улицею» и по Сретенке, Введенской, Петровской, Тверской. Отсюда первоначально предполагали идти в Кремль, но был сломан мост. Поэтому «от Моисеевских богаделен шли Тверскою к Белому городу в триумфальные Иверские ворота к Земляному городу и перешли за Ямскую Тверскую улицу в поле во 2-м часу пополудни, и тут архиерей чёл Евангелие святому и, отпустя молебен, по осенении честным крестом, пошли со кресты в Москву».

Весь тот день до вечера был во всей Москве звон.

«И, отошед 3 часа пополудни от Ямской слободы 105 и от Рогаток 58 сажень, ковчег святого поставили в поле и при нём государев шатёр, и тут ночевали; и тут было множество народу, для которых пели молебны чуть не во всю ночь разные священники».

23 августа были в Клину и тут стояли более пяти часов. 26-го — в Твери. В Твери «нерачением и неготовностью Тверского посаду бургомистра и прот-чих в улицах и в мостах по переправам и через реку Волгу чинилось немалое затруднение: понеже в улицах за теснотой ломаны многие хоромы; несли посадские люди». 28-го пришли к Торжку. 31-го дошли до Вышнего Волочка. 7 сентября от села Бронниц в путь пошли водою; в провождении святых мощей на судне были 2 священника. «Стали ночевать, отошедши 14 вёрст, против Николаевского Липинского монастыря; и тут стояли за превеликой необычайной погодой по 9-е число». В 9-й день «вышли на озеро Ильмень в 9-м часу; пришли до Юрьева монастыря в 10-м часу по полуночи; и тут встречали со кресты в лодках иеромонахи и иеродиаконы и монахи того монастыря. И пришли до пристани в Новгород, и тут ковчег святого вынимали из судна и убирали болдехин и прочее и несли в город, и тут же встречали со кресты епископ Иоаким, архимандриты, игумены, протопопы и прочие духовные чины, да из мирских господ господин генерал Волков, да воевода Хилков и прочие начальнейшие и купецкие и всяких чинов люди со множеством народа».

Затем «понесли посадские люди, через мост Волховский в ворота, что у гостинного двора, и в город в Спасские, где стояли с полчаса, затем, что широта носилок и высота ковчеха пройти не могла, для чего в оных воротах вынимали брус и у носилок оттирали со сторон шестов вершка по два, и,

пронесши ворота, на учинённых из архиерейского дому скамьях, убитых коврами, поставили у самой соборной церкви, у северных дверей, и пели тут молебен, а в соборе и везде до вечера был звон, а перед ковчегом был поставлен шатёр государев и караул».

«А за 5 часов до свету был в соборе благовест ко всеобщему бдению, а пели при епископе певчие архиерейские, и отпели за час до свету, и тут же разбирали болдехин и ставили на ковчег клеёнку меньшую, для того, что в день и в ночь был дождь небольшой.

В 10-й день в час дня был в соборе благовест до божественной литургии, и служил епископ Иоаким с архимандриты и игумены и протопопы, и на отпуске сказывал казанье монах Прибылович о почитании святых икон и святого объявлял от жития его, а отслужи литургию, епископ, вышед со всеми духовными персонами из собора и перед ковчегом начав молебен, пошли провожать через Волховский мост и, сошед против Хутынского подворья, ставили ковчег святого в судно и провожали с кресты архиерей и прочие духовные чины и воевода с прочими со всем народом до Антоньева монастыря Римлянина и, прочет на том судне Евангелие, отбыли со кресты в город, и с утра был везде же звон.

И в путь пошли рекой Волховом к Ладоге и, отошед 10 вёрст до Хутыня монастыря, и тут встречу святого мощам было архимандритом и с братьёю и из прочих при том Новгороде монастырей встречу и провождение святым мощам было же, архимандриты ж и игумены с честными кресты и со святыми иконами.

И от того монастыря в путь пошли в ночь. 13 сентября дошли до города Старой Ладоги, и из оной Ладоги встретили святые мощи со кресты Ивановского монастыря игумен Лаврентий, да Николаевского монастыря строитель Гавриил с братьёю и с прочими духовными персонами и со светскими служителями и с собранием многочисленного народа и проводили за город со обычайною процессиею и с звоном.

А из Новой Ладоги встретили святые мощи морского флота порутчик господин Косенков, да дому светлейшего князя управитель Алексей Жеребцов, да бургомистр Алексей Барсуков с прочими за 8 вёрст под селом Покровским.

А как прибыли к оной Ладоге, встретили святые мощи с честными крестами и со святыми иконами протопоп с прочими духовными персонами и светскими служителями и с собранием многочисленного народа у канала, и проводили оным каналом до моста, и у того моста ночевали».

В 15-й день из Новой Ладоги в пути пошли к Шлиссельбургу сухим

путём после обедни. «В 19-й день прибыли к Слюшенбурху^[260] и из Слюшенбурха встретили святого мощи поп с протчими церковники и с светскими служителями с честными кресты и с святыми иконами за 5 вёрст, да встречали ж из Слюшенбурха бригадир господин Шувалов и господин полковник и комендант Бухольц с товарищи начальнейшими и проводили до пристани, которая имеется при реке Неве с приезде, званием пушешная, с собранием многочисленного народа; у той пристани октября по 1-е число стояли.

Того же числа получили из Святейшего Синода указ, чтоб поставить святого мощи в Слюшенбурхе в каменной церкви до указа, и о том в Святейший Синод прислал доношение». По осмотру и по мере как в градских воротах, так и в церковных дверях с ковчегом оказалось пройти невозможно. 29-го получили из Канцелярии Святейшего Синода указ вынуть раку с мощами из ковчега и поставить в Шлиссельбурге в церкви, «а болдехин и ковчег, убрав, содержать в приличном месте до указа; архимандриту с путевым журналом, также и со обретающимися при ковчеге для путевого расходу подьячими быть в Санктпитебурх и явиться в Святейшем Синоде». В 1-й день октября, «подняв ковчег с мощьми из судна, пошли в город, ковчег несли людьми до церкви, а как принесли к церкви, и выняли из ковчега раку с мощьми, и внесли в церковь с трудностию, и поставили на ступенях у правого крылоса, и, запечатав сверху прежних печатей, отдали коменданту и попу именно во всякой целости».

По всему пути рассылались указы о приготовлении для несения святых мощей по 100 человек.

30 октября архиепископ Феодосий объявил в Святейшем Синоде высочайший указ, чтобы при ковчеге, в котором рака с мощами принесена из Владимира в Шлиссельбург и имеет быть перенесена в Петербург, «устроить арматуру по абрису, каков в С.-Петербурхе учинён». Только 21 июля 1724 года Святейший Синод приступил к исполнению этого высочайшего указа, постановив соорудить нужную арматуру со всею поспешностью, под наблюдением архитектора Швердфегера. Арматура была несложная: 4 клейма к балдахину, к раке шлем с латою и 2 щита. 26 июля, будучи за литургиею в Троицком соборе, Государь приказал архиепископу Феодосию «ехать в Шлюсенбург ко гробу святого благовернаго князя Александра Невскаго с мощьми и, что надлежит к принесению оногo августа до 30-го дня сего года, осмотря, заранее исправить». Преосвященный Феодосий с архитектором Швердфегером и живописцем Иваном Одольским отправились в Шлиссельбург и порешили,

что к перенесению святых мощей в Петербург надлежит: написать образ святого благоверного князя Александра Невского в великокняжеской одежде, которому и быть на фобе; облегчить тяжесть перенесения святых мощей, заменив ковчег более легкими носилками; подновить балдахин. Об этом 6 августа и было написано донесение Святейшему Синоду. А 8 августа судья Головачёв послал с нарочным в Шлиссельбург к коменданту, полковнику Абраму Дмитриевичу Бухольцу, письмо: «Понеже его архиерейство, преосвященнейший Феодосий, архиепископ Великоновоградский и Великолуцкий и архимандрит монастыря Александро-Невскаго, желает быть известен, как при гробе святого благоверного князя Александра Невского, так и при ковчеге в Шлюсенбургском соборе опись имеется ль и в чьём ведении, также и при раке на серебрянных деках со имеющейся подписи прикажи священникам, списав, прислать точные копии неумедля». 18 августа Бухольц прислал копии описей ковчегу, балдахину и раке и список надписей.

«У раки под окладом» ковчег деревянный, а на ковчеге «возглавие едино, да с едину сторону 3, с другою едина же тумбы, а оныя тумбы с подписями обронными чеканными и между ими окладу медной золочёной с травами». «Поверх раки» образ святого благоверного великого князя Александра Невского, венец и оплечье и поля обложены серебром, позолочены. Мерово рака в длину 3 аршина с вершком, поперёк аршин 4 вершка, в вышину аршин 5 вершков. «При раке» «плащаница большая — образ чудотворца Александра Невского, шита по камке лазоревой, над главою образ Святыя Троицы, венцы обнизаны жемчугом, опушка атлас зелёный; тропарь и кондак шита золотом и серебром, подложена тафтою красною». <...>

Ещё 15 июня 1724 года Святейший Синод постановил: «Отныне» святого благоверного великого князя Александра Невского «в монашеской персоне никому отнюдь не писать», «а писать тот святого образ во одеждах великокняжеских».

Помещавшийся в раке образ святого Александра Невского в монашеском одеянии был снят, и вместо него «подкреплён под оклад» образ, «писанный на тафте, в княжеской одежде»; венец и оплечья серебряные были сняты. Снята была и «плащаница большая» с образом святого Александра Невского и Пресвятой Троицы.

Новый образ святого Александра Невского написан был живописцем С.-Петербургской типографии Иваном Одольским. Исправлен был балдахин, переменена на нём материя, железные гвозди заменены медными, добавлена резьба. Всего израсходовано 150 рублей.

Рака была обита парчою, взятою с дорогих риз Шлиссельбургской соборной церкви. Впоследствии церковь добивалась, чтобы на монастырский счёт заготовлены были другие ризы.

«21 августа в Невской Канцелярии Судия Стефан Филиппович Головачёв объявил: великий господин Святейшаго Правительствующаго Синода вице-президент, преосвященный Феодосий, архиепископ Великоновгородский и Великолуцкий и архимандрит монастыря Александра-Невскаго, в присутствии своё в Невском монастыре приказал к перенесению мощей святого благовернаго великаго князя Александра Невскаго заготовить с абриса монастыря Александро-Невскаго медною грядорованною доскою напечатать синодальной команды в Типографии» для поднесения Государю и Государыне с их высокою Фамилиею 5 экземпляров на тонкой белой тафте и высоким и знатным особам 200 экземпляров на александрийской бумаге. Доска с тафтою и бумагою в тот же день была доставлена в Синодальную Типографию. Эта медная доска, изготовленная, как на ней и означено, Петром Пикартом, сохранялась в древлехранилище Лавры. После праздника снимок абриса был отпечатан в «довольном числе» и пущен в продажу. Прикупили 5 пудов пороху и прочих материалов, необходимых для производства стрельбы из пушек. <...>

День перенесения святых мощей был в воскресенье. В 5 часов утра тремя выстрелами с крепости столица была оповещена о предстоящем торжестве. По этому сигналу собрался Невский флот и в полном составе пошёл по направлению, откуда должны были прибыть святые мощи, к Шлиссельбургу. Прибыли святые мощи на галере. Царь встретил их у кирпичных заводов и, по сохранившимся рассказам, сам стал у руля галеры, на которой следовали святые мощи, а бывшие с ним сановники стали у вёсел. При пушечных салютах и колокольном звоне честные останки святого великаго князя Невскаго были встречены на берегу Невы, у монастыря, духовенством, войсками и народом. С берега святые мощи были перенесены Государем и сановниками в монастырь и поставлены в «новой церкви», которую «святили в тот же день». <...>

(Цит. по: 121. С. 203–222)

Из «Владимирских епархиальных ведомостей»

...Для сретения Святых мощей из Шлиссельбурга Государь со всем генералитетом выехал на галере к устью реки Ижоры и, сняв оные с яхты

своими руками на галеру, повелел своим сановникам сесть за вёсла, а сам управлял рулём. И таким образом, при пушечной пальбе, продолжалось плавание до Александро-Невского монастыря. На встречу Святым мощам к Александро-Невскому монастырю на Неву выведен был под штандартом ботик Петра Великого, как возродитель российского флота. На берегу расставлены были полки. Когда галера пристала, то при пушечной и оружейной пальбе Государь с сановниками подъял раку и принёс в Александро-Невскую церковь на назначенное к постановлению место.

(119. С. 849)

Из народного предания о перенесении мощей святого Александра Невского

Известно, что личность и деяния императора Петра I неоднозначно воспринимались в русском обществе: в нём видели не только великого преобразователя России, но и воплощённого антихриста. Так же неоднозначно отнёсся простой народ и к перенесению мощей горячо почитаемого князя Александра Невского из Владимира в новую столицу на Неве. Вот как передаёт одно из народных преданий на этот счёт историк И. А. Шляпкин (это предание он слышал сам в детстве, в Петербурге, в 1860 году):

Святой князь не пожелал покоиться в лавре, рака его при вскрытии найдена пустою, а мощи оказались на старом месте во Владимире. Когда это случилось в третий раз, то Пётр I при обратном перенесении мощей снова открыл раку, но от неё поднялось пламя. Тогда государь запер раку на ключ, который бросил в Неву, и с тех пор мощи под спудом, и неизвестно где, в Петрограде или во Владимире.

(133. С. 7—18)

Синодальный Указ от 15 июня 1724 года о воспрещении писать на иконах изображение Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского в монашеских одеждах и о постановлении писать образ его в одеждах великокняжеских

Святейший Правительствующий Синод имели рассуждение о изображении на иконах Святого Благоверного Великого Князя Александра

Невского, рассуждено: отныне того святого в монашеской персоне никому отнюдь не писать, — и о том послать куда надлежит крепкие из Синода указы, а в Сенат для известия сообщить ведение немедленно. А писать тот святого образ во одеждах великокняжеских.

(36. С. 148. № 1318)

Синодальный Указ от 2 сентября 1724 года о сочинении к службе Святому и Благоверному Великому Князю Александру Невскому седальных и канона; о напечатании всей службы вообще для рассылки по всему государству и о повелении праздновать оную службу не 23 ноября, а 30 августа

Синодальной вице-президент преосвященный Феодосий, архиепископ Великоновгородский и Великолуцкий и архимандрит Александроневский, объявил словесно именной Его Величества указ, что Его Величество, Всепресветлейший, Державнейший Государь Пётр Великий, Император и Самодержец Всероссийский, будучи в Троицко-Александроневском монастыре прешедшего августа 30-го дня, во время пренесения мощей Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского, указал: к сочинённым ему Святому Благоверному Великому Князю Александру Невскому стихирам и синоксарию сочинить седалны и канон, и по сочинении всю ту службу, по обыкновению, напечатать и разослать во всё государство с таким повелением, дабы повсюду вместо преждебывшего ему Святому Благоверному Великому Князю Александру Невскому ноября 23-го числа службы отныне праздновали августа в 30-м числе непременно.

Вышеобъявленной Его Императорского Величества именной указ исполняя, Святейший Синод согласно приговорили: оной Святому Благоверному Великому Князю Александру Невскому канон, седалны и всю ту службу, как надлежит быть, совсем исправно учинить синодальному советнику, школ и типографий протектору, Троице-Сергиева монастыря Архимандриту Гавриилу, и по сочинении, для апробации, предложить Святейшему Синоду в какой возможно скорости, — и о том его преподобию дать указ...

(36. С. 188. № 1347)

16 октября 1724 года по запросу архимандрита Гавриила Бужинского

последовал дополнительный указ о сочинении службы:

...Оной синаксарь сочинить из обретающегося в Прологе жития его, приложив к тому из бывшей с шведами и окончившейся миром войны краткую историю, и пренесение его святых мощей, по приличию...

(36. С. 248. № 1390).

Служба святому Александру Невскому была завершена архимандритом Гавриилом к 13 января 1725 года, о чём также последовал синодальный указ о немедленном её печатании в типографии Александро-Невского монастыря

(36. С. 311. № 1453).

В синоксаре при этой службе, после изложения событий 30 августа 1724 года, записано:

...И узакониша соборне память святого благоверного великаго князя Александра, яже празднуема бе ноемврия 23-го дне, в вечные годы праздновать августа 30-го, в он же и пренесение сотворися мощей его, и Свейская брань желаемым окончися миром.

(Цит. по: 121. С. 222)

Однако судьба празднования 30 августа оказалась непростой.

Синодальный Указ от 18 сентября 1727 года о возвращении разосланной по церквам книги «Служба Святому Благоверному Великому Князю Александру Невскому»^[261]

Святейший Правительствующий Синод... приказали:...напечатанные в типографии Троицкого Александроневского монастыря Святому Благоверному Великому Князю Александру Невскому службы, которые разосланы ж во всей Российской империи к церквам, от тех церквей по тому ж все собрать, по прежнему, а именно: в Санктпетербурге и в прочих новозавоёванных городах и уездах, которые имеются особливо в ведомстве Святейшего Синода, — в Синодальную Канцелярию, а в Москве и в Синодальной области, под ведомством Духовной Дикастерии имеющейся,

— в ту Дикастерию, а в епархиях — в дома архиерейские, без замедления, и хранить те службы в тех местах, до указа, в целости. А коликое число где их собрано будет, для известия прислать рапорты. А впредь празднество Великому Князю Александру Невскому отправлять по прежнему, по месячной Минее^[262]. И о том из Святейшего Правительствующего Синода в вышеозначенные места, куда надлежит, послать указы.

(37. С. 93. № 2041)

Указ императрицы Анны Иоанновны о возобновлении празднования Святому и Благоверному Великому Князю Александру Невскому ежегодно 30 августа

Сентября 15 [1730 года]. Синодский, в следствие именного сентября 4. Об отправлении Святому Благоверному Великому Князю Александру Невскому празднества по прежнему ежегодно августа 30 дня.

В прошлом 1724 году сентября 2 дня, по Именному высокославной и вечнодостойной памяти Его Величества Петра Первого, Императора и Самодержца Всероссийского, указу и по определению Святейшего Правительствующего Синода посланы указы, как во все епархии к архиереям и ставропигиальных монастырей к архимандритам, и при тех Святому Благоверному Великому Князю Александру Невскому, к удовольствованию всех в Великороссийской Империи обретающихся церквей, печатные службы, с таким повелением, дабы вместо преждебывшей тому Святому Благоверному Великому Князю Александру Невскому ноября 23 числа службы праздновать августа в 30 числе непременно. А сентября 18 дня прошлого 1727 года по рассуждению и определению Святейшего Правительствующего Синода велено оные Святому Благоверному Великому Князю Александру Невскому разосланные печатные службы от всех во Всероссийской Империи обретающихся церквей отобрать, а празднество тому Святому Благоверному Великому Князю Александру Невскому отправлять по прежнему по месячной минее. А сего сентября 4 дня, по именному ж Ея Императорского Величества указу и по определению Святейшего Правительствующего Синода, велено: отныне впредь оное Святому Благоверному Великому Князю Александру Невскому празднество отправлять означенного августа месяца 30 числа по церквам повсягодно, везде неотменно.

(34. С. 324–325. № 5621)

Михаил Ломоносов

Надписи на раке святого и благоверного великого князя Александра Невского в Александро-Невской лавре

Работы по изготовлению новой роскошной гробницы Александра Невского были начаты по распоряжению императрицы Елизаветы Петровны в 1746 году. На изготовление раки пошло первое серебро, добытое в царствование Елизаветы с Кольванских рудников в Сибири и дарованное императрицей «в дар святому на соблюдение святых его мощей». Сам саркофаг был изготовлен к 30 августа 1750 года — дню празднования перенесения мощей святого князя. Затем в течение нескольких лет продолжались работы по сооружению огромной пятиярусной пирамиды и украшению саркофага. Полностью они были завершены к 30 августа 1753 года. По единодушному признанию историков и искусствоведов, серебряная рака Александра Невского является уникальным, «единственным в своём роде» произведением русского ювелирного искусства. Надписи на боковой стороне саркофага и на щитах третьего яруса пирамиды были сочинены выдающимся русским учёным и поэтом Михаилом Васильевичем Ломоносовым.

(На боковой стенке саркофага)

Святой и храбрый князь здесь телом почивает,
Но духом от небес на град сей призирает
И на берега, где он противных побеждал
И где невидимо Петру споспешествовал.
Являя дщерь его усердие святое,
Сему защитнику воздвигла раку в честь
От первого сребра, что недро ей земное
Открыло, как на трон благоволила сесть.

*Лета Господня 1750, государствования своего 9,
августа 30 в Санктпетербурге.*

(На правом щите третьего яруса пирамиды)

Богу всемогущему
и Его угоднику

Благоверному и Великому Князю
Александру Невскому,
Россов усердному защитнику,
презревшему прещение мучителя,
тварь боготворить повелевавшего,
укротившему варварство на Востоке,
низложившему зависть на Западе,
по земном княжении в вечное царство
переселенному в лето 1263.

Усердием
Петра Великого
на место древних
и новых побед
перенесенному 1724 года.

(На левом щите)
Державнейшая
Елизавета,
отеческаго ко святым почитания
подражательница,
к нему
благочестием усердствуя,
сию
мужества и святости
его делами
украшенную раку
из первообретенного
при ея
благословенной державе
серебра
сооружить благоволила
в лето 1750.

(Цит. по: 94. С. 89–90; ср. 109. С. 283, 491–492)

*

В 1774 году по повелению императрицы Екатерины Великой в

Александро-Невском монастыре был заложен новый соборный храм во имя Святой Троицы по проекту архитектора И. Е. Старова. Торжества закладки храма происходили 30 августа, в день празднования перенесения мощей святого князя Александра Невского. Строительство было завершено только в 1790 году. 30 августа этого года состоялось освящение храма и торжественное перенесение сюда из Благовещенской церкви святых мощей.

В Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры мощи святого и благоверного великого князя Александра Невского покоились до 1922 года. 12 мая 1922 года гробница святого князя была вскрыта, а мощи извлечены из неё (это было в самый разгар кампании по изъятию церковных ценностей «в пользу голодающих»). Сама гробница чудом избежала переплавки и была передана в Государственный Эрмитаж, где и хранится по сей день. Мощи же святого Александра, небесного покровителя Санкт-Петербурга, 20 ноября того же года были также изъяты и переданы в Казанский собор, ставший при Советской власти Музеем истории религии и атеизма.

3 июня 1989 года состоялось торжественное возвращение великой святыни Русской Православной церкви. Опечатанный ларец из кипарисового дерева, в котором хранились святые мощи, был вскрыт и драгоценные останки переложены в более вместительный ковчег. Перенесение мощей в Александро-Невскую лавру было совершено митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием (Ридигером), впоследствии святейшим патриархом. Торжественная встреча святых мощей, на которую собралось множество верующих не только из Ленинграда, но и из других городов нашей страны, состоялась на площади перед Свято-Троицким собором. В самом храме прошла Божественная литургия.

Так град Святого Петра вновь соединился со своим небесным заступником и покровителем.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

1220 (1221?) — рождение.

1228 — первое упоминание Александра вместе с братом Фёдором в Новгородской летописи.

1231, *январь* — первое, номинальное княжение Александра вместе с братом Фёдором в Новгороде.

1233, *10 июня* — смерть старшего брата Фёдора.

1236 — начало самостоятельного княжения Александра в Новгороде.

1238 — нашествие Батые на Северо-Восточную Русь. Ярослав Всеволодович, отец Александра, становится великим князем Владимирским.

1239 — женитьба на полоцкой княжне Александре (?) Брючиславне.

1240, *15 июля* — победа над шведами на Неве.

Зима — отъезд Александра из Новгорода к отцу.

1241 — возвращение на княжение в Новгород. Взятие Копорья.

1242 — освобождение Пскова.

5 апреля — Ледовое побоище.

Заключение мира с немцами.

1245 — победы над литовцами у Торопца, Зижича и Усвята.

1246, *30 сентября* — смерть отца Александра великого князя Ярослава Всеволодовича.

1247–1249 — поездка Александра вместе с братом Андреем в Орду, к Батюю, а оттуда — в Каракорум. Александр получает ярлык на великое княжение Киевское, а Андрей — на великое княжение Владимирское.

По возвращении переговоры Александра с послами папы Иннокентия IV.

1251 — болезнь Александра. Переговоры в Новгороде с послами норвежского короля Хакона Хаконарсона.

1252 — поездка Александра в Орду. «Неврюева рать». Александр получает ярлык на великое княжение Владимирское.

1255 — подавление новгородского мятежа.

1256 — зимний поход в Финляндию.

1257 — поездка Александра вместе с другими князьями в Орду. «Исчисление» (перепись) СевероВосточной Руси татарскими чиновниками.

Жестокое подавление Александром мятежа в Новгороде.

1258 — поездка Александра вместе с другими князьями в Орду.
1259/60, зима — взятие татарами «числа» с Новгорода при поддержке и личном участии Александра.

1262 — восстания в городах СевероВосточной Руси против откупщиков дани. Поход русских войск на Юрьев под номинальным командованием князя Дмитрия Александровича, сына Александра Невского. Осень — поездка Александра в Орду.

1263, 14 ноября — предсмертное пострижение князя Александра в иноческий чин и кончина в Городце на Волге, на обратном пути из Орды.

23 ноября — погребение во Владимире.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Акафист святому благоверному великому князю Александру Невскому, в иноках Алексию. Празднование 23 ноября / 6 декабря. М., 2000.
2. Акты исторические, относящиеся к России, извлечённые из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым (*Historica Russiae Monumenta*). Т. 1. СПб., 1841.
3. *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М.; Л., 1940. С. 71–112.
4. *Бегунов Ю. К.* К вопросу об изучении Жития Александра Невского // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т. 17. М.; Л., 1961. С. 353–358.
5. *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965.
6. *Бегунов Ю. К., Клейненберг И. Э., Шаскольский И. П.* Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л., 1966.
7. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII век. СПб., 2005.
8. *Большакова С. А.* Папские послания Галицкому князю как исторический источник // Древнейшие государства на территории СССР. 1975 г. М., 1976. С. 122–129.
9. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / Пер. Л. М. Поповой. М., 1987.
10. Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование/ Сост. Н. Ф. Котляр, В. Ю. Франчук, А. Г. Плахонин; под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005.
11. *Гейденштейн Рейнгольд.* Записки о Московской войне. СПб., 1889.
12. *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии / Пер. С. А. Аннинского. М.; Л., 1938.

13. Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. М., 1991.
14. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подг. к изд. В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев, Г. Е. Кочин, Р. Б. Мюллер и Е. А. Рыдзевская. М.; Л., 1949.
15. *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — середина XIII в.). М., 2000.
16. Золотая Орда в источниках (Материалы для истории Золотой Орды, или улуса Джучи). Т. 3: Китайские и монгольские источники / Сост., пер. и коммент. Р. П. Храпачевского. М., 2009.
17. «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969 («Библиотека всемирной литературы»).
18. Избранные жития русских святых. X–XV вв. М., 1992.
19. *Киракос Гандзакечи.* История Армении. М., 1976.
20. *Мансикка В.* Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913 (Памятники древней письменности и искусства. № 180).
21. *Матузова В. И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. (тексты, перевод, комментарии). М., 1979.
22. *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестonosцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.
23. *Матузова В. И., Пашуто В. Т.* Послание папы Иннокентия IV князю Александру Невскому // *Studia historica in honorem Hans Kruus.* Tallinn, 1971. S. 133–138.
24. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Подг. к изд. А. Н. Насонов. М.; Л., 1950.
25. Новгородские летописи / Подг. к изд. А. Ф. Бычков. СПб., 1879.
26. Новый список послания владимирского епископа к сыну св. Александра Невского // Православный собеседник. 1861. Ч. 3. Казань, 1861. С. 467–472.
27. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 2: Славяно-русский Пролог. Ч. 1: Сентябрь-декабрь / Изд. А. И. Пономарёв. СПб., 1896.
28. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.
29. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984.
30. *Патканов К. П.* История монголов по армянским источникам. Вып. 1. СПб., 1873.
31. *Патканов К. П.* История монголов по армянским источникам. Вып. 2. СПб., 1874.

32. *Плано Карпини Дж. дель. История монголов. Рубрук Г. де. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло.* М., 1997.
33. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 7: 1723–1727. СПб., 1830.
34. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 8: 1728–1732. СПб., 1830.
35. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 3: 1723. СПб., 1875.
36. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 4: 1724–1725. СПб., 1876.
37. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 6: 1727–1730. СПб., 1889.
38. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997 (репринт изд. 1926–1928 гг.).
39. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998 (репринт изд. 1908 г.).
40. Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1: Новгородская Четвёртая летопись. М., 2000 (репринт изд. 1915–1929 гг.).
41. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1: Софийская Первая летопись старшего извода. М., 2000.
42. Полное собрание русских летописей. Т. 7: Воскресенская летопись. Ч. 1. М., 2000 (репринт, изд. 1856 г.).
43. Полное собрание русских летописей. Т. 10: Никоновская летопись. Ч. 2. М., 2000 (репринт изд. 1885 г.).
44. Полное собрание русских летописей. Т. 12: Никоновская летопись. Ч. 4. М., 2000 (репринт изд. 1901 г.).
45. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Вып. 1: Рогожский летописец. М., 2000 (репринт изд. 1922 г.).
46. Полное собрание русских летописей. Т. 15. [Вып. 2]: Тверской сборник. М., 2000 (репринт изд. 1863 г.).
47. Полное собрание русских летописей. Т. 18: Симеоновская летопись. СПб., 1913.
48. Полное собрание русских летописей. Т. 21: Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. СПб., 1908.
49. Полное собрание русских летописей. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949.
50. Полное собрание русских летописей. Т. 35: Летописи белорусско-

литовские. М., 1980.

51. Полное собрание русских летописей. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982.

52. Полное собрание русских летописей. Т. 39: Софийская Первая летопись по списку И. Н. Царского. М., 1994.

53. Полное собрание русских летописей. Т. 41: Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995.

54. Полное собрание русских летописей. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.

55. *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

56. Псковская судная грамота / Пер. и коммент. И. И. Полосина // Учёные записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Т. 65. Кафедра истории СССР. Вып. 3. М., 1952.

57. Псковские летописи. Вып. 1 / Подред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1941.

58. Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955.

59. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1960 (пер. Ю. П. Верховского).

60. *Рошко Г.* Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия. Послания Папы Римского Даниилу Галицкому и Александру Невскому // Символ. Париж, 1988. № 20. С. 92–114.

61. Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. / Текст подг. А. И. Плигузов, Г. В. Семенченко, Л. Ф. Кузьмина. Вып. 3. М., 1987.

62. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 2. Рига, 1879.

63. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских / Собр. В. Г. Тизенгаузен. СПб., 1884.

64. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2: Извлечения из персидских сочинений, собр. В. Г. Тизенгаузен и обработ. А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л., 1941.

65. Се повести временных лет (Лаврентьевская летопись) / Пер. А. Г. Кузьмина. Арзамас, 1993.

66. *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915.

67. *Сиренов А. В.* Патриарший ризохранилище Боголеп и два памятника монастырской книжности конца XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 7. М., 2003. С. 238–255.

68. Слово о полку Игореве / Подг. текста Л. А. Дмитриева. Л., 1952 (Библиотека поэта. Большая серия).

69. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X / Подг. под рук. Н. Н. Покровского. М., 2007.

70. *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. М., 1995.

71. *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 5. М., 1996.

72. *Фома Сплитский.* История архиепископов Салона и Сплита / Пер. и коммент. О. А. Акимовой. М., 1997.

73. *Хенниг Р.* Неведомые земли. Т. 3. М., 1962.

74. Хроника Эрика / Пер. А. Ю. Желтухина. Выборг, 1994.

75. *Шилов А. А.* Описание рукописей, содержащих летописные тексты. Материалы для полного собрания русских летописей // Летописи занятий Императорской Археографической комиссии за 1909 г. Вып. 22. СПб., 1910. IV. С. 55–68: Летописец Владимирского собора.

76. *Шляпкин И. А.* Синодик 1552–1560 гг. новгородской Борисоглебской церкви // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 5. Новгород, 1911.

Литература

77. Александр Невский в истории России (Материалы научно-практической конференции). Новгород, 1996.

78. *Бартольд В. В.* Образование империи Чингисхана. — В кн.: *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5. М., 1968.

79. *Баумгартен Н. А.* К родословию великих князей Владимирских. Мать Александра Невского // Летописи Историко-родословного общества. Вып. 4 (16). М., 1908. С. 21–23.

80. *Бегунов Ю. К.* Александр Невский. Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. М., 2003 (серия «Жизнь замечательных людей»).

81. *Бегунов Ю. К.* Летопись жизни и деятельности Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха. СПб., 1995. С. 206–209.

82. *Беляев И.* Великий князь Александр Ярославич Невский // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 4. М., 1849. IV. С. 1–42.

83. *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.

84. *Борисов Н. С.* Русские полководцы XIII–XVI вв. М., 1993. С. 6–51.

85. Великий князь Александр Невский / Сост., авт. текст, пер. А. Ю. Карпова. М., 2002.

86. *Вернадский Г. В.* Два подвига св. Александра Невского // *Евразийский временник*. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 318–337 (тоже в: *Наш современник*. 1992. № 3. С. 151–158).

87. *Георгиевский В. Т.* Город Владимир на Клязьме и его достопримечательности. Владимир, 1896.

88. *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903.

89. *Горский А. А.* Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // *Александр Невский в истории России*. Новгород, 1996. С. 64–75.

90. *Гумилёв Л. Н.* От Руси к России. Очерки этнической истории. М., 1992.

91. *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2001.

92. *Джаксон Т. И., Кучкин В. А.* Год 1251, 1252 или 1257? (К датировке русско-норвежских переговоров) // *Восточная Европа в древности и средневековье. X Чтения памяти В. Т. Пашуто*. М., 1998. С. 24–28.

93. *Егоров В. Л.* Александр Невский и Чингизиды // *Отечественная история*. 1997. № 2. С. 48–58.

94. *Завадская Л. А.* Рака Александра Невского в собрании Эрмитажа // *Александр Невский в истории России*. Новгород, 1996. С. 84–93.

95. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 4. М., 1992.

96. *Клепинин Н. А.* Святой и благоверный великий князь Александр Невский. М., 1994. (См. также изд.: СПб., 2004.)

97. *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988 (репринт изд. 1871 г.).

98. *Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы*. СПб., 1995.

99. *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописании её главнейших деятелей. М., 1991. С. 78–89.

100. *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Александр Невский: эпоха и память. Исторические очерки. СПб., 2009.

101. *Кузьмин А. Г.* Александр Невский // *Великие государственные деятели России*. М., 1996. С. 54–76.

102. *Кучкин В. А.* К биографии Александра Невского // *Древнейшие государства на территории СССР*. 1985. М., 1986. С. 71–80.

103. *Кучкин В. А.* О дате рождения Александра Невского // *Вопросы истории*. 1986. № 2. С. 174–176.

104. *Кучкин В. А.* Александр Невский — государственный деятель и

полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 18–33 (то же в: Александр Невский и история России. Новгород, 1996. С. 3—28).

105. Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л., 1966.

106. *Линд Дж.* Некоторые соображения о Невской битве и её значении // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 44–54.

107. *Линд Дж.* «Разграничительная грамота» и новгородско-норвежские договоры 1251 и 1326 гг. // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 135–143.

108. *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропониимики. М., 2006.

109. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 8. М.; Л., 1959.

110. *Лурье Я. С.* Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 100–130.

111. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 3. М., 1995.

112. *Назарова Е. Л.* Крестовый поход на Русь 1240 г. (организация и планы) // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 190–201.

113. *Насонов А. Н.* Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М., 1940.

114. *Павленко Н. И.* Царевич Алексей. М., 2008 (серия «Жизнь замечательных людей»).

115. *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.; Л., 1950.

116. *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.

117. *Пашуто В. Г.* Александр Невский. М., 1975 (серия «Жизнь замечательных людей»).

118. Первая гробница святого князя // Российская газета. 1997. 19 сентября. С. 31.

119. Перенесение мощей святого и благоверного и великого князя Александра Невского из Владимира в Санкт-Петербург // Владимирские епархиальные ведомости. Год IV. Владимир, 1868. № 17. Часть неофициальная. С. 843–856.

120. *Плигузов А. И., Хорошкевич А. Л.* Русская церковь и антиордынская борьба в XIII–XV вв. (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Церковь, общество и

государство в феодальной России. М., 1990. С. 84–102.

121. Рункевич С. Г. Александро-Невская лавра. 1713–1913. СПб., 1997 (сокращённое воспроизведение изд. 1913 г.).

122. Святский Д. О. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. Главы I–II // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 20. Кн. 1. Пг., 1915.

123. Святский Д. О. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. Главы III–VI // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 20. Кн. 2. Пг., 1915.

124. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 89–108.

125. Федотов Г. П. [Рец. на:] Клепинин Н. А. Святой и благоверный великий князь Александр Невский // Современные записки. Т. 36. Париж, 1928. С. 546–549.

126. ФеннелДж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 136–166.

127. Хитрое Л. Я. Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. М., 1991 (репринт изд. 1893 г.).

128. Хорошкевич А. Л. О происхождении текста древнейших новгородско-готландско-немецких договоров конца XII и середины XIII в. // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 128–134.

129. Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. Т. 14. М., 1945. С. 38–61.

130. Шаскольский И. П. Папская курия — главный организатор крестоносной агрессии против Руси 1240–1242 гг. // Исторические записки. 1954. Т. 37. С. 169–188.

131. Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Я., 1978.

132. Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007.

133. Шляпкин И. А. Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского. СПб., 1915.

134. Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.

135. Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 1: Великие князья Владимирские и Владимиро-Московские. СПб., 1889. С. 29–40.

136. Янин В. Л. Церковь Бориса и Глеба в Новгородском детинце (О новгородском источнике «Жития Александра Невского»). — В кн.: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.,

1977.

137. *Fennell J.* Andrej Jaroslavic and the Struggle for Power in 1252: An Investigation of the Sources // *Russia Mediaevalis*. Munchen, 1973. T. 1. P. 49–63.

СОДЕРЖАНИЕ

Карпов А. Ю.

К 26 Великий князь Александр Невский / Алексей Карпов. — М.: Молодая гвардия, 2010. — 329[7] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: Малая серия: сер. биогр.; вып. 5).

ISBN 978-5-235-03312-2

Князь Александр Невский принадлежит к числу наиболее выдающихся людей нашего Отечества. Полководец, не потерпевший ни одного поражения на поле брани, он вошёл в историю и как мудрый и осторожный политик, сумевший уберечь Русь в тяжелейший, переломный момент её истории, совпавший с годами его новгородского, а затем и владимирского княжения.

Книга, предлагаемая вниманию читателей, построена не вполне обычно. Это не просто очередная биография князя. Автор постарался собрать здесь все свидетельства источников, касающиеся личности князя Александра Ярославича и проводимой им политики, выстроив таким образом подробную хронику сорока четырёх лет земной жизни великого князя. Именно подлинные документы эпохи и составили основу повествования.

УДК 94(47)(092)»12

ББК 63.3(2)43

Карпов Алексей Юрьевич

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Главный редактор А. В. Петров

Редактор С. В. Карпова

Художественный редактор М. Н. Ромм Технический редактор М. П. Качурина

Корректор Г. В. Платова

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 23.09.2009. Подписано в печать 25.11.2009. Формат 70x100/12. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 13,65+0,65 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 93227

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сущёвская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-

mail:dse1@gvardiva.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994,
Москва, Суцёвская ул., 21

ISBN 978-5-235-03312-2

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ

ЛЮДЕЙ:

МАЛАЯ СЕРИЯ

Вышли в свет:

А. Воронский
«ГОГОЛЬ»

С. Марков
«МИХАИЛ УЛЬЯНОВ»

Н. Старосельская
«ВИКТОР АВИЛОВ»

М. Гейзер
«ФАИНА РАНЕВСКАЯ»

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Кузичева
«ЧЕХОВ»

З. Прилепин
«ЛЕОНИД ЛЕОНОВ»

В. Старк
«НАТАЛЬЯ ГОНЧАРОВА»

Н. Никитина
«СОФЬЯ ТОЛСТАЯ»

А. Кудря
«ВЕРЕЩАГИН»

С. Федякин
«МУСОРГСКИЙ»

И. Вишневецкий
«СЕРГЕЙ ПРОКОФЬЕВ»

С. Рыбас
«СТАЛИН»

Б. Соколов «РОКОССОВСКИЙ»

Е. Анисимов «БАГРАТИОН»

В. Шигин
«АДМИРАЛ НЕЛЬСОН»

Ю. Борев
«ЛУНАЧАРСКИЙ»

В. Эрлихман

«КОРОЛЬ АРТУР»

В. Козляков
«ЛЖЕДМИТРИЙ I»

СКАЗАНИЯ РУССКОЙ ЛЕТОПИСИ

В пересказе Алексея Карпова

«Сказания Русской Летописи» обращены в первую очередь к детям, но наверняка будут интересны и взрослым. Здесь нет ничего выдуманного: все рассказы взяты из подлинных русских летописей, но изложены живым, доступным для детей языком. Именно летописи — бесценные свидетельства прошлого — сохранили для нас историческую память о пройденном народом пути — с самых ранних времён. В них рассказывается о том, «откуда пошла земля Русская», о первых русских князьях и Крещении Руси, о кровавых междоусобицах и нашествиях иноплеменников, о возвышении Москвы и избавлении Русской земли от ордынского ига, о венчании на царство и опричных казнях грозного царя Ивана Васильевича, о Смуте начала XVII века и воцарении династии Романовых.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Великий князь Александр Ярославич Невский.

Портрет из «Титулярника» 1672 г.

Великий князь Ярослав Всеволодович.

Портрет из «Титулярника» 1672 г.

Переяславль-Залесский. Спасо-Преображенский собор с окружающей застройкой в XII веке.

Реконструкция Г. В. Борисевича

Собор Святой Софии в Новгороде.

Современный вид

Начало княжения в Киеве великого князя Ярослава Всеволодовича, а в Новгороде — его сына Александра Ярославича.

Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Молитва князя Александра Ярославича накануне Невской битвы.

Миниатюра Лицевого летописного свода

Печать новгородского архиепископа Спиридона

Ярл Биргер Магнуссон. Скульптурное изображение и надгробие в монастыре Варнхем в Вестергётланде

Александр Невский. П. А. Корин. 1942 г.

Памятник-часовня Александру Невскому в Усть-Ижоре, на месте Невской битвы

Къзалазѣири, мноствохъ рабѣи. ꙗко древоу
дѣрѣи да. сиѣи крѣици. Тако шѣи великаго
къзалазѣири. исповниши дѣрѣи рабѣи. каждѣо
срѣиѣи крѣици. пришло испѣи плашѣи шѣи. цѣи
си. ꙗко при си крѣици. положи глави си възѣи
вѣи шѣи крѣици. ꙗко зѣи роуци си въннѣи
шѣи. сѣи крѣици рабѣи дѣи при шѣи. ꙗко зѣи крѣи
рѣи шѣи шѣи си. ꙗко зѣи рабѣи шѣи крѣици
лиси. ꙗко рабѣи шѣи дѣи шѣи рабѣи. ꙗко си
дѣи рабѣи шѣи

Ледовое побоище. Миниатюра Лицевого летописного свода

Памятный крест в честь победы русского воинства в Ледовом побоище. Кобылье городище на Чудском озере

Крепость в Копорье. Современный вид

Начало великого княжения Александра Невского.

Миниатюра Лицевого летописного свода

Печать князя Александра Ярославича

Батый. Китайский рисунок XVII в.

Успенский собор во Владимире. Современный вид

Расправа над участниками новгородского мятежа 1257 года.

Миниатюра Лицевого летописного свода

Святой и благоверный великий князь Александр Ярославин.

Фреска Архангельского собора Московского Кремля. 60-е гг. XVI в.

Монгольская юрта.

Реконструкция по Г. Г. Юлю

Серебряная гробница князя Александра Невского из Александро-Невской лавры.

Государственный Эрмитаж

Рождественский собор Владимирского Рождественского монастыря (после реставрации XIX века)

Святой и благоверный великий князь Александр Невский.

Икона. XVIII в.

Карпов А. Ю.

К 26 **Великий князь Александр Невский** / Алексей Карпов.
— М.: Молодая гвардия, 2010. — 329(7) с.: ил. — (Жизнь
замечательных людей: Малая серия: сер. биогр.; вып. 5).

ISBN 978-5-235-03312-2
УДК 94(47)(092)“12”
ББК 63.3(2)43

Главный редактор А. В. Петров
Редактор С. В. Карпова
Художественный редактор М. Н. Ромм
Технический редактор М. П. Качурина
Корректор Г. В. Платова
Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 23.09.2009. Подписано в печать 25.11.2009.
Формат 70×100/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 13,65+0,65 вкл. Тираж 5000 экз.
Заказ 93227

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127994, Москва, Суцёвская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>.
E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии:
127994, Москва, Суцёвская ул., 21

ISBN 978-5-235-03312-2

9 785235 033122 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

notes

Примечания

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 167, 185–186.

См.: *Вернадский Г. В.* Два подвига св. Александра Невского// Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 318–337.

Пашуто В. Т. Александр Невский. М., 1975 (серия «ЖЗЛ»). С. 153.

Цит. по: Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIXвв. М., 1991. С. 292–293.

Ныне Церковь празднует память святого и благоверного великого князя Александра Невского два раза в году: 23 ноября (по новому стилю 6 декабря) и 30 августа (по новому стилю 12 сентября).

Цит. по: *Хитрое М. И.* Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. М., 1991. С. 201.

Уже в наши дни Русская Православная церковь причислила к лику святых князя Дмитрия Донского и адмирала Фёдора Ушакова.

Первый вариант книги увидел свет в 2002 году: Великий князь Александр Невский / Сост., авт. текст, пер. А. Ю. Карпова (серия «Русский мир в лицах»). М.: Русскш Мірб, 2002. Для настоящего издания книга существенно переработана.

В оригинале ошибочно: «Всеволод роди Володимера. Володимер роди Мономаха».

В оригинале ошибочно: «Иван роди Семеона (Гордого. — А. К.).
Семеон роди Ивана».

В другом списке того же «Родословия» перечень князей заканчивается сыном князя Дмитрия Донского Юрием, князем Галичским и Звенигородским (1434), которого в Новгороде признавали великим князем вместо его племянника, внука Дмитрия Донского Василия (будущего Тёмного) (24. С. 560–561).

Впрочем, сведения источников на этот счёт разнятся. «Ясыней» названа родная сестра княгини Марии, «свесь», то есть свояченица, Всеволода Большое Гнездо, вышедшая замуж в 1183 году за князя Мстислава Святославича (39. Стб. 624–625). По-другому сообщает статья «А се князи русь-стии», читающаяся в той же рукописи, что и Новгородская Первая летопись младшего извода (XV век): согласно этому источнику, «княгиня Всеволожая» Мария была дочерью чешского князя Шварна (24. С. 468). Возможно, источником этого сообщения послужила надпись на гробнице княгини Марии (в иночестве Марфы) во Владимирском Успенском Княгинином монастыре. Существует и ещё одна точка зрения, согласно которой Мария была дочерью русского боярина Шварна (108. С. 368–381).

Известие об этом браке содержится в единственном источнике — Летописце Переяславля Суздальского (фактически придворной летописи князя Ярослава Всеволодовича): «В лето 6722 (1213). Ведена бысть Ростислава из Новаго-рода, дщи Мьстиславля Мьстиславичя, за Ярослава, сына великого князя Всеволода, в Переяславль Суздальский» (53. С. 131). Год в данной летописной статье обозначен по ультрамартовскому стилю (83. С. 103; 102. С. 74).

Скудельница — братская, общая могила.

Показания летописей на этот счёт, естественно, разнятся. Приведённые цифры содержатся в наиболее полном описании Липицкой битвы в Новгородской Четвёртой и Софийской Первой летописях (40. С. 193; 41. С. 270–271). Согласно более поздней Никоновской летописи, у Юрия и Ярослава было убито 17 200 человек, «кроме пещцев», а у Мстислава, Константина и их союзников — 550, «кроме пещцев» (43. С. 75). В «Истории Российской» В. Н. Татищева — соответственно, 17 250 и 2550 человек (70. С. 198).

Помимо показаний родословных книг автор данной гипотезы Н. А. Баумгартен (79. С. 21–23) ссылался на тот факт, что, согласно летописцу зимой 1250/51 года сын Ярослава Андрей женился на дочери князя Даниила Романовича Галицкого (38. Стб. 472), который, в свою очередь, был женат на дочери Мстислава Мстиславича Удатного. Получается, что Андрей женился на двоюродной сестре (по матери), что вопиющим образом противоречило церковным канонам. Кроме того, в летописи под 1232 годом упоминается шурина князя Ярослава Всеволодовича, некий Юрий, которого в этом году Ярослав посадил на княжение во Псков (23. С. 72); из всех известных в то время летописям Юриев на эту роль подходит только рязанский князь Юрий Игоревич, который до 1237 года не имел своего удела. Получается, что летописное известие 1232 года подтверждает сведения позднейших родословцев. Однако В. А. Кучкин в специальной статье, посвящённой происхождению матери Александра Невского (102. С. 71–80), показал, что гипотеза Н. А. Баумгартена не имеет под собой строгих доказательств. В частности, источникам ничего не известно о существовании дочери князя Игоря Глебовича, а показания источников XVIII века на этот счёт выглядят путанными и противоречивыми. Что же касается шурина Ярослава Юрия, то вовсе не обязательно отождествлять его с кем-либо из князей, имена которых нам известны. Так, в летописях упоминаются не названные по именам сыновья Мстислава Удатного, «шурята» князя Даниила Галицкого (а значит, и Ярослава Всеволодовича?), не имевшие к началу 30-х годов XIII века своих уделов (39. Стб. 766) — один из них мог бы быть отождествлён с тем самым Юрием, которого Ярослав посадил на княжение во Псков. Основной аргумент Н. А. Баумгартена — о неканоничности брака Андрея Ярославича с дочерью Даниила Галицкого (если мы признаём матерью Андрея Ростиславу Мстиславну) — несомненно, сохраняет свою силу, но, пожалуй, можно согласиться с тем, что политическая целесообразность могла заставить князей заключить династический союз вопреки церковным канонам. В то же время аргументы В. А. Кучкина не снимают сомнений относительно возможности нового брака Ярослава Всеволодовича. Так, нам слишком мало известно о жизни матери Александра Невского, чтобы делать какие-то выводы о её происхождении; факт её погребения в Новгороде, где княжил её сын, разумеется, не может служить свидетельством в пользу её принадлежности

к роду Мстислава Удатного, связанному с этим городом. Устроение Александром свадебного пира в Торопце в 1239 году (24. С. 77), что В. А. Кучкин считает важнейшим аргументом в пользу отождествления матери Александра с княгиней Ростиславой Мстиславной, также вовсе не обязательно связано с прежним княжением в этом городе Мстислава Удатного. Город Торопец, важнейший и ближайший к Новгороду пункт на пограничье Смоленской земли, упоминается в летописи прежде всего в связи с опасностью литовских набегов. Учитывая, что в том же 1239 году отец Александра Ярослав совершил поход на Смоленск против литовцев, занял город и посадил в нём на княжение своего союзника Всеволода Мстиславича (38. Стб. 469), а также что во многом именно литовской угрозой объясняется союз Александра с Полоцком, скреплённый его браком с дочерью полоцкого князя Брячислава, утверждение Александра в Т(Уропце можно объяснить и не прибегая к анализу его родственных связей по матери. Невозможность третьего брака для Ярослава, на что В. А. Кучкин также обращает особое внимание, кажется мнимой. Тем более что князь в любом случае был женат как минимум трижды: уже после смерти княгини Феодосии в 1244 году Плано Карпини (под 1246 годом) упоминает о его жене, не известной русским источникам (32. С. 84). История вообще показывает, что церковный запрет на третий брак мог быть обойдён весьма легко (кажется, гораздо легче, чем брак с близкой родственницей).

Последнюю дату обосновывает В. А. Кучкин. По его мнению, старший брат Александра Фёдор, о рождении которого в Лаврентьевской летописи сообщается под 6727 (1219/20) годом, получил своё имя в честь либо святого Феодора Стратилата, либо святого Феодора Тирона в связи с тем, что родился в один из близких дней ко дням памяти названных святых; память обоих празднуется в феврале (Феодора Стратилата 8 февраля, Феодора Тирона 17 февраля и в субботу первой недели Великого поста, в 1220 году 15 февраля), следовательно, Фёдор родился в феврале 1220 (а не 1219) года. В таком случае Александр, естественно, не мог появиться на свет в мае 1220 года; его рождение следует отнести к 1221 году, предположительно к 13 мая, дню памяти святого Александра Римского (103. С. 174–176). Однако, судя по имеющимся источникам, русские князья не всегда получали имена в честь того святого, память которого праздновалась в ближайшие к дате их рождения дни. Случалось, что они получали имена по обету, данному их родителями заранее. В случае с Фёдором это кажется вполне возможным, поскольку имя Фёдор в крещении носил сам князь Ярослав Всеволодович.

Необходимо помнить, что год в древней Руси начинался с 1 марта; следовательно, годовая летописная статья в обыкновенных случаях охватывает события не только марта-декабря того года, который указан в скобках, но и января-февраля следующего.

Колывань — русское название Таллина (Ревеля). Чудская земля — Эстония.

Речь идёт о знаменитой комете Галлея, появившейся на небе в сентябре предшествующего, 1222 года (*123. С. 206–207; 83. С. 107*).

То есть с князем Вячко.

Великого князя Юрия Всеволодовича.

То есть купцов.

Владимир Мстиславич, из рода смоленских князей Ростиславичей, князь Псковский, Новоторжский.

В нынешнюю Финляндию. Емь, или хяме (тавасты), — восточнофинское племя.

6 августа, в праздник Спаса Преображения.

Насад — древнерусская ладья; её основу (киль) составлял выдолбленный ствол дерева (почему эти ладьи называли также «однодревками»), а борта наращивали («насаживали») досками.

Новгородский боярин; ниже он ещё несколько раз упоминается в летописи как сторонник князя Ярослава Всеволодовича.

Владыка — новгородский архиепископ.

Рига — центр Рижского епископства, один из главных центров католического влияния в Прибалтике в то время.

Городище — княжеская резиденция в двух километрах южнее Новгорода, где постоянно пребывали новгородские князья. Славно — Славенский конец Новгорода. (Новгород делился на пять «концов», или районов: Славенский и Плотницкий на правом берегу Волхова; Неревский, Загородский и Людин на левом.)

Иными словами, псковичи обязывались не вмешиваться в конфликт между Новгородом и Ригой.

Новгородский боярин, родоначальник рода Миши-ничей; позднее, в 1240 году, он прославится своими подвигами в Невской битве.

Кесь — Цесис, или, по-другому, Венден, — резиденция магистра Ливонского ордена, главный центр орденских владений в Прибалтике. Медвежья Голова — Оденпе (ныне Отепя), древняя эстская крепость. Речь идёт о походе Ярослава Всеволодовича на Кольвань в 1223 году.

То есть на Успение Пресвятой Богородицы, 15 августа.

До 6 декабря, дня памяти святого Николая Мирликийского.

Имеются в виду грамоты князя Ярослава Владимировича Мудрого, на которых приносили клятву все новгородские князья вплоть до второй половины XV века.

20 февраля 1229 года.

Перевод предположительный. Речь идёт о полном солнечном затмении 14 мая 1230 года (122. С. 116–120).

Митрополит Кирилл 1, грек, занимал киевскую кафедру в 1224/25 — 1233 годах.

Племянники Юрия и Ярослава Всеволодовичей, сыновья их старшего брата, ростовского князя Константина Всеволодовича, умершего в 1218 году.

14 сентября.

Архиепископ Спиридон был рукоположен в феврале того же 1230 года; умер в 1249 году.

6 декабря.

Ильм — род дерева, вяз.

Берковец — мера веса, равнялся десяти пудам.

Трудно сказать, что это за князь. По утверждению Н. А. Баумгартена, из всех известных в то время русских князей с именем Юрий речь может идти только о рязанском князе Юрии Игоревиче; наименование его шурином князя Ярослава Всеволодовича подтверждает мнение историка относительно брака Ярослава с рязанской княжной, дочерью князя Игоря Глебовича (79. С. 21–23; ср. также: 70. С. 305). По-другому можно полагать, что в Псков был послан один из сыновей князя Мстислава Мстиславича Удатного, имя которого другим источникам осталось неизвестным (см.: 102. С. 77–78).

То есть в орденские владения, город Оденпе (Отепя).

То есть в новгородском Юрьеве монастыре.

То есть в прокорм, сбор съестных припасов и фуража.

Сторожа — передовой отряд, охранение.

Суздальцев.

Совь — вид оружия, наподобие рогатины с одним лезвием.

1236 года.

Владимир Рюрикович, князь Киевский; из рода смоленских князей Ростиславичей.

В Новгородской Первой летописи битва ошибочно датируется 1237 годом.

Текст, возможно, испорчен. В оригинале: «на которое никогда не нападала».

Чтение предположительное. В оригинале: Ovcheruch (в другом списке: Orgenhusin).

Пороки — стенобитные орудия.

Супруга князя Владимира Юрьевича, сына великого князя Юрия Всеволодовича.

Юрьев-Польской.

21 февраля.

В оригинале ошибочно: святого мученика Никона.

Об этом, в частности, писал один из авторов китайского «Краткого известия о чёрных татарах» Сюй Тин, побывавший у монголов с дипломатической миссией в 1235–1236 годах (16. С. 59).

Он более известен под своим княжеским именем — Ярослав.

Всеволод Мстиславич, сын Мстислава-Бориса Романовича.

В. Н. Татищев по-другому называет имя супруги Александра — Параскевия (77. С. 25). О судьбе её более ничего не известно. Во Владимирском Княгинином Успенском монастыре известна гробница великой княгини Александры — супруги Александра Невского. Там же находились гробницы дочери Александра Евдокии и его супруги Вассы (87. С. 122); из этого можно сделать вывод, что князь был женат дважды (ср. 95. С. 215). Впрочем, иногда полагают, что атрибуция последней гробницы ошибочна и на самом деле Васса — это монашеское имя княгини Александры (127. С. 247). В литературе сообщается также о том, что около 1252 года князь женился на некоей Дарье, дочери рязанского князя Изяслава Владимировича, и именно ей (в монашестве Вассе) якобы и принадлежит владимирское захоронение (81. С. 208). Однако сведения об этом браке князя Александра Ярославича едва ли можно признать достоверными (ср. 104. С. 25).

То есть устроил свадебный пир.

Об этом специально писал И. П. Шаскольский (130. С. 169–188; 131. С. 152 и след.). См., однако, и другую точку зрения (112. С. 190–201; 22. С. 225–228).

Время крестового похода в земли тавастов определяется в исторической литературе по-разному: обычно его датировали 1249–1250 годами (131. С. 197–206), однако в последнее время исследователи склоняются к более ранней датировке: вскоре после папской грамоты 1237 года, точнее, в 1238–1239 годах (106. С. 51–52; 74. С. 185).

Свей — шведы; мурмане — норвежцы; сумь (суо-ми), наряду с емью, — одно из финских племён.

Имя это явно не шведское. В других источниках оно не упоминается. Возможно, оно попало в рассказ по ошибке. (Как известно, Спиридон — имя тогдашнего новгородского архиепископа.)

То есть Швеции. Известие автора Жития об участии в походе на Русь самого короля Швеции едва ли достоверно. Напомним, что в летописи в этой связи упоминается «князь», что скорее могло бы иметь в виду ярла или вообще военачальника.

Ср. Пс. 19: 8–9. Песнотворец, или Псалмопевец, — библейский царь Давид, автор Псалтири.

Счёт дневных часов в древней Руси начинали с восхода солнца. Шестой час дня в середине июля соответствует приблизительно 10–11 часам по-нашему.

Шнек — вид корабля.

Из «Рукописания Магнуша» это имя попало в некоторые списки Новгородской Четвёртой летописи (40. С. 223, прим. 34), а также — в искажённом виде: «Нестер» (то есть «местер») «Велгер» — в поздние редакции Жития святого Александра Ярославича (20. С. 35; 27. С. 55), где превратилось уже в имя самого шведского короля.

Широкое распространение получило мнение И. П. Шаскольского, согласно которому во главе шведского войска действительно стоял ярл — глава государственной администрации. В те годы ярлом Швеции был старший родственник Биргера, его двоюродный брат Ульф Фасси; он и признаётся организатором и руководителем похода (131. С. 178). Однако это мнение нельзя признать обоснованным: имя Ульфа Фасси не присутствует ни в одном источнике.

Медвежане — жители Оденпе (Медвежьей Головы); юрьевцы — жители Дерпта; вельяндцы — рыцари из Феллина (Вильянди), ещё одного орденового замка.

По свидетельству автора «Старшей Ливонской рифмованной хроники», потери псковичей составили 800 человек.

Так в Псковской Первой и Псковской Третьей летописях; Псковская Вторая называет дату 16 октября (58. С. 21).

Очевидно, Ярослав Владимирович, бывший князь Псковский.

Водь (вожане) — одно из прибалтийских финских племён; Водская земля входила в состав Новгородской.

Сабля — погост в Новгородской земле.

В некоторых западнорусских летописях XVI века под 1241 годом сообщается о рождении сына Василия у Александра Невского (50. С. 27, 45). Однако это известие, вероятно, основано на смешении Василия Александровича с его дядей, Василием Ярославичем.

Точную дату называют китайские источники (16. С. 176).

Внезапным, стремительным набегом.

Здесь: в разведке.

Узмень — узкий пролив, соединяющий Чудское и Псковское озёра; по-другому — Тёплое озеро. Что же касается Вороньего камня, то его местоположение историки определяют по-разному. Наиболее убедительным кажется предположение, согласно которому так назывался мыс на острове Вороний в северо-восточной части Тёплого озера (Узменя), недалеко от впадения в озеро реки Желчи (105. С. 155–161).

«Свиньёй» русские называли боевой порядок немецких рыцарей в форме клина, при котором каждая последующая шеренга насчитывала на несколько человек больше, чем предыдущая.

Летописец вспоминает об участии новгородцев в войне Ярослава Мудрого с убийцей святых Бориса и Глеба Святополком Окаянным.

Похвала Святой Богородице празднуется Церковью в субботу 5-й недели Великого поста.

По мнению В. Т. Пашуто (1977. С. 79–81), именно этим временем может быть датирована судебная грамота, данная князем Александром псковичам. В знаменитой «Псковской судной грамоте» (XV век) сообщается, что «ся грамота выписана из великого князя Александровы грамоты и из княж Константиновы грамоты и изо всех приписков псковских пошлин...» (56. С. 39). Однако в том, что «великий князь Александр» «Псковской судной грамоты» является одним лицом с Александром Невским, есть сомнения (в XIV–XV веках в Пскове княжило много князей с таким именем).

Ошибка. Должно быть: 5 апреля.

Софийская Первая летопись составлена в первой половине XV века. Рассказ летописи о Ледовом побоище отражает в основном вторую редакцию Жития Александра Невского, однако содержит ряд уникальных подробностей. Ниже приведены отрывки из этого рассказа, не находящие соответствий в процитированном выше тексте первой редакции Жития.

Именование Александра Невского великим князем выдаёт позднего автора: в 1242 году Александр ещё не имел этого титула.

То есть магистр Ордена.

в данном случае, вероятно, имеется в виду датский король Вальдемар II (1202–1241), во владении которого находилась северная Эстония. О короле Вальдемаре западный хронист сообщает, что он «почти всю свою жизнь, как только научился владеть оружием, преследовал неверных, а именно в С[к]ифии, Фризии и в Русции» (21. С. 139).

Здесь, очевидно, имеются в виду «братья-рыцари» (действительные члены Ордена) и рядовые рыцари, находившиеся в войске.

Автор «Рифмованной хроники» различает новгородского князя, освободившего Псков от немцев, и Александра, которого считает суздальским князем. Вероятно, в этом нашёл отражение известный хронисту факт участия в походе Александра войск из Суздаля.

Здесь использовано немецкое идиоматическое выражение, означающее «пасть на поле брани».

Явное преувеличение.

Разительное противоречие с данными русских источников, согласно которым в бою пало 400 или 500 немцев, а 50 рыцарей попало в плен. Впрочем, показания на этот счёт противоборствующих сторон во все времена и во всех странах бывают крайне противоречивыми. Кроме того, надо учесть, что автор «Рифмованной хроники» называет, по-видимому, не общее число потерь, но лишь число погибших и попавших в плен «братьев-рыцарей» — действительных членов Ордена.

«Хроника Тевтонского ордена» — официальное сочинение по истории Ордена; составлена во второй половине XV века.

Автор «Хроники» называет «христианами» только католиков.

«Хроника» Руссова (или Рюссова) написана в Ревеле и издана в 1578 году (второе издание, дополненное автором, вышло в свет в 1584 году).

Р. Гейденштейн — польский историк, официальный историограф польского короля Стефана Батория. Его сочинение, увидевшее свет в 1584 или 1585 году, посвящено заключительному периоду Ливонской войны (1578–1582).

То есть в Хутынском Спасо-Преображенском монастыре. Этого Варлаама не следует путать с преподобным Варлаамом Хутынским, основателем монастыря (f 1193).

Город Каракорум (по-монгольски Хара-Хорин, «Чёрная Осыпь») на левом берегу верхнего Орхона был столицей Монгольской империи с 1235 по 1260 год. После переноса столицы при хане Хубилае в Ханбалык (Пекин) город несколько раз разрушался и восстанавливался. Окончательно был покинут и обезлюдел в XVI веке: на его окраине в 1585 году был поставлен буддийский монастырь Эрдэни-Цзу.

Речь идёт о новгородском Юрьеве монастыре. Однако во Владимире на Клязьме полагали, что мать Александра Невского Феодосия, равно как и его брат Фёдор, похоронены во владимирском Георгиевском монастыре. Здесь память «великой княгини Феодосии, во инокинях Евфросинии», отмечали 25 сентября (75. С. 65–68)

Летописи не сообщают о новом браке князя Ярослава Всеволодовича, однако итальянец Плано Карпини, возвращавшийся из Каракорума в ставку Батые на Волге зимой 1246/47 года, встретил в «земле бесерменов» (в долине Сырдарьи) некоего Угнея, «который по приказу жены Ярослава и Бату ехал к вышеупомянутому Ярославу», к тому времени уже покойному (32. С. 84). В поздних родословных книгах XVIII века есть сведения о браке князя Ярослава Всеволодовича с некой дочерью полоцкого князя Бориса (79. С. 21–23), однако их достоверность кажется сомнительной.

Владимир Константинович, князь Угличский, — сын Константина Всеволодовича Ростовского, старший двоюродный брат Александра Невского; *Борис Василькович*, князь Ростовский (сын убитого татарами Василька Константиновича), и *Василий Всеволодович*, князь Ярославский (сын Всеволода Константиновича), — его двоюродные племянники.

Бывший псковский князь, участник похода немцев на Изборск; после возвращения на Русь занял княжеский стол в Торжке, где прежде княжил его отец. Очевидно, этому предшествовало его примирение с Александром Невским.

Очевидно, Василя, ставшего затем новгородским князем.

В других источниках этот Фёдор Ярунович не упоминается. Ничего не знает о том, что Ярослав был оклеветан перед «царём» (новым ханом Гуюком?), и Плано Карпини, находившийся в Каракоруме вместе с русским князем.

В ставку матери Гуюк-хана Туракины-хатун, где происходило избрание нового хана.

В данном случае слово «пурпур», очевидно, является не обозначением цвета, а синонимом драгоценного («царственного») одеяния, которое может быть разных цветов.

Туракине-хатун. По свидетельству китайских источников, хотя «государь... и получил власть каана, но государственные дела по-прежнему были в руках шестой государыни» (16. С. 178).

То есть из Северной, Черниговской земли.

Речь, возможно, идёт о русском князе Андрее Мстиславиче, об убиении которого «от Батыея» сообщает под тем же 1246 годом автор Рогожского летописца (45. Стб. 31). Однако он не был черниговским князем. Название Чернигова, скорее всего, оказалось здесь по ошибке — это город князя Михаила, о чьей гибели Плано Карпини рассказал чуть выше.

В летописи это известие помещено под ошибочным 1250 годом. Однако Плано Карпини сообщает о поездке Даниила к Батыю в 1245 году, а в 1246 году застал его в ставке одного из родичей Батыя близ Сарая.

Великого князя Ярослава Всеволодовича; Даниил находился с ним во враждебных отношениях и не признавал данные ему Батыем права на Киев.

Чёрный кумыс, или кара-кумыс (по-другому «прозрачный», или «сладкий»), в отличие от обычного, «белого» кумыса, считался питьём знатных монголов и самого хана. Важно подчеркнуть, что общавшиеся с монголами русские считали питьё кумыса абсолютно не допустимым для христианина, о чём специально писал Гильом Рубрук в 50-е годы XIII века (32. С. 104, 105).

Папа имеет в виду переговоры, которые вёл в 1245 и 1246 годах его посол Плано Карпини с князьями Даниилом и Васильком Романовичами относительно возможного сотрудничества с Римом.

Об изгнании князя Святослава Всеволодовича Андреем сообщают наиболее ранние летописи, в том числе русские дополнения к так называемому «Летописцу вскоре» патриарха Никифора: «...Седе в Володимери Святослав... лето 1, и про-гна Андреи, сын Ярославль, и княжи лет 5» (40. С. 631–632), а также Новгородская Четвёртая и Новгородская Карамзинская летописи: «По нём (Ярославе Всеволодовиче. — А. К.) седе брат его Святослав... И по едином лете прогна Андрей Хоробриторови (испорчено; должно быть: Хоробритов или Хоробрит. — А. К.), сын Ярославль, а сам седе на столе» (40. С. 229; 54. С. 118). В более поздних летописях, однако, изгнание дяди приписывается другому Ярославичу — Михаилу, к которому и отнесено прозвище Хоробрит (см., напр.: 52. С. 86; и др.; см. также: ПО. С. 111). О том, что Михаил Ярославич занимал великокняжеский престол, может свидетельствовать его погребение (в 1248/49 году) во Владимире, в Успенском соборе, усыпальнице великих князей.

Здесь: татарские.

Епископ Ростовский Кирилл занимал кафедру в 1231–1262 годах.

Между 27 марта и 24 апреля (16. С. 179).

Одновременно с Александром и Андреем в Каракоруме побывал монах-доминиканец Андре Лонжюмо, посол французского короля Людовика IX Святого, который надеялся установить дипломатические отношения с ханом Гуюком. Андре, однако, не смог исполнить своей миссии; он не застал Гуюка в живых, ханша же Огул-Каймиш направила королю Людовику крайне дерзкий ответ, требуя от него выплаты дани монголам. Лонжюмо отправился в путь с Кипра в конце января 1249 года, а вернулся к королю Людовику в Кесарию (в Малой Азии) в начале апреля 1251-го. О миссии Лонжюмо нам известно главным образом из Хроники его современника Венсана Бове (75. С. 55–57).

Вдова Тулуй-хана (младшего сына Чингисхана), мать будущего великого хана Менгу (Мункэ).

Головной убор.

Вельможа Угедей-хана, отца Гуюка, а также самого Гуюка, занимавший должность визиря.

27 декабря.

В феврале 1250 года: либо 8 февраля (на память святого Феодора Стратилата), либо 17 февраля (на память святого Феодора Тирона).

В одном из вариантов перевода: «...с ведома одного военного советчика» (23. С. 137). Этот Емер может быть отождествлён с неким Темером, переводчиком князя Ярослава Всеволодовича, о котором упоминает Плано Карпини (22. С. 266–267).

Сам Плано Карпини в своём сочинении ничего не говорит о желании князя Ярослава Всеволодовича приобщиться к латинской церкви; вероятно, он имел с ним какой-то разговор на эту тему в Каракоруме, из которого сделал вывод о готовности князя, по крайней мере, к обсуждению сближения западной и восточной Церквей (напомним, что в это время возможность унии рассматривалась и византийским императором). Смерть князя Ярослава позволила папе с гораздо большей уверенностью говорить о готовности Ярослава признать власть Римской церкви.

То есть Ливонского ордена. Напомним, что к этому времени Новгород и Орден связывал мирный договор, заключённый в 1242 году.

Вероятно, речь идёт об отказе князя Александра поехать в Каракорум, куда призывала его ханша Туракина. Об этом папа знал со слов Пано Карпини.

В качестве адресатов папского послания предлагались также бывший псковский князь Ярослав Владимирович и литовский князь Товтивил, но обе эти кандидатуры кажутся неприемлемыми (см. об этом: 89. С. 64–69; 85. С. 105–106, прим.). Вопреки распространённой в литературе точке зрения, второе послание Иннокентия IV отнюдь не свидетельствует о том, что Александр, находясь в Орде, успел получить первое послание папы и дать на него в целом благожелательный ответ. Такой ответ в сентябрьском послании не упоминается; речь идёт в нём лишь о каких-то переговорах Александра с архиепископом Прусским.

Кардиналы с такими именами неизвестны. Возможно, они были присланы не самим папой, а архиепископом Прусским (22. С. 329–330).

Сартак — старший сын Батыя, его соправитель и преемник после смерти. По-видимому, Батыя в это время уже не было в Орде: он отправился в Монголию, чтобы лично принять участие в избрании нового хана, которым — по настоянию самого Батыя — стал его ставленник и союзник Мункэ (или Менгу), из дома младшего сына Чингисхана Тулуя. Менгу был возведён на престол летом 1251 года (16. С. 183).

В Лаврентьевской летописи это событие датировано 25 мая. Предшественник Далмата, архиепископ Спиридон, скончался в 1249 году.

Речь идёт о 24-й зиме правления Хакона (1217–1263), то есть о самом начале 1251 года.

Микьял — Михаил. Это имя носили многие представители новгородской знати того времени, а потому сказать, кто именно из них возглавлял новгородское посольство, не представляется возможным.

Финмарк — область на севере Скандинавии.

Речь идёт о старшем сыне Александра Василии, которому в то время было десять или одиннадцать лет. Кристина была несколькими годами старше: она родилась в 1234 году. Это, однако, не могло служить препятствием для переговоров о будущей свадьбе.

Бьёргюн — Берген. Иными словами, путь послов шёл вокруг Скандинавского полуострова и далее восточным путём через Балтийское море.

Речь идёт о так называемой Неврюевой рати — разорении русских земель в 1252 году (см. о ней ниже). Кажется очевидным, что, говоря о «государстве конунга Хольмгардов», автор саги мог иметь в виду всю Русь, но не обязательно только Новгород. В «Саге о Хаконе» ещё дважды сообщается о «немирье от татар» в Руси (75. С. 204), причём один раз определённо имеется в виду «Неврюева рать» 1252 года (именно после неё бежал в Швецию князь Андрей Ярославич, брат Александра). Предложенная недавно попытка передатировать русско-норвежские переговоры 1257 годом (92. С. 24–28; 15. С. 208, 215) представляется неубедительной (см.: 85. С. 112–113, прим.).

В отечественной историографии её обычно считают частью договора 1251 года (*129. С. 38–61*). Более вероятно, однако, что этот документ является приложением к норвежско-новгородскому договору 1326 года (*см. 107. С. 135–143*).

Супругу князя Ярослава Ярославича, брата Андрея и его союзника в борьбе с татарами.

Тысяча — городское ополчение, элемент системы самоуправления, сохранявшейся в городах СевероВосточной Руси до конца XIV века.

Другие летописи называют точную дату смерти Святослава Всеволодовича: 3 февраля 1253 года (49. С. 142).

Борисов день, или день памяти святых Бориса и Глеба, — 24 июля.

Если слово «царевич» не домысел летописца XVI века, то оно свидетельствует о том, что Неврюй был Чингизидом, то есть потомком Чингисхана.

Пайцза (или басма) — особая пластинка, выдававшаяся монгольскими ханами и используемая как верительная грамота.

Чжуваны — князья «золотого рода», потомки тех монгольских князей, которым выделил уделы сам Чингисхан.

Имеется в виду шведский король, который, по версии Жития Александра Невского, участвовал в Невской битве. Напомним, что автор Жития сообщает о том, что Александр «самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем», однако это известие признаётся несомненным преувеличением.

В младшем изводе Новгородской Первой летописи: «новгородцы с псковичами» (24. С. 307).

В оригинале: «сами бо на себе почали оканьнии преступници правды».

Известие датировано «весной, начальной луной года гуй-чоу», то есть 31 января — 28 февраля 1253 года. В другом месте той же «Юань-ши» сказано иначе: «В год гуй-чоу было внесение в реестр числа дворов и совершеннолетних тяглых у русских и асов (осетин. — А. К.)» (16. С. 208). Битекчи — чиновничья должность в Монгольской империи.

В летописи событие датировано 1255 годом. О дате см.: 115. С. 258–259; 10. С. 293–294.

Аббат из Мессаны, папский легат.

Болеслав V Стыдливый, князь Краковский, и Семовит, князь Мазовецкий, — союзники Даниила, присутствовавшие при его коронации.

То есть после Пасхи. В 1255 году Пасха пришлась на 28 марта.

Двоюродный брат Александра Невского, сын великого князя Святослава Всеволодовича.

В оригинале: «с переветом».

Население Новгорода традиционно делилось на «больших» (или «лучших») и «меньших» мужей: «меньшие» — это рядовые горожане, ремесленники, мелкие купцы и беднота («чёрные люди»); «лучшие» — представители знати, новгородского боярства.

Архиепископа Далмата.

Покосы.

По сведениям В. Н. Татищева, Андрей в предыдущем году вернулся из Швеции на Русь и помирился с Александром, который будто бы «хотел ему Суздаль дать, но не посмел [из-за] царя».

Как отмечает И. П. Шаскольский, город начали ставить на восточном, русском берегу Наровы: об этом сообщает Новгородская Первая летопись младшего извода под 1294 годом (24. С. 328; ср.: 131. С. 214–215).

Шведский король Вальдемар занимал престол в 1250–1275 годах.

От слова «тьма» — 10 тысяч.

В обязанности даругачи (даруги) входили в том числе перепись населения, сбор дани и доставка её ко двору императора (великого хана), а также устройство почтовой службы и, при необходимости, набор войск из местного населения. На Руси монгольского чиновника с такими полномочиями называли баскаком. Великий баскак имел местом своего постоянного пребывания стольный Владимир.

Аланы (ясы) — нынешние осетины.

Здесь и ниже перечислены различные виды даней, повинностей и поборов.

Моавитяне — потомки Моава, сына библейского праотца Лота от его кровосмесительного брака с собственной дочерью; в древней Руси татар нередко возводили к этому «нечистому» потомству. По-другому, на татар смотрели как на исшедшие из своего заточения нечестивые и кровожадные народы Гога и Магога, появление которых в мире возможно лишь в преддверии Страшного суда.

То есть ко дню Успения Пресвятой Богородицы, 15 августа.

Что это за Александр, неизвестно; судя по смыслу летописного сообщения, один из зачинщиков новгородского мятежа; возможно, предводитель личной дружины князя Василия Александровича.

В оригинале ошибочно: мая.

В том же году (если не в предыдущем, 1257-м?) Улагчи скончался, и на престол в Орде взошёл младший брат Батыя хан Берке.

Речь идёт о лунном затмении 1 декабря 1259 года (122. С. 191; 83. С. 114, 271).

Вероятно, тот самый «битекчи» Берке, который был послан на Русь ещё в 1253 году великим ханом Менгу.

Возможно, «даруга» Китай, также упомянутый в китайских источниках?

Что это такое, неясно. Вероятно, какой-то особый вид налога.

2 мая (или, менее вероятно, 24 июля).

Точная датировка этого договора 1259 годом условна. Шире он должен датироваться временем между 1259 годом (начало княжения в Новгороде Дмитрия Александровича) и концом 1262 года (последняя поездка в Орду Александра Ярославича). Ряд исследователей датируют договор именно осенью 1262 года, считая, что он был заключён после успешного похода русских войск на Юрьев (см. ниже). Текст договора сохранился на листе пергамента, некогда хранившегося в Рижском архиве, вместе с текстом более раннего новгородско-готландско-немецкого договора, заключённого в конце XII века, при новгородском князе Ярославе Владимировиче (1189–1199 годы). Грамота снабжена печатями новгородского князя Ярослава Ярославича, архиепископа Далмата и «всего Новгорода». По-видимому, копия обоих договоров была специально выполнена для Риги около 1270 года (128. С. 128–134).

Тяжбы, споры.

Пуд и скалвы — здесь: орудия взвешивания, весы. (Скалвы — коромысленные весы, использовавшиеся в основном для взвешивания воска.) Очевидно, речь идёт об установлении единой, более точной системы взвешивания в торговле между Новгородом и его западными торговыми партнёрами.

По-видимому, речь идёт об урегулировании прежнего конфликта между новгородцами и немцами, приведшего к гибели каких-то (немецких?) купцов: согласно договору 1189–1199 годов («старому миру»), «оже убьют новгородца посла за морем или немецкыи посол Новегороде, то за ту голову 20 гривен серебра; а оже убьют купчину новгородца или немчина купчину Новегороде, то за ту голову 10 гривен серебра» (14. С. 55).

Ещё одна мера веса. Капь равнялась 4 пудам и также обычно использовалась для взвешивания воска.

Остров, запирающий выход из Невы в Финский залив (ныне на нём находится крепость Кронштадт).

В Ипатьевской летописи рассказ читается под 1260 годом. Однако хронология Ипатьевской летописи за XIII век нарушена. Новгородская Первая летопись точно датирует разорение татарами Литовской земли 1258 годом (см. выше).

О дальнейших событиях летопись повествует под 1261 годом. «Великопольская хроника», однако, точно датирует вторжение татар и войск галицкого князя Василька Романовича и разорение Сандомира ноябрём 1259 года (9. С. 184–185).

31 марта 1260 года.

Святитель Леонтий, епископ Ростовский (жил в XI веке) — один из наиболее почитаемых ростовских святых; его гробница находится в Успенском соборе в Ростове.

В младшем изводе Новгородской Первой летописи (в разных списках) добавлено: «...и дай ему Бог спасенную молитву отпущение грехов»; или: «...и устроив себе память вовеки» (24. С. 311).

На архимандрита Игнатия было возложено исполнение обязанностей епископа при престарелом владыке Кирилле. На следующий год Кирилл умер, и Игнатий был официально возведён в сан епископа Ростовского.

Автор Софийской Первой летописи добавляет к перечню городов ещё и Переяславль (41. Стб. 336).

Резы — ростовщические проценты.

Фраза не вполне ясная, и перевод предположительный. *Кутлубий* — скорее всего, монгольский император (великий хан) Хубилай (1259–1294), а *Тутям* (в Никоновской летописи: *Тутяк*) — имя посла (ср.: 113. С. 50–53). Предлагается и другое толкование летописного текста, по которому Кутлубий — имя посла, прибывшего от «царя татарского»; этого Кутлубия иногда отождествляют с ростовским баскаком Кут-лубугой, упомянутым в летописи (100. С. 165–166; ср.: 38. Стб. 528). Но последний умер в 1305 году, и трудно предположить, что его баскачество продолжалось более сорока четырёх лет. К тому же в таком случае не понятно, что означает слово «тутям»; считать его эпитетом, характеризующим личность баскака Кутлубия («титим», по-древнетюркски, «упорный», «стойкий»: 100. С. 166), едва ли возможно; скорее, приведённые данные имеют отношение к этимологии имени.

В наиболее раннем списке Степенной книги этих подробностей нет и текст читается кратко (*см. 69. С. 530*).

От слова «ясак» — так в России с XV века называли дань пушниной, выплачиваемую северными и сибирскими народами в государеву казну.

Приведём в этой связи высказывание выдающегося русского ориенталиста академика В. В. Бартольда: «...Единство империи (Монгольской. — А. К.) сохранялось до тех пор, пока ещё было живо влияние личности её основателя, пока ещё действовали воспитанные им люди, что продолжалось ещё 30 лет после его смерти», то есть до конца 50-х годов XIII века (78. С. 265).

По мнению В. Т Пашуто, речь идёт о литовском князе Константине Товтивилевиче, княжившем в Витебске; его брак с дочерью Александра должен был скрепить русско-литовский мир (117. С. 138). По-другому, имеется в виду сын князя Ростислава Мстиславича (95. С. 214, прим. 107).

Вернер фон Брайтхаузен занимал должность магистра в Ливонии в 1261–1263 годах. (В «Хронике» Руссова его магистерство — и, соответственно, все происходившие в это время события — ошибочно датировано 1267–1269 годами.)

Транята (Тройнат), князь Жемойтский.

Братанич — племянник, сын брата.

Сын Александра Невского.

210

Осетинский.

Городец на Волге, близ Нижнего Новгорода; ныне город Городец Нижегородской области.

Поздние источники (не ранее XVI века) называют имя, которое принял князь Александр Ярославич в иночестве, — Алексей (20. С. 25).

Княжеская резиденция близ Владимира.

Сын князя Даниила Романовича Галицкого.

Довмонт, князь Нальщанский (в Литве), впоследствии, в 1265 году, спасаясь от мести Воишелка, бежал из Литвы во Псков, принял здесь крещение с именем Тимофей и стал князем Псковским. Прославился своими ратными подвигами и после смерти был причтён к лику святых. Почитается как один из великих русских святых, небесный покровитель города Пскова.

Жемойтской.

Сын князя Дмитрия Александровича.

Обычно в исторической литературе считается, что собор имел место во Владимире в 1274 году. Иную дату и иное место его проведения обосновали Н. Г. Бережков и Я. Н. Щапов (83. С. 344, прим. 2; 134. С. 183–184).

Приточник — библейский царь Соломон, автор книг «Премудрости Соломона» и «Притчи Соломона», вошедших в состав Ветхого Завета.

Иосиф — библейский патриарх, сын Иакова, отличавшийся исключительной красотой и умом; был продан братьями в Египет, где за свою мудрость поставлен фараоном (египетским царём) правителем всей страны (*Быт. 41:37–57*). Самсон — библейский судья и герой, обладавший невероятной физической силой.

Веспасиан Тит Флавий (9—79) — римский император (с 69), основатель династии Флавиев. Подавил восстание в Иудее и покорил всю страну. Об осаде Веспасианом крепости Иоатапаты рассказывается, в частности, в «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, известной в древнерусском переводе.

«Слуги Божии» — здесь: рыцари Ливонского ордена; Андряш — Андреас фон Велвен, магистр Ливонского ордена в 1240–1241 годах, впоследствии вице-магистр.

Об этом рассказывается в библейской Третьей Книге Царств (гл. 10): царица южноаравийского государства Сабы (Савская, или Южичская), слыша о мудрости царя Соломона, лично явилась в Иерусалим, дабы убедиться в достоверности слухов.

Швеции.

Песнотворец, или Псалмопевец, — библейский царь Давид, автор Псалтири.

Езекия — царь Иудейский. О нашествии ассирийского царя Сенахирима, осаде им Иерусалима и чуде, произошедшем при этом, рассказывается в Четвёртой Книге Царств (19:35).

Моисей — библейский пророк, выведший израильтян из Египта. Когда Амалик, вождь амаликитян, напал на израильтян, только благодаря Божьей помощи и молитве Моисея израильтянам удалось одержать победу. Ярослав — князь Ярослав Владимирович Мудрый, сын Владимира Святого. В 1019 году в битве на реке Альте Ярослав победил Святополка Окаянного, отомстив тем самым за смерть своих братьев Бориса и Глеба.

Иисус Навин — преемник Моисея. О взятии им крепости Иерихон в Ханаане (недалеко от Иерусалима) рассказывается в ветхозаветной Книге Иисуса Навина (6:1—20).

В реконструкции Ю. К. Бегунова: «до моря Египетского» (исправление внесено по двум поздним спискам Первой редакции Жития конца XVI — начала XVII века и второй четверти XVII века; см.: *Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли»*. С. 173, прим. *ш*). В большинстве списков: Хонужьскаго, Хуложьскаго и т. п. Очевидно, речь идет о Хвалисском (Хвалынском, Хвалижском) море — то есть о Каспийском. Варяжское море — Балтийское.

230

Батый.

231

Здесь: татарские.

Неточность. Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, дед Александра Невского, был внуком, а не сыном князя Владимира, и притом не Крестителя Руси Владимира Святого, а его правнука Владимира Мономаха.

О происхождении этого имени см. прим, на с. 97. Имеется в виду шведский ярд Биргер.

Здесь: католиков.

Ещё одна неточность. Невская битва имела место 15 июля. 16 июля 1240 года приходилось на понедельник.

И слова епископа, и весь этот эпизод явно заимствованы составителем Псковской редакции Жития святого Александра Невского (основного источника Проложного Жития) из Жития святого Михаила Черниговского, принявшего мученическую смерть в Орде.

Легендарная повесть о гибели царя Батые от короля Владислава «в Угрех», то есть в Венгрии (вариант: в Болгарии), появилась не ранее второй половины XV века. В данную редакцию Жития Александра Невского известие о гибели Батые попало, вероятно, из Жития другого русского святого — Фёдора Ярославского (где Владислав также назван не венгерским, а болгарским царём).

Во всех списках: «згоре» или «згорело». По мнению Е. Е. Голубинского, это описка вместо «огорело» (88. С. 65–66, прим. 2). То же известие читается в Воскресенской и некоторых других летописях. В Софийской Первой летописи по списку Царского слова «и тело великого Александра Невского сгоре» вымараны более поздним книжником (52. С. 165, прим. с). В одном из списков Никоновской летописи на этом месте читается легенда «О явлении на воздухе святого и великаго князя Александра Невскаго и о пожаре Володимерском». См. об этом предании ниже, в рассказе о чудесах святого Александра Невского.

Святитель Иона, митрополит Московский и всея Руси, был избран на митрополию в 1448 году и пребывал на кафедре до своей смерти в 1461 году (фактически управлял Русской церковью ещё с 1431 года). Причтён клику святых на Макарьевском соборе 1547 года.

Святитель Макарий, митрополит Московский и всея Руси, занимал кафедру в 1542–1563 годах. Он вошёл в историю как выдающийся книжник средневековой Руси, создатель грандиозных 12-томных Великих Миней Четых, вобравших в себя почти все богатства тогдашней русской литературы, а также как инициатор проведения церковных соборов и принятия важных реформ Русской церкви. Именно по инициативе святителя Макария на соборах 1547 и 1549 годов были причтены к лику святых многие русские подвижники, прежде почитавшиеся лишь местно, и среди них великий князь Александр Невский. Святитель Макарий был канонизирован Русской церковью в 1988 году.

Далее перечисляются святые, канонизированные на обоих Макарьевских соборах: 1547 и 1549 годов.

Мощи святого Александра Невского были переложены в новую «сребропозлащенную» раку в 1697 году.

Так называемом Княгинином.

По другим сведениям, дочь Александра Невского.

Выше уже говорилось о погребении князя Фёдора Ярославича и княгини Феодосии-Евфросинии в Новгородском Юрьевом монастыре.

Параекклисиарх (или кандиловозжигатель) — пономарь, в обязанности которого входит зажигание светильников в храме.

То есть митрополии, в данном случае — Москвы.

В некоторых списках «Владимирской» редакции Жития названо имя монаха Красовцова — Нил (20. С. 28).

Здесь, вероятно, соединены два различных чуда святого Александра, о которых более подробно рассказывается во «Владимирской» редакции Жития. Приведём этот текст: «Поведали иерей той же обители Феодосий и диакон Пахомий: «Сие, — рассказывали, — видели своими глазами. Привезли некоего сына боярского из города Пскова, одержимого болезнью, именем Симеона, и когда сотворили мы молебен о нём у гроба блаженного великого князя Александра, то вскоре он получил исцеление и отошёл, радуясь, восвояси».

На следующий день, в воскресенье, привезли иного сына боярского из того же города Пскова, одержимого болезнью, по имени Михаил и по прозвищу Забелин. И по совершении молебна прикоснулся он к честной раке блаженного Александра, и тотчас получил исцеление, и прославил Бога, и отошёл, радуясь, восвояси» (20. С. 29).

250

Крин — лилия.

В 1571 году крымский хан Девлет-Гирей подступил к Москве и полностью сжёг её, уведя в полон огромное число христиан. На следующий год орды Девлет-Гирея вновь двинулись на Москву, но были остановлены и разбиты русским войском во главе с князем Михаилом Ивановичем Воротынским у села Молоди в 45 километрах от столицы.

В середине XVIII века рака была вложена в драгоценную серебряную раку, в которой мощи святого Александра Невского покоились до 1922 года. В настоящее время — в Государственном Эрмитаже. В 1997 году, во время археологических раскопок на территории Владимирского Рождественского монастыря, обнаружена и первая деревянная гробница, в которой предположительно был погребён князь Александр Невский. Её нашли под толстым слоем земли в певнице — специальном сооружении, возведённом в южной части собора. Заслуживает внимания тот факт, что гробница была обнаружена 30 августа — в день празднования перенесения мощей святого князя из Владимира в Санкт-Петербург (118. С. 31).

То есть Александру Невскому.

Общее падение нравов и кризис веры в Петровскую эпоху отразились и на отношении к мощам Александра Невского (которые, как мы помним, сильно пострадали от пожара ещё в конце XV века). Во время розыска по так называемому «второму Суздальскому делу» 1720–1721 годов выяснилось, что бывший ростовский епископ Досифей советовал архимандриту Рождественского монастыря Гедеону прибавить в раку Александра Невского «хотя бы простых человеческих костей и голову приложить какого ни есть человека, давно умершего». К счастью, Гедеон этим советом не воспользовался и «того никогда не учинивал» (*цит. по: 114. С. 248*).

Высочайшее повеление о перенесении мощей последовало (устно) 29 мая 1723 года. *(Прим, составителей Полного собрания законов Российской империи.)*

Соответствующий Указ из канцелярии Святейшего Правительствующего Синода «Рождественского монастыря, что во Владимире, Архимандриту Сергию» последовал 22 июля 1723 года (35. С. 101–103. № 1065).

Алекса́ндро-Невский монастырь (его первоначальное официальное название: монастырь Живоначальной Троицы и Святого благоверного великого князя Александра Невского) был начат строительством в 1712 году по личному повелению Петра. Место же для его построения было выбрано царём ещё летом 1710 года: у впадения в Неву Чёрной речки, близ деревни Вихтулы, или, как её предпочитали называть, Викторы; это место было тогда ошибочно определено как место знаменитой битвы князя Александра Невского со шведами в 1240 году. Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь стал главным духовным центром Санкт-Петербурга. В 1797 году монастырь был возведён на степень лавры.

258

Темно-вишнёвым.

Байберек — ткань из кручёного шёлка, гладкая или с золотыми и серебряными узорами.

Шлиссельбургу.

Указ появился после восшествия на престол императора Петра II, сына царевича Алексея, казнённого Петром. Причиной повсеместного изъятия Службы святому Александру Невскому и отмены празднования 30 августа стало «поношение» в написанной Гавриилом Бужинским Службе «высокой чести блаженной памяти царевича Алексея Петровича».

262

То есть 23 ноября.